

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2018 17 (815)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 17 (815)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2018

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 17 (815)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2018

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Василюк И., канд. филол. наук (Польша)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евдокимов А. Ю., академик РАЕН, д-р техн. наук,
канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)

Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Сухарев Ю. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
(Литературный ин-т им. М. Горького)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
(Ин-т рус. яз. им. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Харитончик З. А., д-р филол. наук, проф.
(Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Цветева Е. Н., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским
языкам (Нидерланды)
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук,
проф. (Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ваничкина А. С.</i> Жанровые особенности судебного выступления адвоката (на материале английского языка)	9
<i>Викулина М. А.</i> К вопросу об инвективной лексике и лингвистической экспертизе	16
<i>Думина Е. В.</i> Образовательный потенциал педагогической модели «Перевернутый класс» в условиях иноязычной подготовки студентов неязыкового вуза	26
<i>Елькин Д. Ю.</i> Объекты лингвокультурологии в аспекте ярусного строения языка	36
<i>Кастро М. Л., Эстрада Дж. С., Райтаровский В. В.</i> Символы в поэме Федерико Гарсия Лорки «Поэт в Нью-Йорке»	43
<i>Кириллов И. А.</i> О мастерстве поэтического перевода	61
<i>Климинская С. Л.</i> Особенности юридического дискурса устойчивого развития	78
<i>Кравчук Ю. С.</i> Роль юрислингвистики в билингвальном исследовании концептов (на примере концепта «недвижимость» / «realty» в русской и английской национальных языковых картинах мира)	85
<i>Кузнецова Л. В., Викулина М. А.</i> Особенности концептуализации образа России в англоязычных СМИ	95
<i>Любимова О. Ю.</i> Метафоризация концепта «argument» в юридическом дискурсе	109
<i>Маршалок Н. В., Ульянова И. Л.</i> «Societas leonine» – литературная метафора и юридический термин	119
<i>Мельник И. К.</i> Французское авторское право на занятиях по французскому языку. Практическое руководство по правильному оформлению ссылок на произведение	130
<i>Моисеенко Л. В.</i> Модализация сообщения в социальных сетях	140

<i>Нагаева К. Э.</i>	
Изучение культурных концептов как часть формирования межкультурной коммуникации студентов политических специальностей	154
<i>Попова Е. П.</i>	
Семантические переносы как источник формирования юридической терминологии (на материале английского языка)	162
<i>Ускова Т. В.</i>	
Дискурсивный анализ как метод изучения англоязычных юридических текстов	171
<i>Чечина Н. Ю.</i>	
Детерминологизация в современном китайском языке на примере единиц языка экономики и бизнеса	183
<i>Шумакова А. Н.</i>	
Аглицизмы и американизмы в современном политическом языке (на материале французского журнала L'Obs)	194
<i>Яроцкая Л. В.</i>	
«Диалог смыслов» в межкультурном правовом пространстве как актуальный объект освоения	204

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Братчикова Н. С.</i>	
К вопросу изучения духовной культуры Финляндии второй половины XVI века (на примере религиозно-просветительской деятельности епископа Паавали Юстена)	212
<i>Ганин В. Н.</i>	
Мальтийский купец и венецианский ростовщик (образ еврея в пьесах К. Мавро и У. Шекспира)	227
<i>Толкачев С. П.</i>	
Английская литература «пограничья» и постколониальный роман	241

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Каюмов А. Т., Маслова А. В.</i>	
Черты русской мысли. К вопросу об истории философии в России	258
<i>Хорькова И. В.</i>	
«Диалектика мифа» профессора А. Ф. Лосева как наиболее последовательное учение о мифологическом сознании	274

CONTENTS

LINGUISTICS

Vanichkina A. S.

The Specific Features of the Lawyer's Speech Genre (based on the English language material)	9
--	---

Vikulina M. A.

Revisiting the Problem of Invective Words and Linguistics' Expert Opinion	16
---	----

Dumina E. V.

Educational Potential of the "Flipped Classroom" Pedagogical Model under the Conditions of Foreign Language Training of Non-Linguistic Students	26
---	----

Elkin D. Yu.

Objects of Linguoculturology in Terms of Layered Language Structure	36
---	----

Castro M. L., Estrada Y. S., Raytarovskiy V. V.

The Symbols in "Poeta in New York" by Federico Garcia Lorca	43
---	----

Kirillov I. A.

On the Mastery of Poetic Translation	61
--	----

Kliminskaya S. L.

Special Characteristics of the Legal Discourse of Sustainable Development	78
---	----

Kravchuk Yu. S.

The Role of Legal Linguistics in Bilingual Studies of Concepts (concept "nedvizhimost" / "realty" in Russian and English national language worldviews)	81
--	----

Kuznetsova L. V., Vikulina M. A.

Special Aspects of Conceptualization of Russia in English Language Media	95
--	----

Lyubimova O. Yu.

Metaphorical Concept "Argument" in Legal Discourse	109
--	-----

Marshalok N. V., Ulianova I. L.

Societas Leonine – Literary Metaphor and Legal Term	119
---	-----

Melnik I. K.

French Copyright Law on the Lessons of the French Language. A Practical Guide on the Legal Formatting of References	130
--	-----

Moiseenko L. V.

Message Modalization in Social Networks	140
---	-----

<i>Nagaeva K. E.</i>	
Study of Cultural Concepts as a Part of Cross-Cultural Communication	
Establishment among Political Science Students	154
<i>Popova E. P.</i>	
Semantic Shift as a Source of Legal Terminology Development	
(based on the material of the English language)	162
<i>Uskova T. V.</i>	
Discourse Analysis as a Method of Studying English Legal Texts	171
<i>Chechina N. Y.</i>	
Determinologization in Modern Mandarin Chinese	
on the Example of Economic Terms	183
<i>Shumakova A. N.</i>	
On Anglicisms and Americanisms in the Present-Day Political Language	
(based on L'Obs news magazine)	194
<i>Yarotskaya L. V.</i>	
"Dialogue of Senses" in an Intercultural Legal Framework	
as an Urgent Research Object	204

LITERATURE STUDIES

<i>Bratchikova N. S.</i>	
To the Question of Studying the Spiritual Culture of Finland	
of the Second Half of the XVI Century (on the example of the religious-	
educational activity of the Bishop Paavali Justen)	212
<i>Ganin V. N.</i>	
The Maltese Merchant and the Venetian Usurer (the image of the Jew	
in the plays of Chr. Marlowe and W. Shakespeare)	227
<i>Tolkachev S. P.</i>	
English Literature of the "Boderline" and Postcolonial Novel	241

CULTUROLOGY

<i>Kayumov A. T., Maslova A. V.</i>	
Features of Russian Thought. On the History of Philosophy in Russia	258
<i>Khorkova I. V.</i>	
«Dialectics of the Myth» of Professor A.F.Losev as the Most	
Consecutive Doctrine about Mythological Consciousness	274

УДК 340.113

А. С. Ваничкина

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области информационных наук Института информационных наук МГЛУ; e-mail: alexvanichkina@gmail.com

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ АДВОКАТА (на материале английского языка)

В данной статье рассматривается выступление адвоката во время заседания суда. Особое внимание уделяется вопросу стилистической и жанровой принадлежности адвокатского выступления в рамках судебного процесса. Теоретические основания данного исследования опираются на понимание сущности судебного дискурса как институционального, характеризующегося строгой регламентацией и формализацией. Речь адвоката представляет собой особый жанр судебного дискурса, который определяется строго регламентируемой речевой ситуацией. Ведущей характеристикой выступления адвоката является аргументативность. Это приводит к тому, что адвокат, в целях оказания прагматического воздействия на адресата, должен применять различные средства аргументации.

Ключевые слова: судебный дискурс; жанр; стиль; юрислингвистика; речевая ситуация; аргументация; прагматическое воздействие; система ценностей; аксиология.

A. S. Vanichkina

Ph. D., Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Information sciences, Institute of information sciences, MSLU;
e-mail: alexvanichkina@gmail.com

THE SPECIFIC FEATURES OF THE LAWYER'S SPEECH GENRE (based on the English language material)

The present article deals with the lawyer's speech in the framework of the court session. Particular attention is paid to the issue of style and genre of advocacy in the trial. The theoretical bases for this research are built upon the understanding of the essence of the judicial discourse as an institutional one, which is strictly regulated and highly formalized. The lawyer's speech is a special genre of judicial discourse determined by the speech situation, which is strictly regulated. This leads to the fact

that the lawyer, in order to render a pragmatic effect on the addressee, must apply various means of argumentation.

Key words: judicial discourse; genre; style; legal linguistics; speech situation; argumentation; pragmatic effect; system of values; axiology.

В судебном дискурсе выделяются два основных типа – совещательный и состязательный. Принцип состязательности сторон заключается в активном отстаивании сторонами перед судом своей точки зрения. Способность убедить суд в своей правоте зависит от того, в какой мере лица, участвующие в деле, владеют техникой и тактикой ведения дела в суде.

Судебный дискурс представляет собой яркий пример статусно-ориентированного общения (В.И. Карасик), в котором роли четко распределены, и за каждым участником закреплены функции, определенные нормами института правосудия. При этом общению присуще неравенство сторон. Участники судебного процесса строго регламентированы и могут быть разделены на две группы: профессиональные и непрофессиональные участники дискурса. К первым относятся судья (иногда коллегия судей), прокурор, адвокат, а также приставы и секретарь суда. Ко второй группе относятся: истец или подсудимый (в зависимости от вида процесса), а также свидетели и присяжные.

Статусное положение участников судебного дискурса, в том числе адвоката, находит выражение в их речевом поведении. Термин «речевое поведение» используется в понимании, предложенном Т.Г. Винокур: «...речевое поведение как совокупность речевых поступков, с внутриязыковой стороны определяемое закономерностями употребления языка в речи, а с внеязыковой – социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности» [Винокур 2007, с. 12]. Речь и речевое поведение всех участников процесса строго регламентируется, так как коммуникация в рамках судебного заседания определяется социально-историческими, национально-культурными, а также правовыми процессами. Состязательность судебного процесса приводит к тому, что всем сторонам необходимо находить способы воздействия на основных участников судебного процесса в рамках строгих ограничений, налагаемых на них жесткой регламентацией судебного процесса.

С одной стороны, речевая ситуация судебного заседания требует от участников соблюдения норм официально-делового общения

и соблюдения регламента, в частности речевого. С другой – необходимость оказывать влияние на участников процесса и добиваться поставленных коммуникативных задач приводит к тому, что участники процесса используют речевые средства оказания воздействия, не соответствующие рамкам официально-делового стиля. Анализ судебного дискурса показал, что участники процесса, в частности адвокаты, прибегают к использованию как прямых, так и косвенных тактик речевого воздействия. Эффективность оказания воздействия напрямую зависит от умения говорящего сочетать оба вида тактик. Использование, например, такого вида эмоциональной аргументации, как «*argumentum ad auditorium*» фактически противоречит речевой ситуации официального общения. В этой связи возникает вопрос определения жанровой и стилевой принадлежности судебных речей.

Н. П. Глинская предложила классификацию, согласно которой специальная юридическая речь реализуется в регистре права официально-документального стиля и в регистре правоведения научного стиля. В соответствии с выделяемыми источниками права, существующими в письменной форме, регистр права подразделяется в этой классификации на три подрегистра: законодательный, судебный и документальный. Фундаментальное различие между текстами правоведения и права заключается в том, что последние имеют юридическую силу, а значит, оказывают реальное воздействие на жизнь людей, регулируя их отношения и контролируя их поступки. Юридические тексты принадлежат к нескольким функциональным стилям и жанрам, для них характерно различие целеустановок, определяющих преимущественное использование языковых средств [Глинская 2002, с. 10].

Жанровое пространство судебного дискурса определяется предусмотренной законодательством процедурой. Речь адвоката является одним из жанров, существующих в рамках судебного дискурса. М. М. Бахтин называет речевыми жанрами типы высказываний, обладающих предметно-смысловой исчерпанностью и типическими формами воплощения. При этом каждое высказывание имеет рамки, устанавливаемые сменой речевого субъекта. Высказывания отражают условия и цели общения, благодаря содержанию, отбору грамматических средств и композиционному построению, которые в свою очередь определяются спецификой сферы общения. Рассматривая жанры устной речи, М. М. Бахтин указывал на такую отличительную особенность устных жанров, как способность «поддаваться свободно-творческому

переоформлению (подобно художественным жанрам, а некоторые, может быть, и в большей степени)» [Бахтин 1979, с. 259]. В исследованиях В. В. Виноградова был поставлен вопрос о жанрово-стилистической сложности устной монологической речи как синтезе письменной и устной речи, а также литературно-художественных синтаксических форм и словаря [Виноградов 1971, с. 148].

М. П. Брандес вводит понятие «судебно-деловой подстиль», к которому относятся монологи судей, прокурора и адвоката, диалоги между участниками процесса. «Выяснить, доказать, убедить – вот три взаимосвязанные функции, которые определяют внутреннюю структуру указанного подстиля и основные качества языкового оформления: убедительность, точность, ясность, логичность, краткость, эмоциональность, соблюдение правил языкового этикета, соблюдение норм литературного языка» [Брандес 2004, с. 160]. Как видно из данного определения, не все перечисленные характеристики могут быть отнесены к официально-деловому стилю. Как правило, эмоциональность противоречит денотативной точности, а убедительность является характерной чертой публицистического стиля.

О. Б. Сиротинина отмечает сложную риторическую природу судебного диалога, которая определяет тот факт, что судебная речь не относится ни к одному из функциональных стилей. Необходимость доказать свою позицию адресату, оказать прагматическое воздействие на него приводит к тому, что говорящий использует элементы, относящиеся к различным стилям (научному, официально-деловому, публицистическому). Таким образом, судебная речь характеризуется чередованием разностилевых и гибридных фрагментов [Гольдин, Сиротинина 1993, с. 10].

Все вышеприведенные точки зрения объединяет общее понимание сущности судебного дискурса, которое выражается в особенностях прагматических целеустановок, стоящих перед участниками коммуникации. Их реализация происходит в строго формализованных и регламентируемых рамках институционального дискурса. Данные характерные черты особенно ярко проявляются в рамках судебного выступления адвоката. Речь адвоката представляет собой жанр судебного дискурса, характеризующийся точностью, ясностью, эмоциональностью, а ведущей характеристикой является аргументативность. Выступления видных адвокатов считаются главным видом аргументативного дискурса, а их аргументация в суде – образцом аргументации.

Речевое поведение адвоката, представляющего интересы доверителя, а также свидетеля защиты воплощается в использовании коммуникативной стратегии защиты. Ее мы определяем как совокупность речевых действий адвоката или другого участника судебного заседания, направленных на опровержение обвинения и/или смягчение ответственности подсудимого.

Одной из основных задач аргументирования адвоката является установление, определение и оценка фактов, с которыми должен согласиться адресат. Для согласия и присоединения аудитории к позиции оратора необходимо, чтобы он соблюдал рационалистический канон ясности, отчетливости, полноты, логической последовательности речи. Кроме того, убедительность речи зависит от обоснованности, надежности и достоверности или правдоподобности аргументов. Этому способствуют интеллектуальные апелляции, которые слушатель вынужден принять и с ними согласиться в силу их логичности и рациональности, а также в силу закона.

Адвокат использует все способы и приемы для отстаивания интересов своего подзащитного. Речь адвоката может быть охарактеризована большей свободой, полемичностью, нежели речь прокурора и представляет собой цельную аргументативную систему. Конечной целью защитника в судебном процессе является достижение благоприятного для подзащитного решения, для чего адвокат использует такие виды аргументирования, как рационально-логические, эмоционально-риторические и аксиологические: привлекает логичные доказательства, апеллирует к эмоциям и ценностям.

Адвокатскую речь составляет единая, цельная, система аргументирования. Это обуславливает набор средств воздействия на аудиторию. Убеждение достигается, во-первых, содержанием логических доказательств, посредством апелляций к разуму, интеллекту, во-вторых, эмоциональным воздействием на аудиторию, умением вызывать у нее соответствующие обстановке эмоции и настроения, в-третьих, воздействуя на ценностные установки аудитории.

Прагматика выступления адвоката в рамках судебного заседания заключается в необходимости достичь поставленной цели: установление, определение и оценка фактов, с которыми должен согласиться адресат (судья, коллегия судей, присяжные). Для ее достижения адвокат обосновывает каждый свой аргумент, подкрепляя его доказательствами в виде ссылок на закон: «...it can be appealed to the court

of appeals under 49 U.S.C. 46110, which gives a person aggrieved by a – a TSA order 60 days to appeal something to the court of appeals». Здесь адвокат выдвигает на первый план юридическую базу, предоставляющую ему полномочия: ссылки на постановления соответствующих организаций, детали дела, а также активно использует профессиональную лексику и жаргон. Адвокат использует лексические единицы, которые дают правовую оценку высказыванию, а также подтверждают его истинность. Например:

So we think that – that it follows a fortiori¹ that if the Court relies on statute, that we meet that statute and of course, that – that makes perfect sense.

В рамках ритуализированной процедуры интеллектуальная апелляция становится базой для остальных типов апелляций, на фоне которой эмоциональная и ценностная апелляции оказывают большее воздействие. Эмоциональная апелляция строится с опорой на оценочную лексику. Например:

So, Your Honour, I think such a system could be devised, but I think it would be a very odd construction of the statutes the Court has before it to – to say that we are going to undermine and eviscerate the SSI system that Congress by statute.

Прилагательное *odd* в английском языке имеет значение «different to what is usual or expected; strange, weird».

В рамках англо-саксонского прецедентного права подобное высказывание звучит как некая угроза, поэтому судья немедленно реагирует и прерывает адвоката: «No, no. I am just worried – look». Фактически адвокат оказал очень сильное эмоциональное воздействие на фоне интеллектуальной апелляции. Кроме того, в этой же речевой ситуации мы видим и ценностную апелляцию:

...No, no. I am just worried – look. Let me ask my question. And my question is: if for other reasons I decided you were wrong, would I still have to face the problem of airplanes being blown up? I'm focusing on this because it's very important to me...

Судья стоит перед серьезным выбором между безопасностью (полетов), демократическими ценностями гласности и ценностью верховенства закона, так как любое решение суда в дальнейшем станет прецедентом, что накладывает на судью колоссальную ответственность.

Выступление адвоката в суде является одним из центральных устных жанров, которое оказывает воздействие не только на принятие решения по конкретному судебному делу, но и на дальнейшую судебную и законодательную практику, так как в современной американской правовой системе судебные решения функционально имеют силу закона, что и определяет параметры судебного дискурса. В то же время жанровое пространство судебного дискурса сформировано многолетней судебной практикой. Таким образом, речь адвоката, развиваясь в рамках строго регламентированного дискурса, должна оказывать запланированное речевое воздействие. Для достижения своих прагматических целей адвокат должен применять весь арсенал средств аргументации, апеллируя к закону, разуму, истине, ценностям и эмоциям адресатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
- Брандес М. П.* Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Прогресс-Традиция : ИНФРА-М, 2004. 416 с.
- Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М. : Высшая школа, 1971. 240 с.
- Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. 2-е изд. М. : УРСС, 2007. 167 с.
- Глинская Н. П.* Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 209 с.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Проблемы культуры речи. 1993. Вып. 25. С. 10–17.

УДК 81.33

М. А. Викулина

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия МГЛУ;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Увеличившийся поток дел о защите чести и достоинства, а также рост количества дел о дискриминации (в том числе вербальной) сделали проблему инвективной лексики и релевантности лингвистической экспертизы крайне актуальной. Статья посвящена релевантности лингвистической экспертизы в делах о дискриминации, а также проблеме раздвоения семантизации в коммуникативной ситуации. Отечественные и зарубежные исследователи признают, что очень сложно определить, что есть оскорбление, поскольку само значение слова не является оскорбительным до тех пор, пока оно не «вплетено» в отрицательный социокультурный контекст. Лингвистическая экспертиза, основанная на словарях, не всегда может дать ответ, является ли произнесенное высказывание оскорблением или нет, в связи с тем, что для точного анализа необходимо учитывать особенности дискурса и процесс разворачивания инвективного фрейма, где сопряжено множество факторов, и некоторые из них относятся к имплицитным сферам речи. Также затрагивается проблема раздвоения семантизации в пределах одного этнокультурного социума. Нормативные значения слов, фиксируемые толковыми словарями, могут отличаться от «реальных» значений, которые объективно осознаются рядовыми носителями языка в конкретной коммуникативной ситуации.

Соответственно, чтобы у юристов была возможность эффективно использовать результаты лингвистической экспертизы, методы ее проведения должны быть скорректированы и направлены не только на анализ самого слова, но и на анализ дискурса в целом.

Ключевые слова: инвектива; лингвистическая экспертиза; понятие «оскорбление»; правовой дискурс; правовое пространство; этнокультурный контекст; раздвоение семантизации.

M. A. Vikulina

Senior lecturer at the Department of linguistics and professional communication
in the field of law, the Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

REVISITING THE PROBLEM OF INVECTIVE WORDS AND LINGUISTICS' EXPERT OPINION

The influx in cases dealing with dignity and business reputation protection has led to the increase in slander, libel and discrimination suits. All these cases (including cases

of verbal aggression) put the issue of linguists' expert opinions high on the agenda. The article focuses on acute problems of linguists' expert opinions and the problem of ambivalence of semantics within a communicative situation. Linguists in and outside the country admit that it is highly difficult to define what an invective expression/insult is as the meaning of the word may remain neutral until it is interlaced into the negative sociocultural context. The notion of 'invective statement' may vary within one legal framework depending on the ethnic and cultural context, and, as a result, the problem of linguists' expert opinion being relevant in libel cases involving protection of honor and dignity becomes even more acute. Any linguists' opinion is very often based on dictionaries but instead shall concentrate on the discourse and the way the invective frame unfolds. Another acute problem is a problem of ambivalence of semantics, i.e. the difference between the meaning fixed in the dictionary and the actual / "real" meaning that ordinary citizens perceive in a particular communicative situation. Thus, to make linguists' opinion more effective the methods of analysis shall be corrected and "tuned" to respond to the actual meaning of words within the discourse.

Key words: invective statement; linguists' expert opinion; insult; legal discourse; legal framework, ethnic and cultural context, ambivalence of semantics.

В связи с увеличившимся потоком дел о защите чести и достоинства, а также увеличением количества дел о дискриминации (в том числе вербальной) наиболее актуальной сегодня стала проблема инвективной лексики и релевантности лингвистической экспертизы. Инвектива (от англ. *invective* – *обличительная речь, брань*) – это культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата. Механизмом инвективы, как правило, является моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны адресата инвективы, выхода его индивидуального поступка за границы очерчиваемой конкретно-национальной культурой поведенческой нормы, независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения. Сила инвективы прямо пропорциональна силе культурного запрета на нарушение той или иной нормы, а максимально инвективный смысл обретают, таким образом, вербальные конструкции, моделирующие табуированное поведение [Можейко 1998].

В каждом деле о защите чести и достоинства, а также в деле о вербальной дискриминации и притеснении (*verbal harassment*) судьям приходится решать, является ли данное слово оскорблением (инвективой) или нет, и в большинстве случаев правоприменители имеют

тенденцию прибегать к помощи лингвистов с целью определить негативную коннотацию того или иного слова. В отечественной и зарубежной лингвистике признается тот факт, что очень сложно определить, что есть оскорбление, поскольку из определения инвективы становится ясно, что само значение слова не является оскорбительным до тех пор, пока оно не «вплетено» в отрицательный социо-культурный контекст. По мнению французского лингвиста Д. Лагоржет, «произнести оскорбление еще не значит оскорбить, оскорбить – это не обязательно произнести оскорбление». Любое слово в определенном контексте может звучать как оскорбление, и восприниматься таковым только тогда, когда мишень вербальной атаки чувствует себя оскорбленной [Кузнецов и др. 2006, с. 33].

Таким образом, лингвистическая экспертиза, основанная на словарях, не всегда может дать ответ, является ли произнесенное высказывание оскорблением или нет, в связи с тем, что для определения понятия «оскорбление» необходимо рассматривать не только само понятие, но и особенности дискурса.

Согласно А.М.Кузнецову, в реальной жизни решение вопросов словесного оскорбления «сопряжено, как правило, с немалыми трудностями, проистекающими из юрислингвистической и лингвоюридической их неразработанности. Даже в простейших случаях, когда требуется дать квалификацию инвективности отдельного слова, эксперт не имеет другой возможности для объективного (законного) обоснования своего мнения, кроме как обоснования с опорой на лингвистические источники, прежде всего – на толковые словари» [там же 2006, с. 21]. Но филологический словарь не призван выполнять юридическую функцию, и не может быть основанием для следственных и судебных решений. Филологический словарь является источником, определяющим все закрепленные (зафиксированные) значения и оттенки значений слова, бытующие в употреблении, и не определяет релевантные для судебной процедуры критерии, например интенцию говорящего. А.М.Кузнецов предлагает ввести специальную шкалу лексической инвективности: «нейтральное – обидное – оскорбительное», чтобы облегчить работу экспертов. А.М.Кузнецов также считает категорию инвективности сложнейшей лингвистической проблемой: «Лексический ее выход – наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более речеситуативное) разворачивание инвективного фрейма – задача более сложная, так как здесь сопрягается

множество факторов, и некоторые из них относятся к имплицитным сферам речи. По-видимому, самое сложное в проблеме инвективности текста – объективная оценка, с одной стороны, намерений его автора и с другой – оценка интерпретации данного текста субъектом, посчитавшим себя оскорбленным» [Кузнецов и др. 2006, с. 22].

В данном контексте хотелось бы вернуться к вопросу о релевантности лингвистической экспертизы и привести в качестве примера дело Луиса Суареса и Футбольной Ассоциации Англии [The Football Association and Luis Suarez 2011]. Суть разбирательства состояла в том, что во время футбольного матча между принципиальными соперниками АПЛ игрок «Ливерпуля» Луис Суарес, уругвайский футболист, родным для которого является испанский язык, позволил себе дискриминирующее высказывание в адрес игрока «Манчестер Юнайтед» Патриса Эвра, француза африканского происхождения. После матча Эвра заявил, что «господин Суарес позволил себе оскорбительное высказывание и поведение (*abusive and insulting words and behaviour*) в адрес господина Эвра в нарушение пункта Правил ФА ЕЗ (1), и это нарушение правил включало в себя ссылку на этническое происхождение господина Эвра, цвет его кожи и расу» (*Mr Evra's ethnic origin and colour and race*). Как стало известно во время разбирательства, Суарес ответил на реплику Эвра «No hablo con los negros», что означало «I don't speak to blacks». Эвра сообщил, что в тот момент был готов ударить Суареса, но тот попытался успокоить задетого обращением афрофранцуза: «Dale, negrito», что означало «okay, blackie». По версии Суареса, он использовал слово *negro* только раз, когда Эвра обратился к нему по-английски и сказал: «Не трогай меня, латиноамериканец», и Суарес, в свою очередь спросил «Por que, negro?». Как он утверждал, он использовал это слово так, как было принято использовать его в Уругвае, у него на родине. Там это слово использовалось как существительное и предполагало дружеское обращение к лицу с темными волосами или смуглым цветом кожи (возможный аналог в русском языке – «чернявенький»).

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение, была проведена лингвистическая экспертиза. Согласно специалистам в области испанского языка, слово *negro* нельзя однозначно перевести, следовательно, и юридически приравнять к оскорбительному *nigger*. Оскорбительное *nigger* в инвективной форме напрямую указывает на этническое происхождение и цвет кожи адресата, тогда

как испанское *negro* может быть использовано и как существительное (*a black*), и как прилагательное; как прилагательное оно может обозначать лицо (*un hombre negro [a black man]*) или в равной степени объект (*una caja negra [a black box]*). Лингвисты также отметили, что слово *negro* имеет много значений во всех регионах Латинской Америки, и в Уругвае и других регионах Латинской Америки некоторые люди сами идентифицируют себя как имеющие черные волосы и темный цвет кожи, называя себя *negro* (стоит отметить, что сам Суарес имеет смуглый цвет кожи и черные волосы). Лингвисты отметили, что слово *белый* – *blanco* [white] редко используется аналогичным образом в данной этнокультурной среде. Особенно лингвисты отметили использование слова *negro* в качестве обозначения всех негативных значений, в том числе фразеологических и метафорических: оно могло использоваться в качестве культурного маркера в составе языкового стереотипа для обозначения низкого статуса, описания уродства, вульгарного поведения, нечестности, агрессии и других негативных значений. В одном из регионов (*River Plate*) словосочетание *los negros* используется как общее понятие для представителей низшего класса, чье поведение считается вульгарным и не заслуживает уважения. Таким образом, слово может нести негативную коннотацию, особенно в ругательных (инвективных) словосочетаниях типа *negro de mierda* [shitty black] и иметь дискриминирующее значение. Тем не менее лингвисты подтвердили, что в странах Латинской Америки это обращение принято в качестве дружелюбного в отношении людей с темной кожей и особенно с темными волосами. Например, жена может, любя, так называть мужа, слово может использоваться как дружеское обращение в повседневной речи без всякого негативного подтекста, а также некоторых знаменитых в Уругвае людей могут называть «эль негро» или «ла негра» с указанием имени или фамилии (*It may be used affectionately between man and wife, or girlfriend / boyfriend, it may be used as a nickname in everyday speech, it may be used to identify in neutral and descriptive fashion someone of dark skin; several famous people in Uruguay are known as **el negro** / **la negra such-and-such***). Лингвисты перечислили и другие, нейтральные, значения слова, и особенно отметили, что употребление данного прилагательного в словосочетаниях может показаться странным или даже оскорбительным для европейца, но совершенно нормальным в рамках латиноамериканской этнокультуры. Например, слово *mono* (monkey) для

обозначения светлокожих людей или людей со светлыми волосами (не черными), или в Мексике слово *güero* для обозначения светловолосых людей. В некоторых областях полным синонимом слова *negro* является слово *moreno* (brown). Было также особо отмечено, что все эти слова чаще используются друзьями или родственниками, хотя и не обязательно это всегда так. Ввиду естественной для латиноамериканцев непосредственности на улице можно услышать вопрос «*ay, negro, querés jugar con nosotros?*» (*hey, blackie, do you want to play with us?*) в адрес обычного прохожего, и во всех этих случаях слово используется для создания ощущения принадлежности к одному социальному уровню, социуму или этнической группе.

Таким образом, лингвисты, описав все значения слова по словарям и даже сославшись на этнокультурные особенности и перечислив все области употребления слова и его коннотации, косвенно подтвердили вероятность того, что выросший в Уругвае Суарес мог не иметь намерения оскорбить или каким-либо иным образом унизить Эвра. По крайней мере, результаты лингвистической экспертизы не позволяли сделать однозначный вывод по поводу осознанной вербальной атаки. Тем не менее решение было вынесено в пользу истца с той аргументацией, что, принимая во внимание напряженность матча и соперничество между клубами, которое иногда может иметь форму враждебности, а также накал страстей во время игры и нервное состояние при «ничейном» счете, не представлялось возможным вписать в этот контекст «дружеское» обращение игроков противника друг к другу. Как становится понятно на основании данного решения, лингвистическая экспертиза не дала правоприменителям оснований для четкой квалификации слова *negro* как равного по степени оскорбительности слову *nigger*, тем более что использовано оно было, как предполагалось, на основании языковых и социокультурных стереотипов другого этноса. Соответственно, правоприменителям пришлось брать за основание весь контекст матча, экстралингвистические данные и болезненную реакцию пострадавшего, чтобы вынести решение о наказании латиноамериканцу.

Как становится видно из приведенного примера, не все лингвистические экспертизы могут помочь юристам и судьям, однако, по мнению Н. Д. Голева, лингвисты могут облегчить работу правоприменителей, составив список инвектив, подлежащий узакониванию. Но при этом они должны провести соответствующие психолингвистические эксперименты и социолингвистические исследования, чтобы

составленный в результате список был «мотивирован самим языком и не противоречил обыденному языковому сознанию» [Голев 2000, с. 26–27].

Однако при составлении подобного списка могут возникнуть сложности в рамках одного правового пространства. Лингвистические исследования показали, что в разных культурах и разных социумах языковые стереотипы и инвективы могут отличаться. Инвектива, по определению А. М. Кузнецова, «характеризуется национальной специфичностью как с точки зрения отбора сфер, так и той роли, которую оскорбления могут играть в общении данного этноса: то, что в одной культуре может считаться чрезвычайно оскорбительным и довести до судебного разбирательства, в других вызовет лишь недоумение» [Кузнецов и др. 2006, с. 34–35]. Соответственно, в правовом пространстве одной страны могут находиться несколько этнокультурных социумов, и особенности их культуры могут предполагать разные списки инвектив. В качестве примера можно привести Российскую Федерацию, где в рамках одного правового пространства проживают несколько этнокультурных групп, понятие об оскорблении у которых может различаться (сравните русский этнос, кавказский и якутский, к примеру).

С другой стороны, Н. Д. Голев обращает внимание на еще одну важную сторону проблемы – раздвоение семантизации даже в пределах одного этнокультурного социума. Речь идет о различении нормативных значений слов, фиксируемых толковыми словарями, и теми «реальными» значениями, которые объективно осознаются рядовыми носителями языка, и выявление которых может быть осуществлено только описательно.

Как считает Н. Д. Голев, «для юрислингвистической экспертизы данное разграничение важно по той причине, что поведение людей в конфликтных речевых ситуациях, употребление ими слов и особенно реакции на них определяются реальными нормами, реальными значениями, которые эксперту необходимо знать». Реальные значения, согласно Н. Д. Голеву, «оказываются различными для разных носителей языка, что связано с уровнем образованности и начитанности, возрастом, социальным положением и многими другими качествами» [Голев 2003, с. 33–41].

Оценка степени инвективности, полученная в массовом эксперименте, указывает на то, что рядовые носители знают об инвективных способностях того или иного слова, чувствуют их и, следовательно,

могут нести ответственность за их употребление в актах общественной коммуникации. Тем не менее выработать некий единый критерий инвективности (индекс инвективности) не представляется возможным, так как одно и то же слово в различных ситуациях может считаться как ругательным, так и нейтральным, и по-разному восприниматься реципиентами [Голев 2003, с. 33–41].

Долгое время считалось, что в среде афроамериканцев обращение *negro* или *nigger* не является оскорбительным, а так же, как и в случае Суареса, типично для дружеского обращения к представителям той же расы. Оно часто предполагало некое чувство сопричастности, единения и принадлежности к одному социуму. Если обратиться к словарному значению, само слово *negro* не предполагает негативной коннотации и определяется как «представитель группы людей с темным цветом кожи, чаще всего африканского происхождения с юга Сахары».

Тем не менее в последнее время в США возросло количество дел, основанием для которых явилось употребление слова *negro* или *nigger* в среде афроамериканцев. Так, в деле Брэнди Джонсон [Brandi Johnson v STRIVE 2017], афроамериканки, подавшей в суд на своего работодателя Роба Кармона, также афроамериканца, за то, что тот неоднократно употреблял в ее адрес слово *nigger*, ответчик также ссылаясь на традиционно «дружеское» (*friendly and affectionate*) употребление этого слова в отношении людей той же расы [Oxford Dictionary]. Выступая перед судом, господин Кармона сказал, что он может обнять друга и сказать *It's my nigger for 30 years*, имея в виду «это мой брат по крови, близкий человек».

В процессе рассмотрения дела суд также обратился к проблеме использования оскорбительной лексики и к определению того, что может считаться оскорбительным или дружеским в афроамериканских или латиноамериканских сообществах. Однако, несмотря на лингвистические исследования, суд пришел к выводу, что определение слова и этнокультурные особенности употребления, будучи крайне субъективными, не могут служить основанием для судебного решения. Принимая во внимание состояние истца, которое сама истица охарактеризовала как «подавленное» и «униженное» (*depressed and degraded*), суд обязал ответчика выплатить компенсацию в размере 280 тыс. долл. США.

Соответственно, в правовом контексте лингвистическая экспертиза сама по себе не служит основанием для вынесения решения, так как словарный и лингвокультурологический анализ,

предоставляя лишь общую информацию, не дают оснований судить о степени оскорбительности слова, интенции ответчика или возможном влиянии слова на состояние потерпевшей стороны. Как справедливо замечает А. М. Кузнецов, «инвективную лексику составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, намерение говорящего (пишущего) унижить, опозорить объект своей речи». На примере слов-зоонимов автор утверждает, что «такие слова как таковые нельзя отнести к нецензурной, обценной или непечатной лексике, однако если они употребляются с целью нанесения обиды или оскорбления по отношению к человеку, то в таком случае они переходят (с точки зрения этических норм) в категорию слов-инвектив, наравне с традиционно ненормативной лексикой» [Кузнецов и др. 2006, с. 29–30].

Таким образом, несмотря на то, что лингвистическая экспертиза, равно как и список инвективной лексики, который мог бы помочь правоприменителям определять оскорбительность высказывания, видятся крайне необходимыми в правовом дискурсе, методы, используемые для лингвистического анализа и проведения лингвистической экспертизы, не позволяют добиться желаемого результата, т. е. не отвечают поставленным задачам и потребностям правоприменителей. Соответственно, для того чтобы у юристов была возможность эффективно использовать результаты лингвистической экспертизы, методы ее проведения должны быть пересмотрены и направлены не только на анализ самого слова, но и на анализ дискурса в целом, а также на другие критерии, необходимые для оценки высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голев Н.Д. Юридический аспект языка в юридическом освещении // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–57.
- Голев Н.Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики. 2003. С. 33–41. URL: lingvo.asu.ru/golev/articles/z09.html
- Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 9–47. URL: elibrary.ru/item.asp?id=26296135

- Кузнецов А. М., Бурдин Л. С., Солнцева Н. В. Юрислингвистика (Язык и право): Научно-аналитический обзор // РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания / отв. ред. А. М. Кузнецов. М., 2006. (Сер.: Теория и история языкознания). 69 с. URL: elibrary.ru/item.asp?id=15549738
- Можейко М. А. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. URL: ponjatija.ru/node/7332
- Brandi Johnson v STRIVE. New York, 2017.
- Oxford Dictionary Online. URL: en.oxforddictionaries.com/definitions/negro
- The Football Association and Luis Suarez, Reasons for Regulatory Commission, 2011. URL: www.furd.org/resources/FA%20v%20Suarez%20Written%20Reasons%20of%20Regulatory%20Commission.pdf

УДК 378.147+81.2

Е. В. Думина

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права
Института международного права и правосудия МГЛУ; e-mail: dumina@list.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ПЕРЕВЕРНУТЫЙ КЛАСС» В УСЛОВИЯХ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

В статье изложена технология организации учебного процесса в формате смешанного обучения иностранному языку (далее – ИЯ), для которого характерно чередование компонентов очного и дистанционного (электронного) обучения, а также описана педагогическая модель «Перевернутый класс», наиболее точно отражающая суть данного метода.

Автор анализирует возможность перехода к технологии смешанного обучения в рамках электронной образовательной среды неязыкового вуза и его интеграции в процесс обучения иностранному языку. В ходе анализа выявлены достоинства и недостатки модели «Перевернутый класс», изучены особенности ее использования на занятиях иностранного языка, рассчитано оптимальное соотношение традиционной аудиторной и электронной форм обучения, пересмотрена роль преподавателя как субъекта образовательного процесса в системе смешанного обучения.

Автор делает вывод, что внедрение модели «Перевернутый класс» позволяет модифицировать формы и методы педагогической деятельности. В статье обосновывается важность и актуальность применения активных и интерактивных методов обучения на занятиях ИЯ как один из способов стимулирования мотивационной сферы и улучшения эмоционального фона учащихся. Обосновывается мнение, что благодаря новым возможностям презентации учебного материала в доступной и интересной форме меняется контекст обучения, что приводит к значительному улучшению качества языковой подготовки и повышению эффективности учебного процесса в целом.

Ключевые слова: лингвистическое образование; иноязычное образование; образовательные технологии; информационные технологии; «перевернутое» обучение; модель обучения «Перевернутый класс».

E. V. Dumina

Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication
in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: dumina@list.ru

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE «FLIPPED CLASSROOM» PEDAGOGICAL MODEL UNDER THE CONDITIONS OF FOREIGN LANGUAGE TRAINING OF NON-LINGUISTIC STUDENTS

The article focuses on the organization of the educational process while teaching a foreign language in the format of mixed instructions, where components of full-time

(“in-class”) learning are interchanged with distance learning (“e-learning”). The author describes the pedagogical pattern «Flipped Classroom» as accurately reflecting the essence of this method.

The author analyzes the possibility of switching over to the technology of mixed learning within the framework of the electronic educational environment of a non-linguistic institution and its integration into the educational process while teaching a foreign language. In the course of the analysis the author reveals advantages and disadvantages of the «Flipped Classroom» pattern, studies the peculiarities of its usage in foreign language classes, calculates the optimal balance between traditional auditory and electronic forms of training, as well as highlights the role of the teacher as a subject of the educational process that has been revised in the system of mixed education.

The author concludes that the introduction of the «Flipped Classroom» pattern allows modifying the forms and methods of pedagogical activity. The article empathizes the importance and relevance of the usage of active and interactive teaching methods during the foreign language lessons as one of the ways to stimulate / encourage motivation and improve the emotional background of the students. The author substantiates the view that due to new opportunities available to present educational material in an accessible and interesting form, the context of training is changing and it results in a significant improvement in the quality of language training and in the increase of the effectiveness of the educational process as a whole.

Key words: linguistic education; foreign language education; educational technologies; information technology; Flipped teaching-and-learning; «flipped classroom» pedagogical model.

Введение

Повышение эффективности обучения иностранному языку (далее – ИЯ) и на этой основе улучшение качества практического владения изучаемым языком на сегодняшний день продолжает оставаться одной из самых актуальных проблем методической науки. Очевидно, что в условиях высокой интенсивности информационного потока и быстрого устаревания данных помимо применения современных информационных технологий, новых технических средств, необходимо совершенствовать методы обучения ИЯ и создавать иные условия организации процесса лингвистической подготовки в неязыковом вузе.

Научное осмысление, оценка и понимание сути поставленных проблем позволяют выявить оптимальные пути их решения. В этой связи считаем целесообразным обратить внимание на методику обучения с использованием современных информационных технологий, именуемую «flipped classroom», или «Перевернутый класс».

Анализ педагогической модели «Перевернутый класс»: особенности использования и принципы функционирования

В 2000 г. два американских педагога Джонатан Бергман и Аарон Сэмс разработали и апробировали новый метод обучения, суть которого заключается в том, что вся теоретическая информация изучается самостоятельно в домашних условиях с помощью информационных и коммуникационных технологий (электронные учебно-методические пособия, аудио- и видеолекции, интерактивные материалы и т.п.), а в аудиторное время под руководством преподавателя подробно разбираются задания и выполняются упражнения на закрепление и углубление пройденной темы либо на формирование какой-либо компетенции [Басалгина 2014, с. 173]. Родоначалники альтернативной технологии обучения подчеркивают, что лучшие результаты дает просмотр коротких видеороликов (2–3 минуты), созданных лично преподавателем, однако он должен научить учащихся смотреть эти учебные видео [Bergmann, Sams 2012].

Собственно, сама идея использования данной модели кажется простой и легко реализуемой: подготовленный преподавателем теоретический материал изучается дома, домашняя работа выполняется в аудитории, однако, обобщив опыт отечественных и зарубежных авторов об особенностях использования и принципах функционирования модели «Перевернутый класс» (Т.Ю.Басалгина, Г.А.Капранов, М.Курвитс, С.Г.Литвинова, О.Ремизова, Д.Баррет, С.Бейкер, Дж.Бергман, М.Горман, Г.Грин, Т.Дрисколл, Э.Мазур, Г.В.Маршалл, С.П.Морони, А.Семс, Г.Томанн, Ю.Хандке, А.Шефер и др.), мы пришли к выводу, что введение подобной организации обучения в широкую практику требует проведения большой подготовительной работы, включая:

1. Всесторонний анализ «перевернутого урока», выявление его достоинств и недостатков.
2. Освоение преподавателем дополнительных профессиональных компетенций.
3. Определение психологической и мотивационной готовности студентов к обучению при помощи средств информационных и телекоммуникационных технологий.
4. Изучение особенностей применения электронного обучения в образовательном процессе.

Методика «Перевернутый класс» с момента ее появления вызвала полемику среди ученых всего мира и даже несмотря на факторы, сдерживающие рост ее популярности, в целом признается многими исследователями достаточно успешной и перспективной.

Так, опираясь на научные достижения зарубежных коллег и собственный опыт, А. М. Ищенко утверждает, что «при работе в режиме “Перевернутый класс” возрастает доля ответственности самого обучающего, стимулируется развитие его личностных характеристик (активность, инициативность) и метапредметных навыков (самоорганизация, управление временными ресурсами) [Ищенко 2014]. Как отмечает О. И. Гизатулина, эксперимент с проведением «перевернутых уроков» дал положительные результаты: учебный материал лучше усваивается и быстрее запоминается, формируются и развиваются навыки самостоятельной работы [Гизатулина 2017, с. 116–117]. Согласно исследованию швейцарских ученых А. Кек Фрая (Andrea Keck Frei) и Г. Томанна (Gerhard Thomann), проведенному на инженерном факультете Цюрихского университета прикладных наук (ZHAW School of Engineering) в рамках изучения педагогической модели «Flipped Classroom», благодаря «перевернутому уроку» реализуются следующие принципы обучения:

- наглядности;
- доступности;
- интерактивного подхода;
- воспитывающего и развивающего обучения;
- сознательности и активности и др. [Keck Frei, Thomann 2014].

По результатам проведенного исследования был сделан следующий вывод: сам метод «Перевернутый класс» не оказывает значимого влияния на академическую успеваемость студентов, однако, в отличие от традиционного обучения, способствует приобретению осознанных знаний, создает условия для планирования самостоятельной учебной деятельности, вызывает познавательную активность учащихся, формирует положительную интеллектуально-эмоциональную установку на восприятие изучаемого предмета.

Мы видим, что при обучении с использованием технологии «Перевернутый класс» существенно меняется роль учащегося, он самостоятельно добывает знания в процессе собственной учебно-познавательной деятельности и становится ответственным за свое обучение. В связи с этим справедливо вспомнить слова А. В. Хуторского,

который писал, что «никакая внешне предлагаемая ученику информация не может быть перенесена внутрь его, если у учащегося нет соответствующей мотивации и личностно значимых образовательных процессов» [Хуторской 2001, с. 204].

Построение учебного процесса на основе использования модели «Перевернутый класс» предполагает, в том числе, и переосмысление позиции педагога во взаимодействии с учащимися. Согласно В. Маршаллу, в «перевернутом классе» его роль становится более важной, но менее заметной [Marshall 2013]. Размышляя о назначении преподавателя в «перевернутом классе», С. Г. Литвинова пишет, что на смену педагогу старого формата, который единолично осуществлял передачу и контроль знаний, при этом тратил много сил и энергии на дисциплину и порядок в аудитории, приходит педагог-наставник. Он «конструирует» для учащихся образовательный процесс: организует, стимулирует, оптимизирует, контролирует, консультирует, направляет и даже в какой-то мере вдохновляет, другими словами, создает условия, в которых обучающийся сам будет открывать, приобретать и «конструировать» знания» [Литвинова 2015, с. 237].

Таким образом, деятельность педагога в формате «Перевернутый класс», в основе которого положены базисные принципы личностно ориентированного обучения, заключается в том, чтобы помочь каждому учащемуся выстроить индивидуальную образовательную траекторию с учетом его индивидуальных качеств и способностей и тем самым реализовать его личностный потенциал. И для того чтобы справиться с данной задачей, требуется очень высокий профессионализм педагога.

Итак, чтобы каждый преподаватель смог принять решение о том, стоит ли применять данную методику на своих занятиях, рассмотрим, какими преимуществами и недостатками она обладает (см. табл. 1).

Реализация модели обучения «Перевернутый класс» на занятиях ИЯ

Наряду с очевидными преимуществами использования данной практико-ориентированной и интерактивной технологии возникает ряд вопросов: подходит ли данная технология для преподавания дисциплины иностранный язык в неязыковом вузе, будет ли при этом учтена специфика иноязычной подготовки, готовы ли студенты к инновационным средствам обучения ИЯ.

Мы предполагаем, что при помощи модели «Перевернутый класс» в процессе обучения ИЯ могут быть успешно решены следующие задачи:

- 1) оптимизация процесса обучения ИЯ;
- 2) усиление акцента на практическую деятельность;

Таблица 1

Преимущества и недостатки модели «Перевернутый класс»

Преимущества	Недостатки
• Индивидуальные консультации преподавателя с каждым учащимся (индивидуальный подход): – в ходе проверки усвоения самостоятельно изученного материала преподаватель имеет больше времени, чтобы объяснить учащимся моменты, вызвавшие у них затруднение – интерактивное взаимодействие и учебное сотрудничество как между самими обучающимися внутри учебной группы, так и между преподавателем и обучающимися (активное участие в диалоге – обмен вопросами и ответами по изучаемой проблеме, групповые дискуссии и тд) – мониторинг процесса усвоения учебного материала на каждой его фазе	• Разноуровневая дифференциация: – в отличие от более способных учащихся, более слабые находятся в заведомо невыгодном положении, поскольку они изучают только минимум нужного материала (базовый уровень) – разная степень усвоения знаний приводит к тому, что часть учащихся, освоивших новый учебный материал быстрее и лучше, будет вынуждена скучать при выполнении заданий базового уровня или при работе преподавателя со слабо успевающими учащимися, которые регулярно демонстрируют неполное или нулевое понимание изучаемого материала – при самостоятельном выполнении заданий повышенного и высокого уровня сложности хорошо успевающие учащиеся будут постоянно отвлекать преподавателя от объяснения материала с целью получения индивидуальных консультаций
• Комфортный, индивидуально регулируемый темп для каждого студента: – каждый студент может управлять ходом обучения, регулировать скорость выполнения аудиторной и домашней работы, руководствуясь своими умственными способностями и некоторыми личностными свойствами, такими как память, внимание, слух и др.	• Оценивание учебных достижений обучающихся: – при изучении предмета на углубленном уровне обучающиеся получают более высокие оценки, при минимальной степени трудности – более низкие

• Развитие познавательного интереса и формирование прочных знаний и умений у учащихся через выполнение домашнего задания. Учащиеся не игнорируют выполнение домашнего задания, так как освоение в интерактивном режиме учебно-практических материалов предполагает: – широкий доступ к любым источникам информации – возможность в домашних условиях многократно прослушать / просмотреть объяснения преподавателя, записанные на информационных носителях – фиксацию возникающих вопросов с целью последующего разбора на учебном занятии вместе с преподавателем и другими учащимися, освоившими необходимый материал	• Большие временные затраты со стороны преподавателя на подготовку к занятию и его планирование: – более тщательный подбор дидактических материалов – разработка электронного интерактивного курса, в том числе создание собственных тематических обучающих аудио- и видеолекций – поиск аутентичных фильмов, их переработка и адаптация к учебной ситуации – постоянное обновление информации с учетом требований и пожеланий учащихся
• Отбор и дидактическое структурирование содержания учебного материала (объем, сложность): учебный материал должен быть аутентичным и современным, содержать социолингвистическую и социокультурную информацию	• Техническое оснащение в учебных аудиториях: – отсутствие ПК / наличие ПК, но без выхода в Интернет
• Мотивация к учебной деятельности, создание благоприятного психологического климата на занятиях способствует успешному усвоению материала	• Эмоциональный компонент настроения и отношения к учебному процессу, зависящие от ученика. У отдельных учащихся наблюдается: – слабая интеллектуальная активность; – низкий уровень мотивации к обучению из-за неумения учиться; – значительные волевые и эмоциональные усилия на начальных этапах реализации образовательного процесса

3) возможность реального дифференцированного подхода, переход к персонализированному обучению;

4) повышение уровня мотивации к обучению, стимулирование познавательной деятельности учащегося;

- 5) воспитание чувства ответственности за обучение;
- 6) формирование и развитие навыков самостоятельной / групповой работы;
- 7) увеличение эффективности выполнения домашних заданий;
- 8) появление дополнительных возможностей использования разнообразных источников информации, в том числе через электронные и мобильные устройства;
- 9) положительное изменение позиции преподавателя в учебном процессе, учащиеся испытывают потребность в педагоге-фасилитаторе, консультанте, тьюторе, партнере [Капранов 2015].

В рамках обсуждения вопроса о практическом применении модели обучения «Перевернутый класс» на занятиях по ИЯ следует подчеркнуть, что данная методика может быть направлена в первую очередь на:

- развитие восприятия и понимания иноязычной речи на слух, т. е. через аудирование осуществляется освоение навыков говорения, чтения и письма;
- овладение грамматическим строем изучаемого языка.

К достоинствам данной методики можно отнести тот факт, что она позволяет не только изучать новый материал, но и повторять, закреплять и обобщать пройденный. Для определения степени усвоения материала рекомендуется проводить контроль (этапный, рубежный) в виде контрольных работ, тестирования, блиц-опросов, собеседований, проектов, презентаций.

Данные, полученные в ходе анкетирования, проведенного с целью выявления готовности учащихся к самостоятельному освоению базового учебного материала на ИЯ на основе использования специально разработанных аудиовизуальных дидактических средств, свидетельствуют о том, что предпочтение отдается такой организации обучения, при которой учитывается:

- персональный уровень языковой подготовки учащихся;
- индивидуальные особенности;
- эмоциональная составляющая.

Кроме того, в результате проведенного исследования удалось установить, что без преподавателя не могут обойтись 94,5 % студентов. По мнению обучающихся, практическое закрепление новых знаний и умений должно осуществляться на занятиях ИЯ во время аудиторной самостоятельной работы под непосредственным

руководством педагога [Малинина 2013]. Таким образом, важно сохранять баланс между традиционными и электронными методами обучения посредством уравнивания количества занятий с участием учителя и в электронной среде.

Заключение

Несмотря на явные преимущества технологии «Перевернутый класс», акцентируем внимание на том, что данная идея еще нуждается в разработке методики преподавания иностранного языка в электронной среде в неязыковом вузе и последующей экспериментальной апробации. Также стоит отметить, что реализация данной информационно-коммуникационной технологии невозможна без обеспечения электронного обучения качественными и актуальными учебными и учебно-методическими материалами.

Важно провести глубокий научный анализ и всесторонне изучить модель «Перевернутое обучение», соединившую традиционную аудиторно-лекционную систему и цифровое образование. И только получив хорошие результаты, которые свидетельствовали бы о том, что с ее помощью формируется языковая личность, способная к эффективной самореализации в сфере ИЯ, можно переходить к активному внедрению технологии в систему лингвистического образования в неязыковом вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Басалгина Т.Ю.* Технология «Перевернутый класс» при изучении специальных дисциплин // Профессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы V Краевой заочной научно-практической конференции, Пермь, 17 окт. 2014 г. / сост. Е. М. Калашникова, Н. В. Бочкарева, М. И. Макаренко. Пермь: Пермский гос. проф.-пед. колледж, 2014. С. 173–175.
- Гизатулина О. И.* «Перевернутый» класс – инновационная модель обучения // Инновационные педагогические технологии: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2017 г.). Казань : Бук, 2017. С. 116–118. URL: moluch.ru/conf/ped/archive/214/12239/ (дата обращения: 25.08.2018).
- Ищенко А. М.* «Перевернутый класс» – инновационная модель обучения // Учительская газета. Независимое педагогическое издание, 21 декабря 2014 года. URL: www.ug.ru/method_article/876 (дата обращения: 12. 09. 2018).

- Капранов Г. А.* Особенности использования в учебном процессе модели обучения «Перевернутый класс» // Теория и практика современной науки. Образование и педагогика. 2015. № 3 (3). URL: [modern-j.ru/domains_data/files/3/Капранов%20Г.А-2%20\(образование%20и%20педагогика\).pdf](http://modern-j.ru/domains_data/files/3/Капранов%20Г.А-2%20(образование%20и%20педагогика).pdf) (дата обращения: 14.09.2018).
- Литвинова С. Г.* Технология «Перевернутое обучение» в облачно ориентированной учебной среде как компонент развития медиаобразования в средней школе. Медиафера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сб. ст. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь» ; редкол. С.В.Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилевск. ин-т МВД, 2015. С. 233–247.
- Малинина И. А.* Применение технологий смешанного обучения иностранному языку в высшей школе // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10. URL: web.snauka.ru/issues/2013/10/27936 (дата обращения: 10.11.2017).
- Хуторской А. В.* Современная дидактика: учебник для вузов. СПб. : Питер, 2001. 544 с.
- Bergmann J., Sams A.* Flip Your Classroom. Reach Every Student in Every Class Every Day. ASCD, ISTE, 2012.
- Keck Frei A., Thomann G.* Begleitstudie Flipped Classroom ZHAW Informatik (Ergebnisbericht). Pädagogische Hochschule Zürich. 2014. URL: phzh.ch/Forschungsdatenbank_files/571/Kurzbericht%20Flipped%20Classroom%202014.pdf. (дата обращения: 11.09.2018).
- Marshall H. W.* Three reasons to flip your classroom // Bilingual Basics. August, 2013. URL: newsmanager.commpartners.com/tesolbeis/issues/2013-08-28/6.html (дата обращения: 10.09.2018).

УДК 801.82

Д. Ю. Елькин

магистр филологии факультета русской филологии Узбекского государственного университета мировых языков; г. Ташкент, Республика Узбекистан;
e-mail: Dionisi1@yandex.ru

ОБЪЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ В АСПЕКТЕ ЯРУСНОГО СТРОЕНИЯ ЯЗЫКА

В статье рассматриваются объекты лингвокультурологии в аспекте представленности единиц языковых ярусов в художественном тексте, уделяется внимание актуальности исследования художественных текстов в полилингвальных условиях в связи с тем, что художественный текст – это действенное средство сохранения и распространения культуры народа, а также поле взаимодействия разных культур. Выдвигается предположение, что лексика остается наиболее стабильным объектом в данном аспекте.

В рамках статьи материалом для лингвокультурного анализа художественного текста в полилингвальных условиях послужил рассказ Дины Рубиной.

Ключевые слова: лингвокультурология; художественный текст; языковой ярус; лексика; фразеология; символ.

D. Yu. Elkin

Master of Philology, Doctoral Student, the Department of Russian Philology, Uzbek State University of the World Languages, Tashkent, the Republic of Uzbekistan;
e-mail: Dionisi1@yandex.ru

OBJECTS OF LINGUOCULTUROLOGY IN TERMS OF LAYERED LANGUAGE STRUCTURE

The article deals with objects of linguoculturology in terms of representativity of units of the layered language structure in a work of fiction; attention is given to the topicality of study of fiction texts in multilingual conditions since a fiction text is an effective means of preserving and disseminating a national culture as well as a field of interaction between different cultures. An assumption is made that the lexicon remains constant as an object of linguoculturology in this respect.

A story by Dina Rubina provided material for a linguistic and cultural analysis of a fiction text in multilingual conditions.

Key words: linguoculturology; fiction text; levels of language; lexicon; phraseology; symbol.

В настоящее время общепризнанным является факт смены научной парадигмы в языкознании: переход от лингвистики «внутренней»

к лингвистике «внешней». По словам Е. С. Кубряковой, «в последние десятилетия было осознано, что данные о языке ... могут использоваться для освещения более широкого круга проблем, касающихся как природы человеческого разума и интеллекта, так и его поведения, проявляющегося во всех процессах взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми» [Кубрякова 2004, с. 9].

Большую роль в общем круге лингвистических исследований играет то направление лингвистики, которое неразрывно связано с «человеческим фактором», с ролью человека-языкотворца. Оно было заложено В. фон Гумбольдтом, причем его развитие в современной лингвистике реализуется в исследовании языковых картин мира, лингвокультурологии, когнитивной и гендерной лингвистике [Гумбольдт 1985].

Само понятие «культура» трактуется в словарях, энциклопедиях, периодике, обыденной жизни по-разному, в разных объемах, например с преимущественным вниманием к материальной культуре, артефактам; культурой нередко считают совокупность музыки, архитектуры, живописи, художественной литературы и т. д., а также общепринятые правила поведения в обществе.

Однако в настоящее время всё чаще встречаются определения культуры как исторически передающейся системы символов. «Национальная культура – это совокупность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют духовную жизнь человеческого общества в той или иной стране, государстве» [Галиуллина 2007, с. 3].

В то же время первоосновой любой культуры является понятийно-логический аппарат, который присущ мировосприятию народа.

Как известно, современная лингвистическая наука не довольствуется описанием отдельных характеристик языковых единиц, а всё больше внимания обращает на комплексное исследование языковой системы в связи с культурой, национальным менталитетом народа, поскольку язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения национальной нематериальной культуры, и ее частью, так как с помощью языка создаются реальные, объективно существующие произведения духовной культуры.

Достойное место в системе дисциплин антропоцентрического направления занимает лингвокультурология. «Лингвокультурология ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых

новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культуры страны. Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, в их диалектическом взаимодействии и развитии» [Маслова 2001, с. 3–4].

Основные понятия лингвокультурологии разрабатывались в работах А. А. Брагиной, А. Вежицкой, Е. М. Верещагина, В. П. Даниленко, Ю. Н. Караулова, В. Г. Костомарова и др. Термин «лингвокультурология» представлен в трудах В. Н. Телия, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. И. Карасика, Н. Ф. Алефиренко и др.

В. А. Маслова характеризует современную лингвокультурологию как формирующуюся фундаментальную междисциплинарную науку и выделяет следующие направления лингвокультурологии, оформившиеся к началу XXI в.:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т. е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.

2. Диахроническая лингвокультурология, т. е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определенный период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология (она только начинает развиваться).

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей [Маслова 2001, с. 21–23].

Таким образом, лингвокультурология может развиваться как в синхроническом, так и в диахроническом отношении; иметь в качестве объекта языковую ситуацию как одного, так и нескольких этносов.

Вопрос о более частных объектах этой науки в аспекте ярусного строения языка (фонологическая система, система словообразования, лексический состав и фразеология, грамматический строй) в настоящем времени не решен.

На наш взгляд, достойным объектом лингвокультурологии является художественный текст. «Представление художественного текста с позиций теории коммуникации и познания, когнитивные аспекты и теория референции как составные части художественного текста

определяют принадлежность лингвистического анализа художественного текста к теории языкознания» [Бакиева 1993, с. 3]. Определение лингвокультурологической основы текста дает возможность комплексно исследовать пути и способы формирования языковых картин мира, особенно в условиях межкультурного взаимодействия.

По мнению В. А. Масловой, «особая область исследования – лингвокультурологический анализ текстов, которые как раз и являются подлинными хранителями культуры. Приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им “чужих” текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего. Поэтому важен анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы (герменевтика – наука о понимании). Здесь применяются самые различные методы и приемы исследования – от интерпретационных до психолингвистических» [Маслова 2001, с. 35].

Итак, художественный текст – это действенное средство сохранения и распространения культуры народа, а также поле взаимодействия разных культур – через переводы и интерпретацию текстов, межлитературные связи, обучение в школах и вузах и т. д.

Надо отметить, что в данной области лингвокультурология пересекается с практикой лингвистического переводоведения [Комиссаров 1990]. Известно, что текст перевода представляет собой вполне самостоятельный аспект изучения наряду с текстом оригинала. По нашему мнению, переводы художественных текстов должны рассматриваться не только в рамках обширной области переводоведения, но и как объект анализа в лингвокультурологическом, социолингвистическом и методико-дидактическом аспектах.

Разумеется, не всякий художественный текст «достоин» лингвокультурологического исследования; в этом смысле актуально понятие «прецедентный текст».

Особенно интересным нам представляется исследование художественного текста в полилингвальных условиях. Как известно, при декодировании художественных текстов, «орнаментированных» иноязычными «вкраплениями», могут возникать особые сложности.

Вопрос об иноязычных «вкраплениях» в художественных текстах разрабатывался рядом языковедов в связи с исследованием фразеологии, устно-разговорной речи в пределах литературных текстов и речевой характеристики героев художественных произведений.

Материалом для лингвокультурного анализа художественного текста в полилингвальных условиях могут служить, в частности, произведения, отражающие как трудные этапы нашего недавнего прошлого (XX век), так и сложные, часто проблемные отношения в современном мире с резко возросшим числом научных, экономических и культурных контактов.

Однако художественный текст, как известно, является многоуровневой структурой: порождение художественного текста, как целостной символической структуры, связано с реализацией замысла автора через систему всех языковых уровней, в том числе лексического и синтаксического, и вопрос о единицах тех или иных уровней, как приоритетных для лингвокультурологических исследований, остается открытым.

Исследования звуковой организации текста наиболее актуально для поэтических текстов (наше исследование в качестве основного объекта подразумевает прозаические тексты), однако и для прозы нередко бывает актуальным особое отношение к звуковой организации (например, для произведений В. Набокова). Лингвокультурологические особенности не исключены в прозаических текстах (например, автором может подчеркиваться диалектное произношение у отдельных персонажей), но их исследование «смыкается» со стилистикой и культурой речи так же, как и анализ стилистических пластов (страт) лексики: книжная лексика, разговорная, просторечная, жаргонизмы, сленг.

В аспекте новых задач лингвистики особую актуальность имеет изучение процессов номинации лиц, поскольку ономастологическая категория «лицо» с максимальной полнотой отражает роль «человеческого фактора» в языке. «Нет необходимости доказывать, что концепт “человек” – ключевой концепт любой культуры: место любой реалии в системе культурных ценностей может быть определено лишь через ту роль, которую играет по отношению к этой реалии человек» [Розина 1991, с. 52]. Однако в аспекте лингвокультурологии любой лексический подкласс может оказаться прецедентным, в том числе конкретно-предметные, вещественные существительные и т. д. Проиллюстрируем это на примере рассказа Дины Рубиной «Супчик» [Рубина].

В начале этого рассказа речь идет о двух маленьких девочках, которых буквально спасает от голода (и, возможно, от гибели) добрая женщина. «Она работала нянечкой в детском доме; утром шла на

работу, увидела двух девочек, что рылись в куче отбросов <...>. Она просто взяла их за руки и отвела в большой теплый дом, где первым делом налили им полные миски горохового супа. Этот суп произвел на мою трехлетнюю маму столь неизгладимое впечатление, что потом всю жизнь слова *суп, супчик, супец, супенций* произносились с придыханием, чуть ли не наравне со словом “Всевышний”, – и я не помню ни одного обеда без первого. Seriously: не помню ни одной семьи, где бы варилось такое количество *супов, рассольников, ухи, свекольников, щей, бульонов*».

Этот «кулинарный ряд» сам по себе может стать предметом лингвокультурологического исследования, тем более что он заканчивается экзотическим для русского языка словом *позы* (нечто, вроде пельменей), так как система русского питания как часть материальной культуры своеобразна и по отношению к Европе, и по отношению к Востоку. Однако в тексте имя бытовой реалии явно приобретает символическое значение: это символ сытости, выживаемости, скромного благополучия в течение всей последующей жизни. Даже своего будущего мужа повзрослевшая героиня «опознает» по этому слову: «Как я слышала *супчик*, так и прикипела к этому летчику».

Подобное «повышение ранга» обычного бытового имени является достаточно частотным в художественном тексте.

Исследования словообразовательного яруса также актуальны в данном аспекте, ср. производные *супчик, супец, супенций* в упомянутом выше рассказе. Производное слово вынесено в заглавие рассказа, что еще раз свидетельствует о его значимости.

Бесспорно, фразеология и «прилегающая» к ней область – паремиология являются достойными объектами лингвокультурологических исследований. «Изучение паремий позволяет выявить, во-первых, культурно обусловленный компонент языковых значений, во-вторых, рассмотреть когнитивные механизмы формирования важнейших культурных механизмов» [Романюк 2013, с. 83]. Однако фразеологизмы и паремии, использованные в художественном тексте, могут составлять незначительный процент от общего объема текста, тогда как другие лексические единицы наиболее стабильны в том отношении. Очевидно, что единицы фразеологического уровня более плодотворно исследовать в парадигматическом и лексикографическом аспектах, хотя, разумеется, ими ни в коем случае нельзя пренебрегать и при текстовом анализе.

Из синтаксических явлений актуальным представляется анализ системы обращений; характеристика лица может также осуществляться через особенности синтаксических конструкций.

Таким образом, лингвокультурологическое исследование может быть направлено на художественный текст, как активный компонент языковой культуры мира в полном взаимодействии реального и символического аспектов текста.

Исследование символической структуры текста вовсе не исключает системного анализа наименований конкретных реалий.

Особую актуальность в современных условиях приобретают исследования художественных текстов в полилингвальных условиях, в частности в Республике Узбекистан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакиева Г.Х. Лингвистические основы анализа художественного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1993. 46 с.
- Галиуллина Г.Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2007. 55 с.
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 452 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. URL: www.englinspace.com
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. М. : Языки славянской культуры, 2004. 561 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студ. высших учебных заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Розина Р.И. Человек и личность в языке // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. : РАН, 1991. С. 51–55.
- Романюк М.Ю. Паремии как важная составная часть народной культуры (на материале русского, английского и немецкого языков) // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Киров : Университет-Плюс, 2013. С. 83–91.
- Рубина Дина. Супчик. URL: www.livelib.ru/book/105330/readpart-mednaya-shkatulka-dina-rubina/~7

М.Л.Кастро, Дж.С.Эстрада, В.В.Райтаровский

Кастро М.Л., доктор испановедения и регионоведения, профессор Государственного университета «Пенинсула Санта Елена», Эквадор;
e-mail: marceloleon11@hotmail.com

Эстрада Дж.С., доктор философии, профессор департамента испанского языка и литературы Национального университета Лоха, Эквадор;
e-mail: ysalazarec2002@yahoo.es

Райтаровский В.В., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Московского Международного университета;
e-mail: v_rait@hotmail.com

**СИМВОЛЫ В ПОЭМЕ ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКИ
«ПОЭТ В НЬЮ-ЙОРКЕ»**

В статье авторскому аналитическому прочтению подвержены эксплицитные итеративные символы в «Поэте в Нью-Йорке» Федерико Гарсиа Лорки. Содержание исследования разделено на три раздела. В первом подробно анализируется путь поэта в период его работы в качестве профессора Колумбийского университета (Нью-Йорк). Именно здесь начинается важный этап поэтического развития Лорки. Находясь в капиталистической стране, на тот момент первой по значимости в мире, он видит контраст между цивилизацией и варварством. Эта суровая социально-экономическая реальность послужила основой для написания в 1929–1930 гг. сборника стихов «Поэт в Нью-Йорке», посмертно опубликованного спустя десять лет. Во втором разделе статьи в центре внимания авторов – дни, предшествовавшие поездке Лорки в Нью-Йорк, в период, когда он пребывал в глубоком эмоциональном кризисе, который впоследствии повлиял на решение создать это произведение. Глубокая тоска привела гранадского поэта к созданию образа человека, оказавшегося в центре социальных и личных противоречий, которого «раздирает» конфликт между преходящей любовью и неминуемой смертью. Это обстоятельство и объясняет, почему в «Поэте в Нью-Йорке», наряду с глубокой социальной критикой капитализма, который стремительно развивался в этом американском мегаполисе, мы видим итеративность ряда символов. В третьем разделе авторы статьи аргументируют, иллюстрируют и анализируют символ смерти как наиболее часто повторяющийся в поэме. В статье исследуются также такие социальные проблемы, как фон, на котором происходит фрустрация любви и религиозной веры Лорки, отраженная в его произведении «Поэт в Нью-Йорке». В заключение авторы призывают обратить внимание читателей поэмы и почитателей поэтического мастерства Лорки в целом, на аксиологическую значимость символов, заключенных в поэме, таких как критика социального зла, неизбежная смерть, неразделенная любовь и утрата религиозной веры, которые волнуют также и мир, в котором человечество живет сегодня.

Ключевые слова: Федерико Гарсиа Лорка; эпическая поэзия; испанская поэзия; поэт; символ; земной путь; социальная критика; утрата религиозной веры; смерть.

M. L. Castro

Doctor in Hispanic World, Roots, Development and Projection, Professor at the Peninsula State University of Santa Elena, Ecuador; e-mail: marceloleon11@hotmail.com

Y. S. Estrada

Professor of the Career of Spanish Language and Literature of the National University of Loja, Ecuador; e-mail: salazarec2002@yahoo.es

V. V. Raytarovskiy

Ph.D., Professor, Faculty of Foreign Languages, Moscow International University; e-mail: v_rait@hotmail.com

**THE SYMBOLS IN “POET IN NEW YORK”
BY FEDERICO GARCIA LORCA**

The authors of the article make an attempt to analyze the most recurrent and explicit symbols in “Poet in New York” by Federico Garcia Lorca. The study is divided into three sections. The first part provides a bibliographic review of Lorca’s life and work. His career path is analyzed in detail based on his work while staying at Columbia University (New York). He begins, then, his important poetic stage; from the first days of living in the capitalist state he experiences the contrast between civilization and barbarism, the harsh socio-economic reality that will be the foundation for the composition of his poetry collection “Poet in New York”, written between 1929 and 1930 and posthumously published in 1940. In the second section the days that preceded his trip to New York City are summarized that were of deep emotional crisis which affected his literary work under consideration, full of anguish that led Lorca to create the poetry in which he reveals a man under the pressure of opposing forces within himself or within a destiny conceived as a conflict between passing love and death. This circumstance explains why in “Poet in New York”, along with the deep social criticism of capitalism that is in full swing in the North American metropolis, it is also very easy to notice the poetry full of symbols. And, in the third section, it exemplifies and analyzes the symbol of death on which it is based and which is the most reiterative. From the similar analytical perspective, social problems, obscure love and the loss of religious faith – the other aspects, which are very evident in “Poet in New York”, are also evaluated. To conclude, the authors of the article attract the readers’ and admirers’ attention of Lorca’s poetic mastery in common to the axiological value that Lorca’s symbols have in his work «Poet in New York», such as the criticism of social injustice, imminent death, dark love and loss of religious faith, symbols that are not indifferent to the world in which humanity lives today.

Key words: Federico García Lorca; Poet in New York; epic poetry; Spanish poetry; symbolism; earthly path; social criticism; loss of religious faith; death.

Introducción

Federico García Lorca (Fuente Vaqueros, 5 de junio de 1898 – camino de Víznar a Alfácar, 18 de agosto de 1936) constituye uno de los más grandes escritores españoles del siglo XX. En su corta pero fecunda existencia cultivó variados géneros literarios y sobresalió como poeta, dramaturgo y prosista. En prosa es digna de memoria su obra de primera juventud *Impresiones y paisajes* (1918), escrita a raíz de su viaje por distintos lugares de España como: Baeza, Úbeda, Córdoba, Ronda, León, Burgos y Galicia. En el género teatral basta recordar cuatro de sus obras más emblemáticas y reconocidas, para demostrar la valía de su aporte al teatro español de todos los tiempos: *Bodas de sangre* (1933), *Yerma* (1934), *Doña Rosita la soltera o el lenguaje de las flores* (1935) y *La casa de Bernarda Alba* (1936).

Sin embargo de lo expresado, junto con el teatro, destaca en el cultivo de la poesía, conforme se desarrolla en las páginas subsiguientes. Como poeta se lo adscribe a la Generación del 27, junto con otros poetas de talla intercontinental, entre los que ameritan mencionarse: Jorge Guillén (1893–1984), Pedro Salinas (1891–1951), Rafael Alberti (1902–1999), Luis Cernuda (1902–1963), Gerardo Diego (1896–1987), Dámaso Alonso (1898–1990), Vicente Aleixandre (1898–1984), Manuel Altoaguirre (1905–1959) y Emilio Prados (1899–1962).

Al referirse a la génesis de su creación artística, según el profesor y crítico literario español Armando López Castro, Federico García Lorca comienza a formarse en el círculo liberal de Granada, ciudad en la que reside desde los once años de edad. Frente a este círculo de inquietudes artísticas y literarias se encontraban el músico y compositor Manuel de Falla (1876–1946), con quien Lorca trabó una excelente amistad y emprendió varios proyectos musicales conjuntos, en virtud de la profunda vocación musical del poeta granadino. Otro de los impulsores del círculo de Granada fue el político y dirigente socialista Fernando de los Ríos (1879–1949), quien a más de haber sido profesor de Federico García Lorca se convirtió en su principal mentor, ya que en años posteriores gracias a él accede a la Residencia de Estudiantes de Madrid y más tarde se traslada al continente americano a dictar conferencias, primero en la Universidad de Columbia (Estados Unidos) y, después, en La Habana. Fernando de los Ríos facilitó, también, el apoyo financiero del Ministerio de Educación para que, durante la vigencia de la República Española, Federico García Lorca recorra diferentes ciudades y pueblos de España, con un grupo de teatro

universitario *La Barraca* (ambulante), codirigido con el escritor granadino Eduardo Ugarte, agrupación con la que representó obras teatrales de los autores del Siglo de Oro español: Pedro Calderón de la Barca (1600–1681), Lope de Vega (1562–1635) y Miguel de Cervantes (1547–1616).

En la ciudad de Granada inició a cursar la Carrera de Derecho y, simultáneamente, Filosofía y Letras. Estudios que los interrumpió, porque en el año de 1923 se traslada a Madrid e ingresa a la *Residencia de Estudiantes*, entidad cultural que recoge toda la pedagogía que había dejado *Institución Libre de Enseñanza*, que fuera fundada en 1876 por el pedagogo y filósofo Fernando Giner de los Ríos (1839–1915) y que trataba de aclimatar el krausismo en España. En esta Institución por la mañana se impartían clases teóricas y por la tarde se hacían vistas a los pueblos aledaños.

En la Residencia de Estudiantes de Madrid Federico García Lorca conoce a cultores de otras expresiones artísticas como Luis Buñuel (director de cine, 1900–1983), Salvador Dalí (pintor, 1904–1989) y, también entabla relaciones de amistad literaria con otros grandes representantes de la poesía española, como el afamado poeta y Premio Nobel de la Literatura (1956) Juan Ramón Jiménez (1881–1958) y el no menos grande Rafael Alberti (1902–1999), ambos de origen andaluz.

1. La trayectoria poética de Federico García Lorca

En criterio del ya citado Armando López Castro, la trayectoria poética de Federico García Lorca se la puede dividir en tres etapas bien diferenciadas.

La primera se relaciona con su estancia en la Residencia de Estudiantes de Madrid, período en el que publica cuatro poemarios: *El libro de poemas* (1921), “más bien un solo poema de aliento elegíaco, empieza la voz por desprenderse de las lecturas literarias y orientarse hacia un mundo poético más original” [López Castro 1989, p. 55]; *Canciones* (1927), en cuya obra, como parte del Grupo de poetas amigos conocido como la Generación del 27 trata de fundir la poesía tradicional con las corrientes vanguardistas [López Castro 2016]. Los siguientes poemarios son *Romancero gitano* (1928) y *Poema del cante jondo* (1922–1932), en el que la voz poética (andaluza y universal al mismo tiempo) “lo que hace es mediar entre la tradición y la hora presente para darnos la pena sin remedio, el amor destruido por la muerte” [López Castro 1989, p. 56–57] y en el que “casi nunca sentimental ni decorativo, el poeta alcanza aquí una difícil simplicidad:

la nostalgia del cante” (57). En este poemario “Amor y muerte convergen en el cante jondo y la expresión de su lucha es la pena negra del gitano” (61). En este poemario los elementos configuradores son sueño, amor y muerte y lo que subyace es “es la angustia lorquiana de siempre: la libertad amenazada por la convención. Por eso, lo mejor del libro abarca cuatro poemas fundamentales: el enigmático ‘Romance sonámbulo’, el ‘Romance de la pena negra’, el del ‘Muerto de amor’ y el ‘Romance del emplazado’” (61).

Para hablar de la segunda etapa en la trayectoria poética de Federico García Lorca hay que mencionar como fecha clave 1928, toda vez que en este año consigue una ayuda económica para dictar conferencias en la Universidad de Columbia (Nueva York). Para cumplir este cometido arriba hasta la Gran Metrópoli en el mes de junio de 1929 y permanece en ella hasta marzo de 1930, fecha en la que parte con rumbo a La Habana, en donde se radicará durante tres meses. Comienza, entonces, su segunda etapa poética; puesto que en la primera potencia capitalista experimenta el contraste entre civilización y barbarie, dura realidad socioeconómica que le servirá de fundamento para la composición de su poemario *Poeta en Nueva York*, escrito entre 1929 y 1930 y publicado de manera póstuma el año de 1940. Por el año de 1933 viaja, también, hasta la Argentina, en cuya capital permanece durante seis meses participando, con notable éxito en la representación de sus obras teatrales, dictando algunas conferencias y estableciendo relaciones de amistad con algunos de los más grandes poetas hispanoamericanos, como: Pablo Neruda (1904–1973), Juana de Ibarbourou (1892–1979), Ricardo Molinari (1898–1996), Salvador Novo (1904–1974). Por estos mismos tiempos visita, asimismo, la ciudad de Montevideo, capital de la República Oriental del Uruguay.

La tercera etapa poética comienza con la salida de Federico García Lorca de Nueva York, en el otoño de 1930 y su estancia en Cuba, por el lapso de tres meses. Puesto que a partir de este viaje por tierras americanas retorna a la poesía con tres obras fundamentales: *Diván de Tamarit* (1940), que guarda relación con la poesía islámica medieval, conforme se evidencia en “*Las Gacelas y Casidas*”, las cuales “se forman sobre un fondo oscuro, sobre ese confín de la vida-muerte en el que la palabra ha quedado inscrita. Hay algo trágico, pasional y angustiosamente trágico, en esta voz que sube descendiendo y que no quiere salir a la luz” [López Castro 1989, p. 75]; *Llanto por Ignacio Sánchez Mejías* (1935) en homenaje póstumo a un amigo torero muerto en el ruedo; y, *El jardín de los sonetos*, que

quedó inconclusa. De este último poemario sólo se conserva una primera parte titulada “Sonetos del amor oscuro”, obra de claro contenido erótico amoroso, en los cuales se advierte que “El amor en Lorca no es un ideal, sino una realidad humana, compleja y trágica (...) Ese amor es ‘oscuro’ porque deja ver un intenso drama interno: el tormento de un ser escindido entre la diversidad y la unidad” (79–80).

2. Los símbolos en Poeta en Nueva York

En criterio de los estudiosos de la vida y obra de Federico García Lorca, los días que precedieron a su viaje hasta la ciudad de Nueva York fueron de profunda crisis emocional y ello afecta a ambas dimensiones de su tránsito terrenal (su vida y su obra literaria), de allí la decisión de respirar otros aires y recorrer nuevas geografías. Como el mismo lo dice en una carta dirigida a Jorge Zalamea: “yo he resuelto estos días con voluntad uno de los estados más dolorosos que he tenido en mi vida. Tú no puedes imaginarte lo que es pasarse noches enteras en el balcón viendo una Granada nocturna, vacía para mí y sin tener el menor consuelo de nada. Y luego... Procurando constantemente que tu estado no se filtre en tu poesía, porque ella te jugaría la trastada de abrir lo más puro tuyo ante las miradas de los que no deben nunca verlo” [Predmore 1985, p. 30].

Estas angustias emocionales lo llevan a crear una poesía en la que se revela “un hombre que a menudo se sentía cogido entre las angustiosas tensiones de fuerzas opuestas dentro de sí mismo o dentro de un destino concebido como conflicto entre el amor pasajero y la muerte perdurable sin el consuelo de la gracia divina” [Predmore 1985, p. 37].

Esta circunstancia explica porque en *Poeta en Nueva York*, junto con la profunda crítica social al capitalismo que se encuentra en pleno auge en la metrópoli norteamericana es muy fácil advertir, también, una poesía llena de símbolos, alusiones indirectas, presencia de la muerte, pérdida de la fe religiosa y recreaciones de su orientación sexual [Correa 1975], tal como se desarrolla en las páginas subsiguientes.

2.1. Los símbolos y la muerte en la poesía de Federico García Lorca

Una de las estrategias que utilizó Federico García Lorca para expresar la ambigüedad en su poesía es el símbolo ambiguo; por ello más de un estudioso de su obra poética “ha visto que la mayoría de los símbolos de Lorca son ambiguos en el sentido de que su valor puede variar de un contexto en otro” [Predmore 1985, p. 38]. Desde esta perspectiva, en *Poeta en Nueva*

York., “el poeta insiste especialmente en símbolos ambiguos, *caballo, luna, viento, manzana y arena*, para expresar esta alteridad de amor y muerte. La ambigüedad se hace necesidad artística porque expresa anímicamente la turbia sexualidad padecida” [López Castro 1989, p. 70–71].

La muerte, vinculado con el símbolo de la luna, es un tema muy visible y recurrente en *Poeta en Nueva York*; debido a que el viaje de iniciación constituye, al mismo tiempo, muerte y resurrección, porque “el poeta asume la muerte por amor como liturgia sacrificial, según nos revela el poema ‘Crucifixión’, para hallar de nuevo la armonía del mundo. ¿No es el sacrificio el equilibrio primordial entre el hombre y la naturaleza? Visto así, *Poeta en Nueva York* se nos presenta como una autobiografía espiritual” (71).

En el poema “Fábula y rueda de los tres amigos”, Federico García Lorca de una forma premonitoria anticipa el término de su existencia terrenal, como dramática consecuencia del asesinato del que será víctima seis años más tarde:

“Cuando se hundieron las formas puras
bajo el cri cri de las margaritas,
comprendí que me habían **asesinado**.
Recorrieron los cafés y los cementerios y las iglesias,
abrieron los toneles y los armarios,
destrozaron tres esqueletos para arrancar sus dientes de oro.
Ya no me encontraron.
¿No me encontraron?
No. No me encontraron.
Pero se supo que la sexta luna huyó torrente arriba,
y que el mar recordó ¡de pronto!
los nombres de todos sus ahogados”

[García Lorca 1987, p. 35].

No es la única ocasión que Federico García Lorca se refiere al tema de la muerte inesperada y violenta, como la que tuvo que enfrentar él a una edad relativamente temprana, cuando todavía se esperaba mucho de su desbordante creatividad y talento literario. Trágica premonición que se patentiza en el poema que lleva por título “Asesinato”, en el que se inquiere, de manera persistente, como fue que ocurrió el fatal hecho:

“¿Cómo fue?
Una grieta en la mejilla.
¡Eso es todo!
Una uña que aprieta el tallo.
Un alfiler que bucea
hasta encontrar las raicillas del grito.
Y el mar deja de moverse.
¿Cómo, cómo fue?
Así
¡Déjame! ¿De esa manera?
Sí.
El corazón salió solo.
¡Ay, ay de mí!”

[García Lorca 1987, p. 61].

En el poema “Rey de Harlem”, la sangre vinculada con la inhumana explotación que sufren los emigrantes negros procedentes del continente africano, que no tienen otro recurso del que subsistir que no sea la venta de su propia fuerza laboral, resalta, asimismo, la muerte que les adviene a muchos de ellos, desde cuando se aventuran a emprender el largo y riesgoso trayecto emigratorio, que deben recorrer desde sus países de origen hasta alcanzar el sueño dorado de ingresar a territorio estadounidense:

“Sangre que busca por mil caminos **muertes** enharinadas y ceniza de nardos,
cielos yertos, en declive, donde las colonias de planetas
rueden por las playas con los objetos abandonados”

[García Lorca 1987, p. 43].

En el poema “Danza de la muerte”, como lo expresa su propio título, la muerte se regocija por todo lado y a ella no la pueden eludir ninguno de los seres vivos, comenzando por los integrantes del reino animal:

“Era la gran reunión de los **animales muertos**,
traspasados por las espadas de la luz;
la alegría eterna del hipopótamo con las pezuñas de ceniza
y de la gacela con una siempreviva en la garganta”

[García Lorca 1987, p. 51].

La muerte de los animales es provocada, asimismo, por el incremento desmedido de la población humana y el frenético consumismo que se impulsa hasta la máxima expresión, desde la lógica del sistema capitalista. Y para satisfacer las necesidades de los seres humanos, muy poco importa el exterminio diario de millones de otros seres vivos:

“Todos los días se matan en New York
cuatro millones de patos,
cinco millones de cerdos,
dos mil palomas para el gusto de los agonizantes,
un millón de vacas,
un millón de corderos
y dos millones de gallos
que dejan los cielos hechos añicos”

[García Lorca 1987, p. 101].

En el poema “Danza de la muerte”, si bien la ciudad de Nueva York, desde un ángulo de mira, puede ser vista como la ciudad cosmopolita por antonomasia, en donde se condensa la mayor diversidad humana, la riqueza capitalista, el poder hegemónico, la bullente creatividad científica y tecnológica, la vitalidad de

la sociedad contemporánea, y en la que se marca la direccionalidad del rumbo futuro de toda la humanidad; sin embargo, desde otro punto de vista, la muerte también acecha por doquier:

“Pero no son los **muertos** los que bailan,
estoy seguro.
Los **muertos** están embebidos, devorando sus propias manos.
Son los otros los que bailan con el mascarón y su vihuela;
son los otros, los borrachos de plata, los hombres fríos,
los que crecen en el cruce de los muslos y llamas duras,
los que buscan la lombriz en el paisaje de las escaleras,
los que beben en el banco lágrimas de niña muerta
o los que comen por las esquinas diminutas pirámides del alba”

[García Lorca 1987, p. 53].

En el poema “Ruina” se advierte la recurrente presencia de los símbolos lorquianos que aluden, representan o se relacionan con la

inevitable muerte, como la luna y la arena. Y junto con estas alusiones están, asimismo, los símbolos que se refieren a la pulsión erótica como el caballo y la manzana:

“Pronto se vio que la luna
era una calavera de caballo
y el aire una manzana oscura.
Detrás de la ventana,
con látigos y luces, se sentía
la lucha de la arena con el agua”

[García Lorca 1987, p. 93].

2.2. Las problemáticas sociales y de injusticia

Por la época que arribó Federico García Lorca hasta Estados Unidos, este poderoso Estado nacional atravesaba por una profunda crisis económica, como secuela de la Primera Guerra Mundial (1914–1918) y la gran depresión económica de 1929, cuya manifestación más visible y de mayores repercusiones en el mundo entero fue el crac financiero de la Bolsa de Nueva York, que afectó a los diferentes ámbitos de la vida económica de la sociedad estadounidense como bancos, industria, agricultura, comercio, con lo cual el dorado “sueño americano”, sobre todo para quienes viven de su trabajo, se volvió cada vez más imposible de alcanzarlo. En esas complejas circunstancias adviene la Ley seca, la comercialización ilegal de alcohol, el crimen organizado, el gansterismo y la corrupción a gran escala que llegó, incluso, hasta la Casa Blanca.

Como es natural que ocurra, en este contexto de severa y multidimensional crisis, el más desamparado es el ciudadano común, que se convierte en víctima del sistema y le es imposible salir adelante, trabajar, educarse, progresar, forjarse un futuro, aspirar a tener una vida digna, con la satisfacción de las necesidades básicas al que todo ser humano tiene derecho.

Este es el contexto que sirve de referente para la escritura de *Poeta en Nueva York*, un poemario que por un lado se lo puede catalogar como social, político y revolucionario; pero que, sin embargo, por otro lado, “su fondo angustiado revela el violento choque entre el mundo natural y el mundo tecnológico. Esta falta de armonía se refleja en la yuxtaposición de realidades inconexas, en el simbolismo animal, en las metáforas audaces,

en las imágenes inesperadas y grotescas” [López Castro 1989, p. 67–68; Gibson 1987].

La profunda crisis capitalista estadounidense, como ocurre en otras tantas circunstancias, descarga su peso en la clase trabajadora y menos favorecida en la inequitativa distribución de los bienes materiales y simbólicos de una sociedad caracterizada por las abismales diferencias existentes entre personas; por ello adquiere pleno sentido la denuncia de la explotación y los brotes de racismo y la xenofobia, en contra de los trabajadores inmigrantes procedentes del África, que se evidencia en el libro de Federico García Lorca, así en el poema “El rey de Harlem” es muy evidente el cuestionamiento que se realiza:

“¡Ay, Harlem! ¡Ay, Harlem! ¡Ay, Harlem!
No hay angustia comparable a tus rojos oprimidos,
a tu sangre estremecida dentro del eclipse oscuro,
a tu violencia granate sordomuda en la penumbra,
a tu gran rey prisionero, con un traje de conserje”

[García Lorca 1987, p. 42].

En similar perspectiva, tampoco está ausente la crítica al capitalismo, en su máxima expresión, que impera en Estados Unidos y que por su propia lógica es capaz de prostituir todo ser humano que encuentra a su paso:

“Tenía la noche una hendidura
y quietas salamandras de marfil.
Las muchachas americanas
llevaban niños y monedas en el vientre,
y los muchachos se desmayaban
en la cruz del desperezo”

[García Lorca 1987, p. 42]

En el poema “Oficina y denuncia” se cuestiona el hecho de que la acumulación de riqueza en el sistema capitalista se efectúa a costa de la sangre, explotación y muerte de millones de seres humanos, quienes no tienen nada más que vender para generar recursos que no sea su fuerza de trabajo:

“Debajo de las multiplicaciones
hay una gota de sangre de pato.

Debajo de las divisiones
hay una gota de sangre de marinero.
Debajo de las sumas, un río de sangre tierna”

[García Lorca 1987, p. 101].

Ante la impotencia que siente el poeta al no poder hacer nada por cambiar las injustas estructuras económicas propias del sistema capitalista imperante, la mejor contribución que considera podría dar es ofreciéndose como víctima predispuesta al sacrificio, en procura de coadyuvar en la remediación de los problemas sociales que afectan a los sectores poblacionales más desposeídos:

“Yo denuncio la conjura
de estas desiertas oficinas
que no radian las agonías,
que borran los programas de la selva,
y me ofrezco a ser comido
por las vacas estrujadas
cuando sus gritos llenan el valle
donde el Hudson se emborracha con aceite”

[García Lorca 1987, p. 102].

2.3. El amor oscuro

Para la época en la que vivió Federico García Lorca, la homosexualidad constituía un estigma social muy difícil de sobrellevar; ya que como dijera Emilio Miró, profesor de sociología de la literatura de la Universidad Complutense de Madrid, cuando se lo condenó a ser fusilado se lo hizo por “rojo y maricón”, es decir por su credo político comunista y por su orientación sexual. Lo que acontece es que durante esos años resultaba casi imposible “salir del clóset”, como se dice en el español del Ecuador, o abandonar el “biombo”, en propias expresiones del poeta granadino.

En virtud de estas incomprendiones del contexto sociocultural, Lorca sólo puede aludir de manera indirecta a su realidad personal y para hacerlo habla del amor oscuro o de aquel amor que no puede expresarse de manera directa, sino solo a través de meras alusiones o insinuaciones, como acontece en el “Poema doble del lago Edem”:

“Pero no quiero mundo ni sueño, voz divina,
quiero mi libertad, mi amor humano
en el rincón más oscuro de la brisa que nadie quiera.
¡Mi amor humano!”

[García Lorca 1987, p. 73].

En el poema “Nocturno del hueco” se alude al amor inexpugnable, que constituye otra forma de referirse al amor invertido u amor homosexual, que tanto atormentó a Lorca por su imposibilidad de expresarlo de manera franca y directa, como pudo haber ocurrido si se ubicaba en los lindes de lo que se aceptada por la sociedad y la moral, como normal y adecuado:

“Para ver que todo se ha ido
¡Amor inexpugnable, amor huido!
No, no me des tu hueco,
¡que ya va por el aire el mío!
¡Ay de ti, ay de mí, de la brisa!
Para ver que todo se ha ido”

[García Lorca 1987, p. 89].

Es en “Oda a Walt Whitman”, donde mejor se desarrolla la problemática del amor oscuro, del amor invertido y la inclinación homosexual del poeta en estudio. En este poema se parte desde la placentera contemplación de los cuerpos de los jóvenes trabajadores, durante el desarrollo de una jornada laboral:

“Por el East River y el Bronx
los muchachos cantaban enseñando sus cinturas,
con la rueda, el aceite, el cuero y el martillo”

[García Lorca 1987, p. 115].

En la deleitosa contemplación de los atributos físicos masculinos del poeta estadounidense homenajeado en esta oda se alude, asimismo, a Apolo, un Dios hermafrodita que era proclive a compartir el lecho lo mismo con un hombre que con una mujer:

“Ni un solo momento, viejo hermoso Walt Whitman,
he dejado de ver tu barba llena de mariposas,
ni tus hombros de pana gastados por la luna,

ni tus muslos de Apolo virginal,
ni tu voz como una columna de ceniza;
anciano hermoso como la niebla
que gemías igual que un pájaro
con el sexo atravesado por una aguja,
enemigo del sátiro,
enemigo de la vid
y amante de los cuerpos bajo la burda tela.
Ni un solo momento, hermosura viril
que en montes de carbón, anuncios y ferrocarriles,
soñabas ser un río y dormir como un río
con aquel camarada que pondría en tu pecho
un pequeño dolor de ignorante leopardo”

[García Lorca 1987, p. 116].

Cuando hace referencia a todos los que admiran y rinden homenaje al aclamado poeta estadounidense, incluye también a los homosexuales, si bien lo hace con términos propios del habla vulgar y popular que se utiliza para referirse a quienes han optado por esta problemática orientación sexual:

“¡También ese! ¡También! Y se despeñan
sobre tu barba luminosa y casta,
rubios del norte, negros de la arena,
muchedumbres de gritos y ademanes,
como gatos y como las serpientes,
los maricas, Walt Whitman, los maricas
turbios de lágrimas, carne para fusta,
bota o mordisco de los domadores”

[García Lorca 1987, p. 117].

Como una muestra de que defiende su predisposición por el cultivo de los amores oscuros, invertidos u homosexuales, en su crítica que la dirige contra muchos grupos sociales, de manera explícita excluye a los que han adoptado como opción de vida esta orientación que se encontraba al margen de la religión y la moral socialmente aceptada, al dirigirse de manera admonitoria:

“Por eso no levanto mi voz, viejo Walt Whitman,
contra el niño que escribe
nombre de niña en su almohada,
ni contra el muchacho que se viste de novia
en la oscuridad del ropero,
ni contra los solitarios de los casinos
que beben con asco el agua de la prostitución,
ni contra los hombres de mirada verde
que aman al hombre y quemán sus labios en silencio.
Pero sí contra vosotros, maricas de las ciudades,
de carne tumefacta y pensamiento inmundó,
madres de lodo, arpías, enemigos sin sueño
del Amor que reparte coronas de alegría”

[García Lorca 1987, p. 118].

2.4. La pérdida de fe religiosa

No cabe la menor duda que nuestra cultura occidental, seamos conscientes o no de ello, estemos de acuerdo o no, está profundamente marcada por la religión y de ello no pueden evadirse incluso aquellos intelectuales o artistas que explícitamente opten por una ideología política más próxima al ateísmo. No de otra forma se explica que “los escritos de Lorca revelan una amplia cultura religiosa, que se manifiesta en referencia a Dios y al diablo, a cuentos y personajes bíblicos, a los santos y mártires” [Predmore 1985, p. 11].

En *Poeta en Nueva York* (1940), las alusiones religiosas, de forma directa o velada, son múltiples y dentro de ellas habrá que ubicar el escepticismo y la pérdida de la fe religiosa que se trasunta en el poema “Navidad en el Hudson”, en el cual junto con el nacimiento de los niños (Jesús incluido) está el de las serpientes que, como seres demoníacos, permanecen al acecho y listas para causar daño o incluso dar muerte a los seres humanos que recién advienen al mundo terrenal:

“No importa que cada minuto
un niño nuevo agite sus ramitos de venas,
ni que el parto de la víbora, desatado bajo las ramas,
calme la sed de sangre de los que miran el desnudo.
Lo que importa es esto: hueco. Mundo solo. Desembocadura.
Alba no. Fábula inerte.

Sólo esto: desembocadura.
¡Oh esponja mía gris!
¡Oh cuello mío recién degollado!
¡Oh río grande mío!
¡Oh brisa mía de límites que no son míos!
¡Oh filo de mi amor, oh hiriente filo!”

[García Lorca 1987, p. 63].

En “Nacimiento de Cristo”, en contraposición a la natural alegría que provoca el advenimiento de una nueva vida, tampoco se evidencia un momento de regocijo sino que siempre persiste el desconuelo, el dolor y la amenaza de la muerte, porque los animales invocados son muy distintos de los que normalmente acompañan en el nacimiento y primeros pasos de vida terrena del Hijo de Dios:

“Un pastor pide teta por la nieve que ondula
blancos perros tendidos entre linternas sordas.
El Cristito de barro se ha partido los dedos
en los tilos eternos de la madera rota.
¡Ya vienen las hormigas y los pies ateridos!
Dos hilillos de sangre quiebran el cielo duro.
Los vientres del demonio resuenan por los valles
golpes y resonancias de carne de molusco.
Lobos y sapos cantan en las hogueras verdes
coronadas por vivos hormigueros del alba.
La luna tiene un sueño de grandes abanicos
y el toro sueña un toro de agujeros y de agua.
El niño llora y mira con un tres en la frente,
San José ve en el heno tres espinas de bronce”

[García Lorca 1987, p. 69].

En el poema “Grito hacia Roma” se critica la abismal distancia existente entre las enseñanzas idílicas que ofrecen los profesores en el sistema educativo formal frente a la dura realidad llena de inmundicia, pecado, pobreza y falta de amor que reina entre los humanos. Paradójica circunstancia que, lejos de fomentar la espiritualidad de las nuevas generaciones, lo que produce en es el alejamiento de la fe religiosa:

“Los maestros enseñan a los niños
una luz maravillosa que viene del monte;
pero lo que llega es una reunión de cloacas
donde gritan las oscuras ninfas del cólera
Los maestros señalan con devoción las enormes cúpulas sahumadas;
pero debajo de las estatuas no hay amor,
no hay amor bajo los ojos de cristal definitivo.
El amor está en las carnes desgarradas por la sed,
en la choza diminuta que lucha con la inundación;
el amor está en los fosos donde luchan las serpientes del hambre,
en el triste mar que mece los cadáveres de las gaviotas
y en el oscurísimo beso punzante debajo de las almohadas”

[García Lorca 1987, p. 112].

Conclusión

La multifacética vida artística de Federico García Lorca, no obstante su corta existencia terrenal, ha dejado una profunda huella en diferentes expresiones

del espíritu como literatura, música y pintura. En el campo literario es reconocido como uno de los altos baluartes del género teatral y poético. La vasta obra poética está repleta de símbolos que exigen una lectura profunda y fundamentada, para poder desentrañarlos en su real dimensión. Y el poemario *Poeta en Nueva York*, en sentido específico, se caracteriza por la profusión de símbolos en su estructura compositiva, así como por la crítica social, la muerte, el amor oscuro y

el abandono de la fe religiosa, como algunas de las problemáticas que todavía interesan y preocupan a la sociedad contemporánea.

BIBLIOGRAFÍA

- Correa G.* La poesía Mítica de Federico García Lorca. 2 edición. Madrid : Gredos, 1975. 250 p.
- García Lorca F.* Poeta en Nueva York. Edición y prólogo de Mario Hernández. Madrid : Espasa Calpe, 2007. 129 p.
- Gibson I.* Federico García Lorca. 2 edición. 2 v. Barcelona : Grijalbo, 1987.
- López Castro A.* La aventura poética de Federico García Lorca // Cuadernos para investigación de la literatura hispánica. 1989. N° 11/ P. 55–84. ISSN 0210-0061

López Castro A. Apuntes de clase de la asignatura de Poesía y creatividad. Programa de Máster en Literatura Española y Comparada. León : la Universidad de León, 2016.

Predmore R. L. Los poemas neoyorkinos de Federico García Lorca. Madrid : Taurus, 1985. 133 p.

УДК 811

И. А. Кириллов

кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры международной информационной безопасности Института информационных наук МГЛУ;
e-mail: i.a.kirillov@gmail.com

О МАСТЕРСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются сложности перевода поэтических текстов. Поскольку поэтическая речь характеризуется определенным структурированием на ритмическом, фоническом и словесно-образном уровне, а созданию стихотворения сопутствует словесное наполнение стихотворной структуры в соответствии с авторским замыслом, правилами и поэтической традицией языка оригинала, получаемое стихотворение является сложной информационной системой, содержащей не только исходный замысел автора. Кроме того, эта информационная система может хранить запрограммированную автором (с использованием поэтического кода языка оригинала) эстетическую и дополнительную смысловую информацию.

Полнота восприятия этой информации, для обозначения которой используется термин «тезаурус», зависит от подготовленности читателя.

Таким образом, при переводе стихотворения перед переводчиком в первую очередь стоит задача донести до читателя исходный замысел автора. Эстетическая и дополнительная смысловая информация может быть доступна только при наличии у читателя интеллектуального «тезауруса» языка перевода.

Ключевые слова: поэтическая речь; поэтический перевод; эстетическая и смысловая информация; тезаурус.

I. A. Kirillov

PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Professor, Information Science Institute, MSLU; e-mail: i.a.kirillov@gmail.com

ON THE MASTERY OF POETIC TRANSLATION

The article examines complexities of a poetic text translation. The texture of a verse normally has a certain structure of rhythmic, phonetic and pictorial-verbal layers. A poem is created by means of author's intention versification in accordance with rules and poetic tradition of the source language. As the result, the piece of poetry represents a complex information construct with author's intention at the core. Moreover, this information construct may contain sensuous and additional semantic information encrypted by the author by means of the source language code.

Reader's mastery to extract this information has the term «thesaurus». The level of reader's proficiency anticipates the volume of the information received.

Therefore, when translating a verse the first aim of the interpreter is to reveal author's intention. Sensuous and additional semantic information can be passed to

the reader only if the interpreter possesses the intellectual thesaurus of the source language.

Key words: poetic translation; verse texture; sensuous and semantic information; thesaurus.

Поэту, переводчику, ученому, гражданину и патриоту
Сергею Филипповичу Гончаренко
посвящается ...

Слово песни – капля меда,
Что пролилась через край
Переполненного сердца.

Испанская песня
[Испанская поэзия...1984, с. 28].

Один из лучших переводчиков поэзии Самуил Яковлевич Маршак писал:

«Перевод стихов – высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два на вид парадоксальных, но по существу верных положения:

Первое: Перевод стихов невозможен.

Второе: Каждый раз это исключение» [Маршак 1971, с. 374].

Итак, перевод стихов невозможен. Чем стихотворные тексты отличаются от прозаических текстов? Вот как на этот вопрос отвечал замечательный поэт, переводчик и ученый-лингвист Сергей Филиппович Гончаренко:

Стиховая речь – это речь, во-первых, расчлененная на условно-приравняваемые между собой отрезки (строки, стихи, стиховые ряды), не обязательно совпадающие с единицами смыслового и синтаксического членения, и, во-вторых, отличающаяся особой интонацией как при «внутреннем чтении», так и при корректном декламационном исполнении.

Поэтическая речь – это стиховая речь, достигшая такой степени структурно-содержательной организации (на метроритмическом, фоническом или словесно-образном уровне), при которой обеспечивается поэтическая коммуникация, а именно, такой вид художественно-вербальной коммуникации, при котором с помощью стиховой речи осуществляется одновременная передача двухъярусной смысловой ... и многоаспектной эстетической информации» [Гончаренко 1995, с. 12]. «...как только метро-ритмическая схема наполнится конкретным лексическим

содержанием, между семантическими комплексами конкретных слов и выражений установятся запрограммированные метроритмической сеткой связи, которых бы не было вне стихового членения речи» [Гончаренко 1995, с. 29].

Следует уточнить терминологию, используемую С. Ф. Гончаренко в цитируемой монографии. Коммуникация – процесс общения (передачи информации) между поэтом и читателем (слушателем). Поэтическая коммуникация – художественно-вербальная коммуникация, реализуемая с помощью поэтической речи. Основной единицей вербальной коммуникации выступает текст. Содержательная сторона текста, рассматриваемого как сообщение, именуется его информацией. Именно такого взгляда на понятие информации, не совпадающего с кибернетическим определением информации К. Шеннона как меры (а не содержания) сообщения, придерживался С. Ф. Гончаренко как наиболее приемлемого для теории поэтической речи и теории перевода.

Продолжая анализ поэтической речи, С. Ф. Гончаренко подчеркивал, расчлененность информации художественных текстов на две принципиально различные категории – смысловую и эстетическую.

Смысловая информация в поэтическом тексте носит двухуровневый характер ... фактуальный и концептуальный. Фактуальная смысловая информация – это сообщения о фактах, событиях, процессах, происшедших, происходящих, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом. Фактуальная информация, как правило, объективируется в тексте вербальными сигналами с высокой степенью эксплицитности. Она сохраняется при перефразировании поэтического текста, при переводе его прозаическим текстом.

Концептуальная информация – это сообщение авторского понимания отношений между фактами, описанными на уровне фактуальной информации, а также сообщение об авторской экстраполяции этих отношений на систему мира ... этот вид информации, как правило, адекватно воспринимается только культурно развитым реципиентом ... читателю надо владеть ... поэтическим «кодом», принятым в поэтике данного языка ... для более или менее полного извлечения этой информации из текста даже подготовленному реципиенту требуется неоднократное его прочтение [там же, с. 15, 21].

Эстетическая информация – условно ею можно назвать весь тот сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации [там же, с. 14].

И форма, и двухуровневое смысловое содержание воплощены в тексте; но извлечение из этого текста собственно-эстетической информации, естественно, связано с интеллектуальным усилием культурно развитого реципиента: ведь прежде, чем установить соотношение содержания и формы, надо сначала интерпретировать концептуальное содержание и аналитически оценить форму. Итак, в процессе поэтической коммуникации с помощью поэтического текста осуществляется передача смысловой (фактуальной и концептуальной) и эстетической (собственно-эстетической, катартической, гедонистической, суггестивной, структурно-формальной и функционально-формальной) информации. Замысел поэта, как правило, включает в себя «свертку» концептуально-тематической и сопряженной с ней эстетической информации. Но чтобы осуществить этот замысел, поэт должен: 1) найти коррелирующую данным видам информации фактуальную ситуацию и вербализовать ее; 2) вербализовать ее таким образом, чтобы описание фактуальной ситуации содержало в себе ключ к декодированию концептуальной ситуации, и чтобы в тексте оказались объективированными вербальные сигналы эстетической информации, которую реципиент должен воспринять на пути к идентификации концептуального смысла [Гончаренко 1995, с. 21].

Здесь следует обратить внимание на слова «должен воспринять». Не вся информация несмыслового характера способна достичь сознания читателя, незнакомого с техникой поэтического творчества. Это зависит от подготовленности читателя к поэтической рецепции, от его тезауруса.

Термин «тезаурус» (от греч. *thesauros* – *сокровище, сокровищница*) обычно трактуется как множество смысловыражающих единиц некоторого языка с заданной системой отношений. Однако в данном контексте С.Ф.Гончаренко включал в понятие тезауруса читателя и его интеллектуальные «сокровища» поэтического «кода», принятого в поэтике конкретного языка и позволяющие извлекать концептуальную информацию соответствующих поэтических текстов. Кроме того, С.Ф.Гончаренко, вслед за Волькенштейном, включал в понятие тезауруса читателя и его эмоциональное богатство, и способность к сотворчеству [Волькенштейн 1970, с. 139].

По этому поводу М.Волькенштейн писал: «В качестве информационной системы стихотворение служит и информационной программой. Оно программирует поток ассоциаций, эмоций и мыслей в сознании рецептора. В результате рецептор оказывается созидателем ... дополнительной информации, сверхсодержащейся в самом

стихотворении <...>. Таким образом, информационное содержание включает сообщаемую информацию и новую информацию, возникающую под ее воздействием в сознании рецептора» [Волькенштейн 1970, с. 139].

Из цитируемых выдержек монографии С. Ф. Гончаренко следует, что стихотворение является сложной целостной информационной системой, способной сохранять и передавать информацию от поэта к читателю. При этом может происходить не только естественная потеря, но и парадоксальное «возрастание» информации (и смысловой, и эстетической) в соответствии с заложенной в стихотворение программой взаимодействия с тезаурусом читателя.

Таким образом, содержание стихотворения оказывается больше того, которое сводится только к изложению мыслей и эмоций. Оказывается, что в стихотворении информацию содержат и факты, и слова, и образы, и ритм, и размер, и рифмы, и аллитерации, и мелодика. Всё это в совокупности и превращает стихотворение в сложную информационную систему, обладающую особой эстетической ценностью. А эстетическая ценность стиха не может рассматриваться как суммарная ценность каждой отдельной его информационной составляющей. Кроме того, проблема ценности художественной информации не может решаться безотносительно к ее восприятию.

Очевидно, что для настоящего восприятия стихотворения необходима соответствующая предварительная подготовка, предварительный запас информации в сознании читателя, который и принято называть тезаурусом. При недостаточном тезаурусе читатель не сможет воспринять первичную информацию, содержащуюся в стихотворении, не говоря уже о невозможности его сотворчества автору посредством создания новой информации на ассоциативной основе.

Завершенное стихотворение, с одной стороны, становится независимым от автора, а с другой – вступает во взаимодействие с читателями, поддерживая тем самым связь поэта и читателя.

Если сложным является восприятие стихотворного текста носителем языка, то, вероятно, еще сложнее будет восприятие этого стихотворного текста иноязычным читателем. Встает вопрос и о возможностях стихотворного перевода.

Представляется, что адекватный перевод стиха невозможен, так как языки различны, а информация содержится в каждом слове, в каждом образе, в каждом звуке, в ритме и размере, в каждой рифме

и аллитерации, в каждой интонации. Различны и информационные программы в оригинальном и иноязычном тексте, так как они рассчитаны на читателей с существенно различными тезаурусами. Переводчику практически невозможно всё это учесть, не говоря уже о том, чтобы адекватно воспроизвести.

Поэт-переводчик пытается оптимально перекодировать исходную информацию на другой язык. Ему приходится осваивать тезаурус автора, по возможности всё в большем и большем объеме воспринимать смысловую, концептуальную и эстетическую информацию оригинала и в своем переводе найти средства для ее переадресации тезаурусу иноязычного читателя.

При этом поэту-переводчику приходится самому определять относительную ценность той или иной части исходной стихотворной информационной системы и сохранять то, что в ней наиболее ценно.

Наверное, подобными соображениями руководствовался выдающийся русский поэт-переводчик XIX в. В. А. Жуковский, говоря: «Переводчик в прозе есть раб; переводчик в стихах – соперник» [Жуковский 1985]. Переводчик, как соперник автора оригинала, самостоятельно определяет, что прежде всего должно быть воспроизведено в переводимом стихотворении и какими художественными средствами необходимо при этом воспользоваться.

Переводное стихотворение должно стать достоянием поэзии на языке перевода. Переводчик решает двойную задачу: с одной стороны, оптимально воспроизвести исходную информационную систему оригинала, создав на ее основе новую, иноязычную информационную систему, с другой – эстетическое воздействие иноязычного поэтического текста должно быть сопоставимо с воздействием оригинального стихотворения.

Безусловно, успешно решить эту задачу может лишь истинный художник. При этом приходят на память слова еще одного корифея поэтического перевода Б. Л. Пастернака: «Переводы мыслимы, потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и при общности текста становиться вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью. Переводы мыслимы потому, что до нас веками переводили друг друга целые литературы, и переводы – не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов» [Зарубежная поэзия ... 1990, с. 15].

В этом высказывании Пастернака, как, впрочем, и в высказываниях Маршака и Жуковского, по сути, явно или не явно утверждается неисчерпаемость иноязычного стихотворения как информационной структуры, перевод которой в полной мере невозможен. Для больших мастеров художественного слова передача главного из концептуальной и эстетической составляющей стихотворной информационной системы осуществлялась на интуитивном уровне. Вообще говоря, на свет появлялось новое «художественное произведение», а переводчик выступал в роли «соперника» автора оригинала. При этом перевод «не был способом ознакомления с отдельным произведением», так как в этом отдельном произведении оставалось еще много недоступной информации как переводчику, так и его иноязычным читателям. А то главное, что удавалось донести талантливому переводчику до своей иноязычной аудитории, и являлось «средством векового общенья культур и народов».

Всё ж таки загадочная штука
Этот самый перевод стихов.
В нём всегда с источником разлука,
Но всегда и к подлиннику зов.
Этот жанр ни славы, ни доверья
Не сулит сейчас, как и вчера...
Это цех, в котором подмастерья
Лишь порой выходят в Мастера.
Мельничный ручей напрасно воду
Льет и льет на лопасти колес:
Жернова вращаются в угоду
Тем, кто до свободы не дорос.
Переводу же без этой воли, –
Словно в клетке – певчему дрозду...
Вольный конь, живет он в чистом поле
И навряд ли ходит в поводу.
Правда, можно натянуть поводья
И коня пришпорить... Но пока
Нет свободе места в переводе,
Он мертворожден наверняка,
А коль жив – то, зная, из пустоцветов,
Потому что всякий перевод –
От верлибра до венка сонетов
В равной мере требует свобод.

17.07.99. С. Гончаренко

Лишь в редчайших случаях, когда переводчик как фокус совмещает в себе билингвальное владение глубинами тезауруса стихотворения оригинал с поэтическим дарованием незаурядного поэта, могли появиться подлинные шедевры невозможного – искусства поэтического перевода.

Вот так и произошло с С.Ф.Гончаренко, совместившим в себе замечательного поэта, ученого-знатока Испании и испанской поэзии, выдающегося переводчика-испаниста. И это не могло быть не замечено на родине стихотворений-оригиналов, в Испании, где Сергей Филиппович был признан лучшим переводчиком испаноязычной поэзии, стал членом Испанской Королевской академии языка. Испанский король Хуан Карлос I вручил ему премию за лучшие переводы испанской поэзии.

И в России, после выхода в свет антологии С.Ф.Гончаренко «Испанская поэзия в русских переводах», ни у кого не осталось сомнений в том, что выдающийся поэт и переводчик испанской поэзии – наш соотечественник [Испанская поэзия ... 1984].

Стихотворения испанских авторов в переводах Гончаренко хочется читать, перечитывать, повторять, напевать... В середине 1990-х гг. еще при жизни Сергея Филипповича, автор статьи получил его одобрение музыкальных напевов его переводов.

Время, как на картине Гойи в музее Прадо, неумолимо «пожирает» своих лучших сыновей. Не пощадило оно и Сергея Филипповича. Но Московский государственный лингвистический университет помнит о своем выдающемся выпускнике, преподавателе, проректоре, помнит замечательного человека.

При подготовке к вечеру памяти Сергея Филипповича Гончаренко, автор статьи обратил внимание на то, что на напетые когда-то мелодии ложатся слова не только переводов, но и оригиналов, т.е. музыка оказалась инвариантна относительно языка замечательных стихотворений и замечательных переводов. Это стало еще одним подтверждением истинного мастерства перевода.

Приведем три стихотворения из двух разных эпох, двух авторов: Гарсиласо де ла Веги и Федерико Гарсиа Лорки. Стихотворения стилистически не похожи друг на друга, хотя и объединены своей красотой и тем, что были великолепно переведены на русский язык С.Ф.Гончаренко и естественно легли на музыку.

Garcilaso de la Vega (1501–1536)

SONETO V

Escrito está en mi alma vuestro gesto,
Y cuanto yo escribir de vos deseo;
Vos sola lo escribistes, yo lo leo
Tan solo, que aun de vos me guardo en esto.

En esto estoy y estaré siempre puesto;
Que aunque no cabe en mí cuanto en vos veo,
De tanto bien lo que no entiendo creo,
Tomando ya la fe por presupuesto.

Yo no nací sino para quereros;
Mi alma os ha cortado a su medida;
Por hábito del alma misma os quiero.

Cuanto tengo confieso yo deberos;
Por vos nací, por vos tengo la vida,
Por vos he de morir y por vos muero.

Traducción de Serguéi Goncharenko

СОНЕТ V

Ваш взор вчekanен в сердце мне, сеньора.
И сколько бы я ваш ни славил взгляд,
Стиха красноречивее стократ
Чеканное стихотворенье взора.

Сонеты ваших глаз... Пускай не скоро
Я до конца пойму их смысл и лад,
Но веру в вас принять на веру рад
И приговору внемлю без укора.

Я вас люблю. Я изваял ваш лик
Под стать своей любви, но страсти пламя
Не в силах вам расплавить сердца твердь.

Лишь вами осенен мой каждый миг:
Рождённый ради вас, живущий вами,
Я из-за вас приму – приемлю! – смерть

[Гончаренко 1995, т. 2, с. 137].

Federico García Lorca (1898–1936)

TRES HISTORIETAS DEL VIENTO

I

El viento venía rojo
Por el collado encendido
Y se ha puesto verde, verde
Por el río.
Luego se pondrá violeta,
Amarillo y...
Será sobre los sembrados
Un arco iris tendido.

II

Viento estancado.
Arriba el sol.
Abajo
Las algas temblorosas de los álamos.
Y mi corazón
Temblando.
Viento estancado
A las cinco de la tarde.
Sin pájaros.

III

La brisa
Es ondulada
Como los cabellos
De algunas muchachas.
Como los marecitos
De algunas viejas tablas.
La brisa
Brotó como el agua
Y se derrama – tenue bálsamo blanco –
Por las cañadas,
Y se desmaya
Al chocar con lo duro
De la montaña.

Traducción de Serguéi Goncharenko

ТРИ РАССКАЗА ПРО ВЕТЕР

1

Был красным ветер вдалеке,
В горах зарей зажженный.
Потом струился по реке –
Зеленый.
Потом он был и синь, и желт,
И... наконец, счастливый,
Тугою радугой взошел
Над нивой.

2

Запружен ветер, как ручей.
Стоялый ветер! Дрожью
Свело кувшинки тополей –
И сердце тоже.
Неслышно солнце за зенит
Давно склонилось в небе...
Пять пополудни. Ветер спит.
И птицы немые.

3

Как локон, вьется бриз, как плющ,
Как стружка – завитками.
Проклевывается, как ключ
В лесу, под камень.
Бальзамом белым напоит
Ущелье он до края
И будет биться о гранит,
Изнемогая.

[Гончаренко 1995, Т. 2, с. 48].

Federico García Lorca (1898–1936)

AGOSTO

Agosto, contraponientes
De melocotón y azúcar,
Y el sol dentro de la tarde,
Come el hueso en una fruta.
La panocha guarda intacta
Su risa amarilla y dura.
Agosto. Los niños comen
Pan moreno y rica luna.

Traducción de Serguéi Goncharenko

АВГУСТ

Август! Уже закончился
Поединок меда и дыни.
Ах, солнце – красная косточка
У вечера в сердцевине.
Вскоре грянет крутой початок
Желтым хохотом в гулкий зной.
Август! Детям душист и сладок
Тёплый хлеб пополам с луной!

[Гончаренко 1995, Т. 2, с. 51]

Это те самые стихотворения, слова переводов которых были спеты, потому что музыка этих стихотворений рвалась наружу, не давала покоя, звучала и выплескивалась нотами на бумагу. И испаноязычные оригиналы также поются на те же самые мелодии... Это странное, на первый взгляд, совпадение на самом деле вовсе не странно, так как переводчику удалось сохранить в переводе интонации и ритмы оригинального стиха. Удалось донести до иноязычного читателя ту часть эстетической информации оригиналов, которая инвариантна относительно языка первоисточника.

Подтверждением сказанного может стать поэтическое и мелодическое прочтение оригинальных стихотворений Гарсиласо де ла Веги и Федерико Гарсиа Лорки в замечательных переводах С. Гончаренко.

1 Es - cri - to es - tá en mi al - ma vu - es - tro ge-

3 - sto, y cuan - to yo es - cri - bir de vos de -

5 - seo; vos so - la lo es - cri - bis - tes, yo lo leo

7 tan so - lo, que aun de vos me guar - do en es - to.

В первых двух тактах слышатся короткие отрывистые звуки. Это бьется сердце Гарсиласо де ла Веги под взглядом прекрасной сеньориты. Или чеканщики Эрос и Аγάпэ (ἀγάπη) своими молоточками вчekanивают в сияющий слепящий золотой лист изображение прекрасной дамы. Лучи солнца играют в чудесном изображении, отражаются, обжигают и проникают в самое сердце:

«Ваш взор вчekanен в сердце мне, “Escrito está en mi alma vuestro gesto”
Сеньора...»

Отсюда и до седьмого такта мелодия вселяет надежду, наполняет душу восторгом, прославляет любовь:

«И сколько бы я ваш ни славил взгляд, “Y cuanto yo escribir de vos deseo;
Стиха красноречивее стократ...» Vos sola lo escribistes, yo lo leo”

И снова вычеканенные звуки:

«Че-кан-но-е....» “Tan solo, que aun...”

От счастья перехватывает дыхание, кажется, все замирает под взглядом этих глаз ... и только биение сердца отстукивает:

«Сти-хо-тво-рень-е...»

“De vos me guardo...”

и долгая тихая грусть в ноте Ре девятого такта:

«взора»

“en esto”

Великолепный момент, отчаянный момент, неповторимый момент, порожденный испанской поэзией, прошедший через века, теперь переживается по-русски.

1
Ваш взор вче - ка - нен в серд - це мне, сень - о

3
- ра. И сколь - ко бы я ваш ни сла - вил

5
взгляд. Сти - ха крас - но - ре - чи - ве - е сто-крат

7
Че- кан - но - е сти - хо - тво - рень - е взо - ра.

Теперь обратимся к музыкальному прочтению стихотворения Федерико Гарсиа Лорки «Три рассказа про ветер».

1
El vien-to vení - a ro - jo por el colla-do en - cen - di - do y se ha pues-

7
- to ver - de, ver - de por el rí - o. Lu - e - go se

pon - drá vio - le - ta, a - ma - ri - llo y...

Se - rá sob - re los sem - bra-dos un ar - co i - ris ten - di - do.

Кажется, что в первых трех тактах мелодии заводится тугая пружина:

«Был красным ветер вдалеке, в горах загорелый...»

“El viento venía rojo por el collado encendido...”

Энергия ветра накапливается, растёт, сгущается. Солнце ещё не вошло, внизу темно, но вершины гор начинают розоветь. И там, на отвесных склонах гор, набирает силу красный ветер. Вдруг свет прорывается сквозь темные гребни скал, переливается через них, устремляется в долины и вместе с солнечным светом, как отпущенная пружина, ветер мчится вниз, к зелени лугов и полей. И как звуки седьмого и восьмого тактов успокаиваются на ноте Ре второй октавы, так и ветер, смиряя свои порывы, веет вдоль реки:

«...Потом струился по реке – зеленый...»

“Y se ha puesto verde, verde por el río”

Веселый ветер переливается всеми цветами:

«...Потом он был и синь, и желт...»

“Luego se pondrá violeta, amarillo”

И вздымает высоко над землей полную сияющую радугу:

«...И наконец счастливый, туюю радугой Взошел над нивой»

“Será sobre los sembrados un arco iris Tendido”

Был крас-ным ве-тер вда-ле-ке, в го-рах за-рей заж-жен - ный По - том стру-ил-

7

- ся по ре - ке зе - ле ны - й По - том он был и

11

синь, и желт и на - ко - нец счаст-ли - вы - й,

14

Ту - го - ю ра - ду - го - й взо - шел над ни - вой.

И в заключение стихотворение Федерико Гарсиа Лорки «Август». Это воспоминания о недавнем детстве, о прошедшем лете, тепле родного дома и спокойствии <...>. И совершенно не понятно, где это всё происходит: в городке Фуэнте-Вакерос в испанской провинции Гранада или в деревне Пенкино Зарайского района Московской области.

1

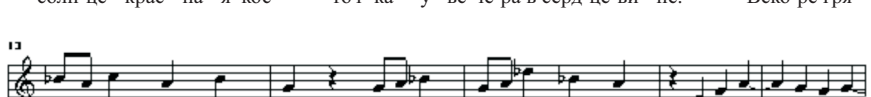
Ав - густ! У - же за - кон - чил - ся по - е - ди - нок мё - да и ды - ни. Ах,

7

солн-це - крас - на - я кос - точ-ка у ве-че-ра в серд-це-ви - не. Вско-ре гря-

13

нет кру-той по - ча - ток жёл-тым хо-хо-том в гул-кий зной. Ав-густ! Де-тям ду-шит

18

и сла - док тёп - лый хлеб по - по - лам с лу - ной!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волькенштейн М.* Стихи как сложная информационная система // Наука и жизнь. 1970. № 1. С. 74–100.
- Гончаренко С. Ф.* Основы теории испанской поэтической речи // Собр. соч.: в 3 т. Т. 3. М. : МГЛУ. Рема, 1995. 299 с.
- Гончаренко С. Ф.* Основы теории испанской поэтической речи // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. М. : МГЛУ. Рема, 1995. 326 с.
- Жуковский В. А.* Критик / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова. М. : Советская. Россия, 1985. 320 с. (Библиотека русской критики).
- Западноевропейский сонет XIII–XVII веков. Поэтическая антология. Л. : Изд-во Ленинград. Ун-та, 1988. 496 с.
- Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака. М. : Радуга, 1990. 640 с.
- Испанская поэзия в русских переводах 1792–1976. Антология / сост. С. Гончаренко. М. : Радуга, 1984. 720 с.
- Маршак С. Я.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М. : Художественная литература, 1971.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается специфика юридического дискурса в контексте устойчивого развития с целью сохранения планеты для будущих поколений. Реализация экологического подхода, основывающегося на принципах экологической целостности, экологической эффективности и экологической справедливости, обуславливает формирование экологической политики, которая регламентируется международными организациями и нормативными документами.

Активное международное взаимодействие по вопросам устойчивого развития формирует юридический дискурс устойчивого развития, отличительной чертой которого является сочетание профессионального языка и типичных концептов устойчивого развития. Подобно другим субдискурсам устойчивого развития в дискурсе устойчивого развития в результате активного международного диалога образуются гибридные концепты, влияющие на характеристики юридического субдискурса устойчивого развития, отражая экологическую составляющую данного дискурса.

В результате исследования было выявлено, что хотя доля гибридных концептов в юридическом субдискурсе устойчивого развития незначительна, их присутствие демонстрирует когнитивные трансформации сознания коммуникантов, отражающие эмоциональные и прагматические характеристики юридического субдискурса. Исследование проведено на примере текстов международных правовых документов.

Ключевые слова: устойчивое развитие; дискурс; субдискурс; характеристики дискурса; юрлингвистика; гибридные концепты.

S. L. Kliminskaya

PhD, associate professor, Head of the Department of linguistics and professional communication in Information sciences, Institute of information sciences, MSU. e-mail: kvi62@inbox.ru

SPECIAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL DISCOURSE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

The article is devoted to the analysis of the legal subdiscourse in terms of sustainable development. The aim of the sustainable development strategy is to preserve the planet for further generations, which is realized in the ecological policy based on the principles of eco-integrity, eco-efficiency and eco-equity. The approach

is moderated in accordance with international legal standards and under control of international organizations.

International cooperation on the problems of sustainable development gives rise to the legal subdiscourse of sustainable development one of the main characteristic of which is the presence of typical professional concepts and the concepts of sustainable development in the same discourse. As a result in the legal subdiscourse there appear hybrid concepts that change its characteristics highlighting the ecological nature of the discourse.

The results of the analysis demonstrate a comparatively low number of hybrid concepts in the legal discourse of sustainable development. However the appearance even such a little number on hybrid concepts in the discourse reflects cognitive transformations of communicators, indicating emotional and pragmatic features of the legal discourse of sustainable development. The research is carried out on the example of international legal documents.

Key words: sustainable development; discourse; subdiscourse; discourse characteristics; legal linguistics, hybrid concepts.

Традиционное понимание концепции устойчивого развития охватывает три направления: экологическое, экономическое и социальное. Идея устойчивого развития направлена на удовлетворение нужд человечества и сохранение планеты для будущих поколений. Данная цель отражена как экологическая целостность [Rolston 2012, с. 2383], экологическая эффективность [Dongfang 2013, с. 462] и экосправедливость (eco-equity) [Zaharia 2010, с. 96].

Экологический подход в рамках концепции устойчивого развития предопределяет качественное усовершенствование жизни человека как с точки зрения сохранения биосферы (экологических принципы), так и с позиций равноправия и справедливости доступа к имеющимся ресурсам и урегулирования вопросов их использования. В связи с этим возникает необходимость создания такого направления деятельности, как экополитика [Сафронов 2011, с. 82]. Данная общественная функция предполагает внутригосударственное и международное движение для принятия стратегических решений по вопросам устойчивого развития. Подобное взаимодействие общественных организаций осуществляется на основании общих для всех государств принципов и принятых совместно решений на международном уровне, которые регламентируются Европейскими институтами (Европарламент, Европейский суд, Счетная Палата, Европейское агентство по окружающей среде и т. п.) [Матвеева 2010, с. 313].

Главными средствами экологической политики являются нормативные акты, директивы и конвенции, закрепляющие основы

и принципы общей экологической политики. Данные нормативные документы отражают результаты нормативно-правового сотрудничества по вопросам устойчивого развития и оказывают влияние на законодательства различных стран вне зависимости от их статуса / членства в Европейском союзе. При этом активность международной коммуникации и количество создаваемых нормативных документов увеличивается с конца XX – начала XXI вв. [Матвеева 2010, с. 316].

С учетом активности взаимодействия по вопросам экологической справедливости необходимо отметить важность межкультурной коммуникации для ликвидации проблем недопонимания в силу лингвистических, юридических и культурных различий участников переговорного процесса по вопросам устойчивого развития [Халеева 2014, с. 9–10]. Заинтересованность всех сторон коммуникативного процесса требует использования единого речевого кода и согласованности понятий в области международного и национального права.

Международный диалог в области права способствовал формированию во второй половине XX в. такой научной отрасли, как судебная лингвистика (*forensic linguistic*), которая впоследствии трансформировалась в юридическую лингвистику, рассматривающую особенности функционирования языка в области юриспруденции [Барабаш 2014, с. 15–16]. Сегодня необходимость осуществления коммуникации по правовым вопросам в рамках концепции устойчивого развития, а следовательно, для вынесения общественных решений в поле международного и национального права, позволяет говорить о формировании юридического дискурса устойчивого развития. *Под юридическим дискурсом устойчивого развития мы понимаем речевое взаимодействие представителей общественных организаций, правительств, ученых и общественных деятелей по вопросам устойчивого развития, а также устное или письменное речевое произведение как результат коммуникативного акта.* Данный тип дискурса является субдискурсом устойчивого развития, наряду с экономическим, социальным, образовательным субдискурсами и субдискурсом по проблемам окружающей среды. Как и другие субдискурсы юридический дискурс устойчивого развития имеет свои особенности.

Подобно любому профессиональному дискурсу юридический дискурс устойчивого развития обладает следующими особенностями [Куликова 2015, с. 10; Шпетный 2010, с. 192–193; Косоногова 2015, с. 63]:

- 1) институциональность – отражает речевое взаимодействие представителей различных культур и социальных групп, а также национальных и международных институтов;
- 2) интенциональность – направленность на решение актуальных вопросов;
- 3) шаблонность речевого поведения – исполнение определенных социальных ролей;
- 4) клишированность речевого поведения – использование профессионально релевантной лексики и речевых стратегий при осуществлении речевой деятельности;
- 5) тематическая очерченность (закрытость) – международный и национальный правые дискурсы;
- 6) вариативность форм – наличие письменной и устной форм коммуникации как отражение двух способов функционирования дискурса;
- 7) структурность дискурса – композиция текста и регламентированность устного речевого взаимодействия;
- 8) отсутствие экспрессивных средств и низкий уровень контекстуальности;
- 9) когнитивные особенности – превосходство фактов над ценностями.

Отличительной чертой юридического дискурса устойчивого развития является сочетание так называемого профессионального юридического языка, т. е. базовых концептов в данной области и типичных исключительно для юридического дискурса устойчивого развития понятий [Чернышев 2016, с. 26]. Данные явления характерны для письменного и устного вариантов юридического дискурса устойчивого развития, разворачивающегося за рамками нормативных документов.

Например, анализ документа “International Law of Sustainable Development: Legal Aspects of Environmental Security on the Indonesian Island of Kalimantan” дает возможность проследить соотношение базовых концептов юридического дискурса и концептов дискурса устойчивого развития [International Law... 2005]. Статистика данного соотношения для документа объемом 120 страниц (39689 слов) выглядит следующим образом:

Таблица 1

**Соотношение базовых концептов юридического дискурса
и концептов юридического дискурса устойчивого развития¹**

Концепты юридического дискурса	Количество концептов в тексте	Концепты юридического дискурса устойчивого развития	Количество концептов в тексте
law	382	environmental law	95
human rights	150	emerging global human rights	1
		environmental human rights	5
		global human rights	3
standards	5	Environmental standards	3
		differentiated standards	3
treaties	69	Environmental law treaties	1
		global treaties	1
		green possibilities	1
		'green' interpretation	2
ВСЕГО:	606		115

Из данного примера видно, что в текстах подобного рода наблюдается присутствие не только базовых концептов юридического дискурса, но и появление единиц, характерных исключительно для дискурса устойчивого развития. Базовые концепты юридического дискурса составляют 1,5 % слов от общего объема, а концепты юридического дискурса устойчивого развития – 0,3 %, т.е. их количество незначительно. Однако появление в данном документе «гибридных» концептов *green possibilities* и *green interpretation* изменяют характеристики юридического дискурса устойчивого развития, так как добавляют новые смыслы и оценочность речевому произведению. Данные концепты представляют целую группу сочетаний на основе метафоры, например: *green education*, *green computing*, *green architecture*, *green economy* и др. и отражают идею гуманного (экологического) подхода к человечеству и окружающей среде, что является сутью концепции устойчивого развития.

¹ Таблица составлена по материалам: [International Law ... 2005].

Кроме того, присутствие в дискурсе устойчивого развития «гибридных» концептов отражает когнитивные трансформации сознания участников дискуссионного процесса по проблемам устойчивого развития. Когнитивные изменения допускают апелляцию к человеческим ценностям, что нетипично для юридического дискурса. Эти изменения формируются за счет уже созданного положительно-го отношения к идее *green* (экологический подход) в других субдискурсах устойчивого развития и экстраполируются на новые понятия в дискурсивном поле устойчивого развития.

Таким образом, в отличие от других субдискурсов устойчивого развития, юридический субдискурс устойчивого развития формируется как отражение необходимости реализации принципов справедливости и равноправия в контексте устойчивого развития человечества, требующих строгости формулировок нормативных документов в международном и национальном правовом полях. Однако широкая дискуссия по проблемам сохранения биосферы, обеспечивающая развертывание дискурса устойчивого развития, в том числе и по правовым вопросам, изменяет характеристики юридического субдискурса, усиливая его эмоциональные и прагматические характеристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барабаш О. В.* Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы // Вестник ПензГУ. 2014. № 2 (6). С. 14–18.
- Косоногова О. В.* Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // ИСОМ. 2015. № 1. С. 61–68.
- Куликова О. В.* Формирование корпоративной идентичности в полимодальном дискурсе печатной рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 9 (720). С. 9–21.
- Матвеева Е. В.* Экологическая политика Евросоюза // Вестник ННГУ. 2010. № 6. С. 311–317.
- Сафронов П. А.* Сообщества, справедливость, активизм: экологическая перспектива в социальном познании // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 81–86.
- Халеева И. И.* Семантика устойчивого развития как основа лингвистического образования в РФ и СНГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 12 (698). С. 9–14.
- Чернышев А. В.* Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. № 2. С. 22–28.

- Шпетный К. И.* Дистинктивные признаки экономического дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Вып. 593. С. 184–197.
- Dongfang Q.* The Evaluation of Ecological Economy Based on Eco-efficiency Ratio. Academic Journal of Interdisciplinary Studies, [S. l.]. v. 2. n. 9. P. 462–468. sep. 2013. ISSN 2281–4612. URL: www.mcser.org/journal/index.php/ajis/article/view/874
- International Law of Sustainable Development: Legal Aspects of Environmental Security on the Indonesian Island of Kalimantan // Prototype EnviroSecurity Assessments. The Hague, The Netherlands. 2005. P. 119. URL: www.envirosecurity.org/espa/PDF/IES_ESA_CS_Kalimantan_Legal_Analysis.pdf
- Rolston H.* A new environmental ethics: the next millennium for life on Earth, III N. Y. ; London : Routledge, 2012. 246 p.
- Zaharia C.* Sustainable agricultural development – concepts, principals, eco-efficiency, eco-equity, eco-conditioning. Agronomice în Moldova. Vol. XLIII, No. 3 (143). 2010. P. 91–100.

**РОЛЬ ЮРИСЛИНГВИСТИКИ
В БИЛИНГВАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ КОНЦЕПТОВ
(на примере концепта «недвижимость» / «realty» в русской
и английской национальных языковых картинах мира)**

В статье рассматривается возрастающая роль юрислингвистики как метода в исследовании концептов на примере сопоставления англо- и русскоязычной лексики, служащей вербализации концепта «realty» / «недвижимость», подтверждающая различие в направленности исследований юрислингвистики для стран с различными правовыми системами. Сфера юрислингвистики включает закономерности естественного языка, которые наблюдаются в текстах законов, во многом определяют их создание и последующее правоприменение. Автор отмечает, что английская юрислингвистика, в силу исторических особенностей становления англо-саксонской правовой системы, в качестве основного источника права рассматривающей судебный прецедент, ориентирована на судоговорение и динамику правоприменительного процесса. Российская наука о языке в юриспруденции в первую очередь фокусируется на совершенстве текста закона, что закономерно ввиду главенствующего положения закона в романо-германской правовой системе, к которой традиционно относится российское юридическое устройство. Права на недвижимость играют системообразующую роль в государственном строительстве и законотворчестве, ввиду чего рассматриваемый концепт имеет особое, юридически детерминированное сложение и наполнение в русском и английском языках. Особое внимание в статье уделяется правовому измерению концепта «realty» / «недвижимость», что предполагает двуязычный анализ юридической терминологии, раскрывающей юридические и лингвистические нюансы вербализации в совокупности их взаимных связей. Путем метода исследования цепочки специальных словарных дефиниций автор выявляет ключевые лексические единицы, вербализующие концепт «недвижимость» / «realty» в русском и английском языках, соответственно, обозначает отличительные особенности рассматриваемого концепта, которые заключаются в исконном подходе к пониманию недвижимости как юридического явления. В статье проводится анализ лексического наполнения концепта на основе данных юридических источников, которые фиксируют объекты правоотношений – термины, их вербализующие – в качестве главной составляющей концепта «недвижимость» в русском языке и термины, выражающие права на объекты рассматриваемых правоотношений, а также формы владения недвижимостью («realty») в английском языке, в том числе в контексте исторического генезиса правовых систем России и Великобритании. Исторически лексическое наполнение

концепта «realty» / «недвижимость» формировалась в существенно отличающихся экономических условиях Англии и России, огромный массив лексических единиц сформирован вербализацией хозяйственных отношений и контролем государства за ними. Рассматривая степень эквивалентности разноязычных лексем, отмечается выявленная синонимия и многозначность терминов, способных затруднить процесс правовой коммуникации и перевода как с английского языка на русский, так и с русского языка на английский. В статье дополнительно исследуются проблемы адекватности перевода юридических текстов, включающих анализируемые лексемы, а также обозначаются проблемы перевода юридических текстов, связанные как с языковыми явлениями, так и с внеязыковыми. Применительно к вопросу о существовании взаимной неэквивалентной множественности терминов одного языка, приходящейся на сравнительную терминологическую узость другого языка, зафиксирована тенденция унифицировать, сглаживать или устранять терминологические трудности, которые вызваны различиями в законодательных актах. Проблематика взаимной обусловленности юридических и языковых явлений предполагает возможность изучать образование лексики под воздействием юридических норм, а также исследовать влияние языка на сложение правовых систем.

Ключевые слова: юрислингвистика; концепт; термин; недвижимость.

Yu. S. Kravchuk

Senior Lecturer of English Language Department # 4 International Business and Business Administration MGIMO University; e-mail: juliabritish@mail.ru

THE ROLE OF LEGAL LINGUISTICS IN BILINGUAL STUDIES OF CONCEPTS (concept «nedvizhimost'» / «realty» in Russian and English national language worldviews)

The article covers the increasing role of legal linguistics as a method in studying the concepts, taking as an example the comparison between English and Russian vocabulary that functions to verbalize concept “realty” / “nedvizhimost”, proving the diversity in the legal linguistics research for countries with different legal systems. The sphere of legal linguistics involves the principles of language natural development that can be observed in the texts of laws, and broadly denote the formation and later enforcement of laws. The author stresses that due to historic features of becoming Anglo-Saxon legal system with court rules and precedents in force, the English legal linguistics focuses mainly on pleadings and dynamics of law enforcement process, whereas Russian science of language in jurisprudence normally focuses on the text of law improvement, which is a regular feature of Romano-Germanic legal system where the law (Act) holds the leading role. Legal rights (interests) for realty tend to systemize the process of state formation and law making that is why concept “realty” / “nedvizhimost” has a specific, legally determined structure and content both in the English and Russian languages. The article presents a deep insight into the legal aspect of the following concept which submits the bilingual analysis of legal terminology,

clarifying legal and linguistic features of verbalization within their interrelation. The author implies the method of studying the links of lexicographical definitions, denoting the core lexical units that verbalize concept “realty” / “nedvizhimost” in the English and Russian languages; furthermore, highlights the distinctive features of the following concept which originally vary in the approach of understanding “realty” as a legal notion. The analysis of the lexical content is conducted on the basis of legal texts data which fix the objects of legal relations – the terms which verbalize them – as the key element of the concept “nedvizhimost” in the Russian language, and the terms which verbalize the rights (interests) for the objects of the following legal relations as well as the forms of ownership in the English language, covering the historic genesis of Russian and British legal systems. The article considers the degree of the equivalency of the multilingual lexemes, indicating the disclosed synonymy and polysemy of the terms, which are able to make the process of legal communication and translation difficult both from English into Russian, and from Russian into English. There is also a research of the adequacy of the translation of legal texts which include the analyzed lexemes. The author denotes the problems of the translation of legal texts connected with both intralingual phenomena and extralingual ones. The differences in the semantic volume of the English terms are nominated, as well as the dependence of the usage of the terms on the features of the legal system of the state.

Key words: legal linguistics; concept; term; realty.

Введение

Концептуальный анализ явлений национальных языковых картин мира предопределяет множественность методов исследования: само понятие концепта, не будучи однозначным, располагает к многомерности его постижения. Природа концепта – ментально-лингвального образования в сознании человека, служащая идентификации языковой личности в среде индивидов, отличающихся единством воззрений на картину мира в свете ее языковой интерпретации, – отсылает к одной из важнейших его составляющих, а именно – к социальной детерминированности средств его вербализации. Следуя позиции Ю. Н. Караулова, Н. Н. Гончаровой, допустимым представляется утверждать, что языковая картина мира обобщает информацию об окружающей действительности, запечатленную в индивидуальном или коллективном сознании и репрезентирующуюся средствами языка.

Коллективная, общественная, грань концептов, их социально значимый спектр смыслов в языковой картине мира, в свою очередь, поднимает проблематику регулирования общественной жизни, немыслимого без государственного начала на современном этапе развития человечества.

Юрислингвистический подход в вербализации концепта «недвижимость» / «realty»

Едва ли существует более постоянная составляющая в вопросах государственного строительства, чем недвижимость. Налоги на недвижимое имущество, как и доходы от его эксплуатации, представляли и представляют собой одну из наиболее значимых статей дохода в государственных бюджетах, от принадлежности недвижимости определенным лицам или структурам нередко зависит суверенитет государств.

Исторически возникновение государств и прекращение их существования было и остается принципиально возможным ввиду такого существенного признака, как территория, и учет граждан (подданных) государств, образующих основной ресурс государств в смысле их культурных, производственных, любых материально выраженных возможностей и достижений, – осуществляется ввиду мест их жительства или ввиду регистрации по месту пребывания во вполне определенных объектах недвижимости, зафиксированных в специальных реестрах.

Остановливаясь на вербализации концепта «недвижимость» / «realty» на примере русской и английской (британской) языковой картин мира, следует отметить, что в межкультурном диалоге России и Англии данный концепт – один из наиболее активно используемых в деловой, рекламной, обыденной и, наконец, в правовой лексике: заимствование форм капиталистической эксплуатации недвижимости, структур владения ею, особенностей восприятия ее ценности на фоне культурного речевого обмена российского и английского обществ протекают интенсивно.

Объекты недвижимости и связанные с ними явления, среди которых нередко можно встретить и документирование, и судебные споры, – фигурируют в обыденной и профессиональной жизни людей, в государственном регулировании общественной жизни, и вопросы вербализации концепта «недвижимость» не теряют своей актуальности, неизбежно обретая правовое (или юридически значимое) измерение.

Юрислингвистика (Н. Д. Голев, О. В. Барабаш) дает возможность рассматривать обозначенную проблематику и в контексте глубинных различий правовых систем, порождающих такие особенности употребления лексем, формирующих концепт, которые ведут к замене самих принципов словесного поведения участников коммуникации.

По причине исторических особенностей представляется закономерным, что в связи с различиями в британской и российской правовых системах в целом и объектом гражданских правоотношений в сфере недвижимости, в частности, лексическое наполнение концептов «*realty*» и «недвижимость» существенным образом отличается. Рассмотрим некоторые частные проявления на материале специальных словарных фиксаций.

Концепт «недвижимость» / «*realty*» – один из наиболее актуальных и востребованных концептов в русской и английской языковых картинах мира, так как объекты недвижимости фигурируют в обыденной и профессиональной жизни людей и в государственном регулировании общественной жизни. Закономерно, что в связи с различиями в британской и российской правовых системах в целом и объектом гражданских правоотношений в сфере недвижимости, в частности, лексическое наполнение концептов «*realty*» и «недвижимость» отличается существенным образом.

Так, юридические словари русского языка традиционно предлагают дефиницию термина «недвижимость» согласно ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая на настоящий момент имеет следующее толкование: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землей, т. е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства» [Гражданский кодекс Российской Федерации]. Из данного определения следует, что объектом правоотношений в сфере недвижимости выступают земля и перечень предметов, прочно с ней связанных.

Отметим, что ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации также относит к недвижимым вещам «подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания» [там же].

Принадлежность к лексике, служащей вербализации концепта «недвижимость», терминов «воздушные суда», «морские суда», «суда внутреннего плавания» юридически является фактом закономерным и обоснованным. Причина заключается в особой социальной значимости данных объектов, их дорогой стоимости, необходимости государственной регистрации и распространения правового режима. Данные объекты признают недвижимым имуществом потому, что,

согласно законодательству, они считаются неотъемлемой частью аэро-, речных и морских портов.

Стоит указать, что до недавнего времени в список недвижимого имущества российское законодательство также включало космические объекты.

Интересен тот факт, что с 2017 г. в толкование недвижимого имущества в российском законодательстве были введены термины «жилые» и «нежилые помещения», а также термин «машино-место». «К недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке» [Гражданский кодекс Российской Федерации]. Включение терминов «жилые» и «нежилые помещения», термина «машино-место» в определение юридического термина «недвижимое имущество» в Гражданском кодексе Российской Федерации свидетельствует о современном развитии рынка недвижимости, в частности о возрастающей потребности регулирования данными объектами прав, выражаемых соответствующими терминами, и, следовательно, необходимости официального признания их объектами недвижимости.

В английском языке концепт «realty» и его лексическое наполнение, равно как и юридическая практика, имеют иную структуру. Известно, что эквивалентами юридического термина «недвижимое имущество» в английском языке являются юридические термины «real property», «realty» и «real estate».

Англоязычные юридические словари предлагают следующую формулировку термина «realty»: «real property (= land and buildings) and legal rights to real property» [Англоязычные юридические словари], т. е. «недвижимое имущество (= земля и здания) и юридические права на недвижимое имущество»¹.

Английский юридический словарь Oxford Dictionary of Law отражает юридический термин «real property» («realty») как «freehold land and incorporeal hereditaments», т. е. «недвижимость – земля на праве собственности и нематериальное имущество, которое может быть предметом наследования» [Law, Martin 2009, с. 453].

¹Зд. и далее перевод наш. – К. Ю.

Юридический термин «real estate» фиксируется как «under the Administration of Estates Act 1925, all interests in land held by the deceased at death excluding interests in money charged on land» [Law, Martin 2009, с. 453], т. е. «недвижимость – по Закону об Управлении имуществом 1925 г., все права в недвижимости, удерживаемые умершими лицами в момент смерти, за исключением имущества в виде денежных средств за землю».

Oxford Dictionary of Law также содержит определение юридического термина «interest»: «in land law, a right in or over land» [Law, Martin 2009, с. 289], т. е. «в земельном праве, право на то, что внутри или на поверхности земли».

Приведенные дефиниции позволяют заключить, что юридический термин «realty» («недвижимость») в английском языке включает в себя термины «land» («земля») и «buildings» («здания»), а также юридический термин «interest» («право на них»).

В определении юридического термина «real property» («недвижимое имущество») заложена характерная особенность английских правоотношений в сфере недвижимости, а именно – форма «freehold» («фригольд»).

Согласно Introduction to International Legal English, английское право Real Property Law, занимающееся недвижимым имуществом, включает в себя формы владения недвижимостью «freehold» (= «freehold estate»), т. е. «безусловные права собственности на недвижимость» и «leaseholds» – «арендные права».

Юридический термин «freehold» («фригольд») представляет собой: «any interest in real property which is a life estate or of uncertain or undetermined duration (having no stated end), as distinguished from a leasehold which may have declining value toward the end of a long-term lease» [Англоязычные юридические словари], т. е. «любое право на недвижимое имущество, являющееся пожизненным правом, продолжительность которого не ясна либо не определена (окончание которого не установлено), в отличие от лизгольда, который может иметь снижающуюся стоимость по мере приближения окончания долгосрочной аренды» (перевод наш. – К. Ю.).

Oxford Dictionary of Law дополняет указанное выше определение: «The most complete form of ownership of land: a legal estate held in fee simple absolute in possession» [Law, Martin 2009, с. 241], т. е. «полная форма владения землей: законное право владения в форме неограниченного права на землю».

Отметим, что термин «fee simple absolute in possession» – современный действующий вариант от «fee» и «fee simple»: «fee simple indicates ownership that is not liable to end upon any person's death, with the expiration of time, or on the failure of a particular line of heirs. Absolute means that the owner's rights are not conditional or liable to terminate on the occurrence of any event. In possession means that the owner's rights are immediate, thus future interests do not qualify, but possession need not imply actual physical occupation» [Law, Martin 2009, с. 227], т. е. *fee simple* выражает владение, не подлежащее окончанию в результате смерти лица, по истечении времени, либо из-за отсутствия определенной очереди наследников. Абсолютный означает, что права владельца не условны, либо не подлежат завершению в случае любого события. Во владении означает, что права владельца прямые, таким образом, будущие права на землю не квалифицируют, однако владение и не должно предполагать физическое пользование».

Таким образом, дефиниции термина “freehold” характеризуют его как термин, вербализирующий безусловное наследуемое неограниченное право лица на землю.

Согласно Introduction to International Legal English существует три вида прав фригольд:

1) *fee simple – the most complete, unlimited form of freehold estate, which is inheritable and lasts as long as the owner (or any subsequent heirs) wants to keep it* [Krois-Lindner, Firth 2008, с. 72], т. е. «самая полная неограниченная форма права фригольд, которая наследуется и длится столько, сколько владелец (либо любой последующий наследник) хочет сохранять ее за собой»;

2) *life estate – one in which the individual retains possession of the land for the duration of his or her life* [Krois-Lindner, Firth 2008, с. 72], т. е. «право, в котором лицо сохраняет владение землей на срок продолжительности собственной жизни»;

3) *estate pur autre vie – similar to the life estate but differs in that it is measured by the life of someone other than the grantee (to whom an interest in the real property is conveyed by a grantor)* [Krois-Lindner, Firth 2008, с. 73], т. е. «форма права, схожая с «the life estate», однако отличающаяся в том, что измеряется продолжительностью жизни не приобретателя (тому, кому даритель передает право на недвижимое имущество), а иного лица».

Из определений основных видов «фригольдов» следует отметить отличительную черту правоотношений в области недвижимости Великобритании – разграничение форм свободного владения недвижимостью на основании срока продолжительности жизни: либо собственной, либо жизни наследников, либо иных лиц.

В юридической практике свободное право «фригольд», являясь свободным и неограниченным, может в действительности ограничиваться, например, местными властями, разрешение которых необходимо, в случае намерения владельца снести что-либо на своем участке либо сделать пристройку, либо ограничиваться определенными правами инженерных и коммуникационных компаний (на газ, воду, проложенных под землей владельца).

Анализируя юридические компоненты концепта «realty» стоит выделить еще одну значимую особенность структуры ряда юридических терминов, а именно – наличие формы «estate» в их составе. Юридический термин «estate» формулируется как «an interest in landed property», т. е. «право на земельную собственность» [Англоязычные юридические словари], и «technically, the duration of tenure in land» [Law, Martin 2009, с. 289], т. е. «технически, продолжительность землевладения».

Помимо рассмотренного термина «freehold estate», стоит указать иные видовые понятия, заключенные в терминах данной структуры: *estate at will* – *бессрочное арендное право*, *estate for life* (= «life estate») – *пожизненное право на недвижимое имущество*, *estate for years* – *срочное арендное право* (на срок), *estate from year to year* – *право аренды с пролонгацией из года в год*, *estate in fee* – *исторически феодальное наследуемое право на землю за службу лорду*, *estate of inheritance* – *наследственное право собственности*, *estate upon condition* – *условное право владения*, *tail estate* – *ограниченное право собственности* и другие.

Проведенный анализ соответствующих юридических терминов позволяет говорить о том, что термин «estate» в значении «права на землевладение, его продолжительность», имея наибольшее количество производных от английских юридических терминов – юридической составляющей концепта «realty», подтверждает главную отличительную особенность английской юридической практики в контексте недвижимости – акцент на права, а не на объекты недвижимого имущества.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что развитие юрислингвистики имеет существенное значение для диалога культур, поскольку при анализе правового измерения общественной жизни даже в ее бытовых проявлениях, обнаруживаются смысловые линии, дающие целостное и глубокое видение ментально-лингвальных процессов в человеке и обществе, значимых как в сугубо юридическом смысле и для юридически значимых целей, так и применимых к системному анализу явлений лингвистики и межкультурной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Англоязычные юридические словари: сайт. URL: dictionary.law.com/ (дата обращения: 04.09.2017).
- Барабаш О. В.* Юрислингвистика : истоки, проблемы, перспективы // Вестник ПензГУ. 2014. Вып. 2 (6). С. 14–18.
- Голев Н. Д.* Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. 273 с.
- Гончарова Н. Н.* Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 39–405.
- Гражданский кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 04.09.2017).
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1988. 264 с.
- Krois-Lindner A., Firth M.* Introduction to International Legal English. Cambridge University Press, 2008. 160 p.
- Law J., Martin E. A.* Oxford Dictionary of Law. Oxford : Oxford University Press, 2009. 602 p.

Л. В. Кузнецова, М. А. Викулина

Кузнецова Л. В., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия МГЛУ; e-mail: zhukova70@mail.ru

Викулина М. А., ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия МГЛУ; e-mail: vikulina_maria@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ¹

В статье рассматривается образ России, сложившийся в политическом дискурсе англоязычных СМИ в условиях непрекращающегося международного конфликта между Российской Федерацией и ее западными партнерами. В современном мире СМИ являются одним из мощнейших средств формирования общественного мнения, оказывающем влияние практически на все сферы деятельности общества, особенно ее политическую составляющую. Восприятие и толкование наиболее важных событий, происходящих в мире, осуществляется с их помощью. СМИ выступают как активные субъекты политической жизни, создавая общественное мнение и помогая политическим игрокам использовать их как площадку для реализации своих концепций и подходов к решению многих проблем, и в первую очередь международных. Изучение и анализ ведущих мировых СМИ, в частности англоязычных, позволяет выявить их концептуальную составляющую, определить их роль в формировании образа России в мире. В СМИ представлен негативный образ России, «Россия – агрессор», выраженный посредством таких концептов, как «война», «беззаконие», «экономическая нестабильность», «шпионаж», «кибершпионаж». Пристальное внимание со стороны зарубежных СМИ привнесло в политический дискурс яркие концептуальные метафоры, отражающие отношение западных СМИ к событиям, происходящим в России.

Ключевые слова: имидж России; СМИ; концепты; концептуальная метафора; агрессия.

L. V. Kuznetsova

Senior lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, MSLU; e-mail: zhukova70@mail.ru

¹Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-012-00606 «Мультилингвальное исследование политического имиджа России в зарубежных СМИ».

M. A. Vikulina

Senior lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: vikulina_maria@mail.ru

**SPECIAL ASPECTS OF CONCEPTUALIZATION
OF RUSSIA IN ENGLISH LANGUAGE MEDIA**

The article deals with the formation of the image of Russia in the political discourse of the English-language media in the context of the ongoing international conflict between the Russian Federation and its Western partners. In the modern world the media is one of the most powerful means of forming public opinion, which has an impact on almost all spheres of society, especially politics. Perception and interpretation of the most important events taking place in the world, is carried out with their help. The media act as active subjects of political life, creating public opinion and helping political players to use them as a platform for the implementation of their concepts and approaches to solving many problems, especially international ones. The study and analysis of the world's leading media, in particular English-speaking, allows identifying their conceptual component, to determine their role in shaping the image of Russia in the world. The media present a negative image of Russia, expressed through such concepts as "war", "lawlessness", "economic instability", "espionage", "cyber espionage". Serious and deliberate attention from foreign media has brought to the political discourse vivid conceptual metaphors reflecting the attitude of the Western media to the events in Russia.

Key words: image of Russia; the media; concepts; conceptual metaphors; aggression.

Введение

Одним из основных направлений современной лингвистики является исследование соотношения языка и сознания человека, познание им окружающей действительности, обобщение опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. Позная и воспринимая мир, человек пытается упорядочить знания, т. е. распределить новые знания по тем или иным рубрикам, существующим в его сознании. Знания людей об объективной действительности организованы в виде концептов, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека из непосредственного чувственного опыта (органы чувств); из непосредственных операций

человека с предметами (предметная деятельность); из взаимодействия при помощи мыслительной деятельности с другими уже сформированными концептами; из языкового общения [Попова, Стернин 2001, с. 4]. На современном этапе развития науки разработано большое количество определений концепта и методов концептуального анализа. В первую очередь в определении концепта отражаются те стороны, которые представляют наибольший интерес в рамках той науки, в области которой проводятся исследования. Е. С. Кубрякова считает, что концепты – это единицы сознания и информационной структуры, отражающей человеческий опыт. Она называет концептом также «оперативную единицу памяти, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1996, с. 90]. Большое внимание исследованию концепта уделяет Н. Н. Болдырев. Он считает, что в результате познавательной деятельности у человека формируются понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции. Разнообразие форм познания определяет разные способы формирования концептов в сознании человека. Ученый выделяет следующие способы образования концепта: на основе чувственного опыта, предметно-практической деятельности человека, на основе мыслительной деятельности, вербального и невербального общения [Болдырев 2000, с. 23]. «Концепты связаны с конкретными ситуациями в памяти людей, и эти ситуации подводятся под сценарий, именуемый соответствующим концептом...» [Попова, Стернин 2001, с. 60–61]. Концепт вербализуется и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком. Информация, заключенная в концепте, очень многогранна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами. Несомненно, наиболее полное раскрытие содержания концепта может обеспечить лишь сочетание различных подходов, результаты которых дополняли бы друг друга. Концепты, сформированные носителями языка и хранящиеся в памяти людей, образуют концептосферу языка. Понятие концептосферы впервые было сформулировано Д. С. Лихачевым, который обозначал этим термином совокупность концептов [Лихачев 1993, с. 8–9]. Определяя ключевое понятие «концепт», Д. С. Лихачев отмечает, что он исходит из трактовки С. А. Аскольдова-Алексеева, который толкует «концепт,

или общее понятие, как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1928, с. 29].

В современном мире поведение человека, образ его мышления напрямую связан со средствами массовой информации. Предоставляя человеку информацию о состоянии мира, формируя его мировоззрение, СМИ оказывают влияние на весь стиль поведения человека. Появившись сначала как чисто технические способы передачи информации, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Современная эпоха – это прежде всего эпоха информации. Тот, кто владеет информацией, тот владеет общественным сознанием, так как информация имеет решающее значение в области управления общественным сознанием. Влияние СМИ на общественное сознание сегодня очень велико. Часто всё сводится к манипуляции, к заранее планируемой реакции адресата, а иногда и сознательному искажению информации. Всё это свидетельствует о становлении новой функции самого языка – функции управления поведением огромных масс людей и манипулирования их сознанием. Потребление информации в последние годы растет очень стремительно. Человеку становится все труднее усвоить, систематизировать и осознать весь объем получаемой информации. С учетом этого СМИ используют разнообразные информационные клише, цель которых – воздействие на потребителя и достижение максимального эффекта.

Метаконцепт «агрессия» и его составляющие как основа образа России в западных СМИ

Политические события активно влияют на процесс концептуализации образа России в англоязычной прессе. Если раньше население России представлялось авторами статей не очень образованным, то сейчас на первый план выходит угроза, которую Российская Федерация представляет для всего остального мира. Подтверждение этому можно найти в статьях англоязычной прессы:

It is difficult to remember now, when Russia is being portrayed in the west as an aggressive predatory power threatening everybody, the extent which it was marginalised seven years ago when Nato was carrying out regime change in Libya (The Independent, The ceasefire agreed by Russia and Turkey proves how far Putin has come out on top in Syria).

Сейчас очень трудно вспомнить, когда впервые Россия была представлена Западом как агрессивный хищник, угрожающий всем и вся,

и ту второстепенную роль, которую она играла семь лет назад, когда НАТО активно участвовала в смене режима в Ливии.

Анализ статей английской и американской прессы позволяет сделать вывод, что метаконцептом для образа России является концепт «агрессия», который репрезентируется через наиболее частотное на данный момент выражение *Russian aggression*. Вариантами вербализации метаконцепта являются *aggressive position* и *Kremlin aggression*.

Например:

By going public with any evidence of *Kremlin aggression* it was possible to put the Russians on the back foot (*The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces*).

Громко заявляя об агрессивной политике Кремля, было возможно заставить Россию оказаться в невыгодном положении, загнать ее в угол.

Или:

Well-connected *Russians worked aggressively* to recruit or influence people inside the Trump campaign (*The New York Times, The Plot to Subvert an Election*).

Русские, имеющие большие связи с влиятельными людьми, работали очень агрессивно с целью завербовать или повлиять на людей, задействованных в предвыборной кампании Трампа.

So far the response from the EU and America has been to circle the wagons, defiantly challenging *Russia's aggression* (*The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces*).

На данный момент Евросоюз и США встали на защиту общих интересов, демонстративно бросая вызов Российской агрессии.

Или:

The warnings of *Russian aggression* have tended to be of a more general nature (*The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces*).

Предупреждения о русской агрессии носили более общий характер.

В свою очередь, метаконцепт «агрессия» включает следующие концепты: «война», «шпионаж», «беззаконие», «враждебность», «экономическая нестабильность».

Концепт «война» является доминирующим в свете существующих политических отношений. Ядро концепта вербализуется посредством таких лексем, как *ideological war, Cold war, economic war, third world war, civil war, warfare*, а также ряда других, подразумевающих разные виды войны. На периферии концепта находятся понятия, предполагающие:

1) способы ведения военных действий (*escalation of threats, arms race, military tactics, joint operation, territorial expansion, a coordinated move, attacks, targets etc.*);

2) средства ведения военных действий (*weapons, missiles, arms, armaments etc.*);

3) лица, задействованные в ведении военных действий (*officers, warring sides, allies etc.*).

Агрессивная риторика, выраженная концептом «война», в статьях американской и британской прессы вербализуется также посредством таких частотных глаголов, как *wage, launch, attack, undermine, kill, fight, threaten* и др.

Вторым по частотности воспроизведения в статьях англоязычной прессы является концепт «шпионаж». Ядром концепта являются понятия, относящиеся к деятельности спецслужб: *espionage, surveillance, agent*. На периферии концепта «шпионаж» находятся такие понятия, как *security service, spy operations, GRU officers, spy chiefs, intelligence agencies, military intelligence, spymasters, GRU attacks, etc.*

Проведенный анализ статей английской и американской прессы позволяет выделить в концепте «шпионаж» субконцепт «кибершпионаж», который представлен в текстах следующими лексемами: *cyberespionage, cyberattacks, cybersurveillance*, а также выражением *get access to*. Интересно отметить, что в последнее время доля выражений, предполагающих кибердеятельность со стороны России, увеличилась, что может быть связано с опасениями западных СМИ по поводу использования российскими спецслужбами новых технологий и сети Интернет. Более того, на пересечении периферий концептов «война» и «шпионаж» возникает субконцепт «кибервойна» (*cyberwar*).

Hours earlier, in a coordinated move, Hunt said the GRU was waging a campaign of “indiscriminate and reckless” cyberstrikes targeting political institutions, businesses, media and sport (The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin’s malign forces).

Немногим ранее, Хант сделал тщательно спланированное заявление о том, что ГРУ наносит беспорядочные и безответственные киберудары по политическим институтам, бизнесу, СМИ и спорту.

В данном примере выражения, вербализирующие военные действия и киберактивность, в совокупности создают представление о том, что Россия ведет войну с использованием новейших технологий, угрожая стабильности Европы и США.

The Salisbury and a succession of cyberattacks have already tested the unity of the West (The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces).

Приведенный пример иллюстрирует противопоставленность кибердеятельности России и единства Запада. И подтверждением создания образа «киберврага» в лице России является следующее утверждение, опубликованное в британском издании *The Independent*:

The digital age has brought new channels of cyber warfare and surveillance (The Independent, By pulling out of the nuclear treaty with Russia, Donald Trump has eroded what little trust was left between the two nations, Editorial@IndyVoices).

Примечательно, что в последнее время всё более частотным в англоязычной прессе становится концепт «недоверие», отражающий взаимоотношения сторон на международном уровне и репрезентируемый в тексте такими лексемами, как *cheating*, *little trust*, *lack of mutual respect*, *blatant fabrications* или целыми предложениями:

It was necessary because for four decades neither side believed a word the other side said, and with good reason (The Independent, By pulling out of the nuclear treaty with Russia, Donald Trump has eroded what little trust was left between the two nations, Editorial@IndyVoices).

Это было необходимо, потому что в течение четырех десятилетий ни одна из сторон не верила ни одному слову, сказанному друг другу, и наоборот, не без причины.

На периферии концепта можно выделить понятия, предполагающие перепроверку информации вследствие взаимного недоверия и затрудненную коммуникацию на дипломатическом уровне: *to verify / verification* и *tough diplomacy*.

Концепт «беззаконие» (*lawlessness*), являющийся составной частью образа России, представляемого западными СМИ, включает два

основных субконцепта: «преступление» и «антидемократия». Ядро субконцепта «преступление» можно представить выражением *to commit a crime*, тогда как его поле является крайне широким и может включать любые выражения, предполагающие нарушение закона как на международной арене, так и внутри страны. Например:

The bill aims to punish Russia not only for interference in the election but also for its *annexation of Crimea, continuing military activity* in eastern Ukraine and *human rights abuses*. Proponents of the measure seek to impose sanctions on people involved in *human rights abuses, suppliers of weapons* to the government of President Bashar al-Assad in Syria and those *undermining cybersecurity*, among others (*The New York Times Congress Reaches Deal on Russia Sanctions, Setting Up Tough Choice for Trump*).

Законопроект направлен не только на то, чтобы наказать Россию за ее вмешательство в выборы (в США), но и за присоединение (аннексию) Крыма, непрекращающуюся военную деятельность на востоке Украины и нарушения прав человека. Сторонники данной меры требуют ввести санкции против людей, замешанных в нарушении прав человека, поставщиков оружия для правительства Президента Сирии Башара Асада, а также против тех, кто подрывает кибербезопасность, среди прочего.

Или:

That is mere semantics – *conspiracy* is the technical legal term for *abetting the Russians in breaking American laws*, such as those *outlawing computer hacking and banning foreign assistance* to a campaign (там же).

Описанные выше концепты определяют образ России в международных отношениях, тогда как концепт «экономический кризис» относится к представлению о состоянии дел в самой России.

Концепт «экономический кризис» представлен в текстах англоязычной прессы, в основном такими лексемами, как *fall* и *collapse*, составляющими его ядро. Также частотными в отношении российской экономики являются выражения *inefficient economy*, *to impoverish Russia's citizens*, *bombastic inflation* и др., находящиеся на периферии концепта.

Роль концептуальной метафоры в процессе концептуализации образа России в зарубежных СМИ

Следует отметить важную роль концептуальной метафоры в создании воинственного и агрессивного образа современной России. Как

становится ясно из проанализированного корпуса текстов, метафоры основаны на тех концептах, которые в данный момент доминируют в англоязычной прессе. Так, концепт «агрессия» репрезентируется в следующем примере:

Britain's new foreign policy of publicly calling out the Russians whenever they step out of line *has caught the Kremlin off guard*, but it may come back to bite us (*The Independent*, *Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces*).

В данном примере метафора автора, построенная на выражениях *off guard* и *bite*, вызывает ассоциацию с агрессивным животным, которого застали врасплох, но которое, придя в себя, может быть крайне опасно и агрессивно.

В следующем примере репрезентируется концепт «война»:

So far the response from the EU and America has been *to circle the wagons*, defiantly challenging *Russia's aggression*.

Выражение *to circle the wagons* является устоявшейся метафорой, предполагающей отсылку к тому периоду, когда, отбиваясь от атак индейцев, прибывшие в Америку европейцы ставили повозки кругом в целях обороны.

Еще одной метафорой, основанной на концепте «война», является выражение «выкинуть белый флаг» (дословно: «выкинуть полотенце»), в боксе признающий поражение боксер бросает на ринг полотенце):

After all, the Soviet Union essentially lost the Cold War and *threw in the towel* by signing weapons treaties simply because it couldn't keep up with the US defence budget.

Исходя из изложенного выше, кажется вполне логичным, что в рамках метаконцепта «агрессия» выделяются концепты, относящиеся к объектам, подвергающимся этой агрессии: страдающий от режима народ России и подвергающийся опасности со стороны России Запад.

Квинтэссенцией отношения к современному политическому режиму в России можно считать следующее высказывание:

At home, too, Russia has returned to an internal culture of *repression and authoritarianism*. It has not (yet) regressed to *full-on paranoid Stalinism*, but it is developing its own modern brand of near *dictatorship*, which we might

term *Putinism*. It retains some of the trappings and features of democracy, and some of its reality, but there is *no realistic challenge possible towards this regime*. It is smarter and less brutal than its antecedents, but no less ruthless (*The Independent, By pulling out of the nuclear treaty with Russia, Donald Trump has eroded what little trust was left between the two nations*).

В данном примере ключевыми являются выражения «репрессии», «авторитарность», «параноидальный сталинизм», «диктатура». Они формируют представление о «страдающем» народе России, который даже не может ничего противопоставить жестокому режиму (*no realistic challenge possible towards this regime*).

Нельзя не отметить, что антироссийская кампания иногда доходит до абсурда. Так, издание *The Times* усмотрело в российском мультфильме «Маша и медведь» черты взаимоотношений Президента РФ и народа. Как утверждает автор статьи, российский мультфильм является частью пропагандистской машины В. В. Путина, и был создан специально для «обработки» умов детей.

Is Masha and the Bear a Putin stooge? Critics claim cartoon with 4.18m subscribers is made by Kremlin to subvert children. A Russian-made children's cartoon show has been accused of being part of the Putin propaganda machine (*The Daily Mail, Mailonline*).

Являются ли Маша и Медведь марионетками Путина? Критики утверждают, что мультфильм со зрительской аудиторией в 4.18 млн человек создан специально, чтобы смущать умы юных зрителей. Российский мультфильм обвиняют в том, что он является частью пропагандистской машины Путина.

Согласно авторам, Маша является визуализацией концепта «агрессия», тогда как медведь является жертвой того, что в современной англо-американской прессе называется *Putinism*.

...claiming that the bear symbolised Russia and was designed to place a positive image of the country in children's minds...

... 'Masha is feisty, even rather nasty, but also plucky...

'She punches above her weight. It's not far-fetched to see her as Putinesque (*The Times; The Daily Mail, Mailonline*).

...утверждают, что Медведь символизирует Россию и был создан специально, чтобы в умах детей сформировался позитивный образ России...

«Маша агрессивная, даже довольно-таки опасная и своенравная, но в то же время решительная и смелая».

Она пытается занять место, которое ей не полагается. Вполне естественно рассматривать ее как персонаж в стиле Путина.

В одной из серий Маша появляется в фуражке советского пограничника и очень успешно защищает огород Медведя от нашествия различных зверюшек. Критики рассматривают данную ситуацию как концептуальную метафору, показывающую как Россия защищает свои границы.

In one Masha even dons a Soviet border guard's hat as she repels invaders from the Bear's carrot patch... Critics said this was a metaphor for how Russia protects its borders (*'All out of anti-Russian stories?' Times gets grilled for calling 'Masha and the Bear' propaganda, The Times*).

В одной из серий Маша появляется в фуражке советского пограничника и отражает нападение тех, кто пытается влезть в огород Медведя и украсть морковку. ... Критики утверждают, что это можно рассматривать как метафору к тому, как Россия защищает свои границы.

Невозможно не отметить реакцию людей на данную ситуацию: читатели были, мягко говоря, удивлены сложившейся ситуацией и заинтересовались, неужели у такого серьезного издания (*The Times*) закончились идеи для поддержания русофобских настроений.

A bizarre, year-old report that described cartoon 'Masha and the Bear' as Kremlin propaganda for kids has been revived in *The Times*, prompting commenters to wonder if the publication had run out of ideas for its usual Russophobia (*'All out of anti-Russian stories?' Times gets grilled for calling 'Masha and the Bear' propaganda, The Times*).

Фантастически странный доклад, в котором сообщалось о том, что мультфильм для детей «Маша и Медведь» является пропагандой Кремля, вновь стал актуальным после публикации в *The Times*, заставляя интернет-пользователей задавать вопрос: неужели издание исчерпало свои обычные русофобские идеи.

Многие пользователи Интернета пошли еще дальше, заявив, что данная история одна из худших:

Some internet users, even those with anti-Kremlin views, saw the story as a new low in anti-Russian hysteria (*'All out of anti-Russian stories?' Times gets grilled for calling 'Masha and the Bear' propaganda, The Times*).

Некоторые интернет-пользователи, даже те, кто настроен против России (Кремля), рассматривают эту историю как одну из самых худших в антироссийской истерии.

Реакция общественности на подобные концептуальные метафоры в статьях британской и американской прессы хорошо отражена в следующих примерах:

Mark Galeotti@MarkGaleotti

Masha and the Bear are not coming to invade your homeland Today's dumbest 'everything is Russian hybrid war' article got me venting my spleen

Daniel McAdams@DanielLMcAdams

Peak insanity. When will it stop?

Litvine Nicolas@NicoLtvIn

Replying to @leonidragozin

And this isn't even a political wacko, but – supposedly – a serious newspaper. This is both hateful and beyond stupid...

Rob Proud@RobProud

Replying to @LeonGoudikian and 11 others

Masha? She's got to be Western or specifically American to display that level of idiocy!

Авторы комментариев называют подобные статьи «верхом безумия» (peak insanity) и удивляются, что подобное пишут не «политически ангажированные сумасшедшие» (political wacko), а вполне серьезное издание. Реакция на подобные публикации отражена в выражении одного из комментирующих *hateful and beyond stupid* / *ненавистно, омерзительно и уже за гранью глупости*. Читатели воспринимают подобные метафоры с юмором и даже считают их неадекватными, соответственно, можно предположить, что подобные выпады в адрес России вызывают в обществе реакцию, противоположную той, на которую они были настроены.

Выводы

Таким образом, хотелось бы отметить, что образ России в статьях английской и американской прессы формируется не только на

основании вербализации метаконцепта «агрессия», который, в свою очередь, включает такие концепты, как «война», «шпионаж», «беззаконие» и «экономический кризис», но и навязывается общественности посредством крайне агрессивных концептуальных метафор, в том числе и визуализированных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аскольдов-Алексеев С. А.* Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. 1928. Вып. II. 29 с.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000. 123 с.
- Кубрякова Е. С.* [и др.]. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996. 245 с.
- Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. Т. 52. 1993. № 1. С. 8–9.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж : Истоки, 2001. 190 с.
- Bridge M.* The Times, Children's show is propaganda for Putin, say critics. URL: www.thetimes.co.uk/article/childrens-show-is-propaganda-for-putin-say-critics-j9wxcvslm
- Cockburn P.* The Independent, The ceasefire agreed by Russia and Turkey proves how far Putin has come out on top in Syria. URL: www.independent.co.uk/voices/syrian-ceasefire-turkey-russia-erdogan-putin-trump-a8548871.html
- Editorial. The Independent, By pulling out of the nuclear treaty with Russia, Donald Trump has eroded what little trust was left between the two nations. URL: www.independent.co.uk/voices/editorials/trump-nuclear-treaty-russia-cold-war-putin-hacking-war-a8594741.html
- Flegenheimer M., Sanger D. E.* The New York Times, Congress Reaches Deal on Russia Sanctions, Setting Up Tough Choice for Trump URL: www.nytimes.com/2017/07/22/us/politics/congress-sanctions-russia.html
- McManus L.* The Daily Mail, Is Masha and the Bear a Putin stooge? Critics claim cartoon with 4.18m subscribers is made by Kremlin to subvert children URL: www.dailymail.co.uk/news/article-6400667/Is-friendly-Russian-Bear-YouTube-Putin-stooge.html
- RT news, All out of anti-Russian stories?' Times gets grilled for calling 'Masha and the Bear' propaganda. URL: on.rt.com/9isx
- Shane S., Mazzetti M.* The New York Times, The Plot to Subvert an Election. URL: www.nytimes.com/interactive/2018/09/20/us/politics/russia-interference-election-trump-clinton.html

Verkaik R. The Independent, Criticising Putin without US support is a dangerous move, making the UK a target for the Kremlin's malign forces. URL: www.independent.co.uk/voices/vladimir-putin-donald-trump-russia-skripal-poisoning-a8568336.html

УДК 811.111

О. Ю. Любимова

ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области права Института международного права и правосудия МГЛУ;
e-mail: ol_lyubimova@mail.ru

МЕТАФОРИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ARGUMENT» В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Автор статьи обращается к концептуальной метафоре «argument» – «довод», рассматривая концепт «argument» в рамках когнитивной лингвистики. Активное развитие идей когнитивизма в лингвистике, с одной стороны, и признание когнитивной функции метафоры как значимой и самостоятельной – с другой, привели к выделению особого типа концептуальной метафоры, качественно не соотносимого с художественной или языковой метафорой. В последние годы метафора преимущественно исследуется как когнитивный механизм, инструмент концептуализации.

В статье рассматривается концепт «argument» в рамках традиционной семантики и когнитивной лингвистики. В традиционном семантическом смысле можно выделить три значения английского слова «argument» – «довод», «спор», «дискуссия», «аргументация»; «аргументированное выступление (в защиту чего-л.)». Предлагаемая в статье концептуализация лексемы «argument» – *довод* базируется на теории Дж.Лакоффа и М.Джонсона с выделенными ими основными метафорами, такими как «довод – война», «довод – путешествие», а также дополняется авторскими проекциями, типичными для юридического дискурса, такими как «довод как игра» и «довод как манифест».

Ключевые слова: концепт; метафора; проекции; юридический дискурс; довод; аргумент.

O. Yu. Lyubimova

Senior Teacher at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, the Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: ol_lyubimova@mail.ru

METAPHORICAL CONCEPT “ARGUMENT” IN LEGAL DISCOURSE

The author of the article examines the conceptualization of “argument” in legal discourse. Concept “argument” is analyzed within cognitive framework. Cognitive science gives us a new approach to the studying of legal discourse. Active role of cognitive science on the one hand and the recognition of the cognitive function of the metaphor as the entire unit on the other hand lead to the development of the cognitive metaphor that cannot be fully explained either by literal or by language metaphor. Recently metaphor has been studied as cognitive mechanism and a special

tool for conceptualisation. In traditional semantic sense there are several meanings of the word “argument”: reasoning, verbal fight, presentation of support. The article deals with both the conceptualisation of “argument” in traditional and cognitive science. The conceptualization of “argument” is based on Lakoff and Johnson theory with the main metaphors such as “argument is war”, “argument is journey” and is supplemented by our own mappings typical for legal discourse such as “argument is game” and “argument is manifesto”.

Key words: concept; metaphor; mappings; legal discourse; reasoning; argument.

Введение

На протяжении XX в. метафора исследовалась не только в языковом, но и в философском ключе, что дало возможность теории метафоры приобрести черты когнитивной дисциплины. Так, Э. Кассирер, противопоставляя логическое и магическое мышление, отмечал, что «метафору в общем смысле следует рассматривать не как определенное явление речи, а как одно из конститутивных условий существования языка» [Кассирер 1990, с. 33–43].

Хосе Ортега-и-Гассет замечал: «Метафора представляет собой нечто вроде такого рода сочетаний идеограмм, позволяющих нам обособить труднодоступные для мысли абстрактные объекты и придать им самостоятельность. Поэтому она становится все более необходимой по мере того, как наша мысль отдаляется от конкретных предметов обыденной жизни» [Ортега-и-Гассет 1990, с. 68–81].

Начиная с 1980-х гг., «центр тяжести» в изучении метафоры переместился из филологии (лингвистики, литературоведения, стилистики), в которой превалировали анализ и оценка художественной и языковой метафоры, в те сферы, которые обращены к мышлению и сознанию, к концептуальным системам.

Активное развитие идей когнитивизма в лингвистике, с одной стороны, и признание когнитивной функции метафоры как значимой и самостоятельной – с другой, привели к выделению особого типа концептуальной метафоры, качественно не соотносимого с художественной или языковой метафорой. В последние годы метафора преимущественно исследуется как когнитивный механизм, инструмент концептуализации.

Определенный недостаток современной науки как в лингвистике, так и в философии, заключается в том, что особый акцент делается на разграничении компонентов языка (например: синтаксис, семантика,

прагматика), и предпринимаются попытки изучать грамматическую или смысловую структуру выражений независимо от их использования при аргументации или коммуникации. Действительно, конфигурации дискурса являются высокоорганизованными и сложными в рамках более широких социальных и культурных контекстов, каким и является юридический дискурс.

Основное достижение когнитивной семантики и исследований в области мысленного пространства заключается в том, что те же самые операции и принципы проецирования (*проекции mapping*) работают в элементарной семантике, прагматике и в умозаключениях «высокого уровня». Анализ использования категорий времени, референции, пресуппозиции тесно связан с проекциями по аналогии, с концептуальными связями и с конструкцией дискурса, что, в свою очередь, неотделимо от понимания метафоры и метонимии, структуры повествования, речевых актов, риторики и общих умозаключений.

Вопрос метафорических проекций исследовался Дж. Лакоффом, М. Джонсоном, М. Тернером и др. [Лакофф, Джонсон 1990; Turner 1991; Lakoff, Turner 1989]. По мнению ученых, для того чтобы говорить и думать о некоторых доменах (целевых доменах), мы используем структуру других доменов (исходных доменов) и соответствующий вокабуляр.

Некоторые проекции используются всеми членами культуры, например в английском: *довод как путешествие*. Структура житейского понимания пространства и передвижения используется для организации житейского осмысления довода, аргумента. Например: *We have set out to prove that he is guilty* (Мы намеревались доказать, что он виновен); *This observation points the way to an elegant solution*. (Это наблюдение указывает путь к элегантному решению).

Понятие проекций закрепилось в лингвистике. М. Тернер показывает, что проекции определяют концептуальную структуру языка и культуры [Turner 1991]. Интересно, что в словаре проекции часто лежат на поверхности. Процесс проецирования одного домена на другой является в каком-то смысле автоматическим. Проекции могут возникать локально, в контексте, и в этом случае они воспринимаются не как продукт языка, а как некий творческий ход, часть рассуждения и построения дискурса. Тем не менее не существует принципиальной разницы между укоренившимися в лексике (незаметными) проекциями и теми, которые сознательно создаются говорящим.

У метафоры определяются две области указания на окружающую действительность: область-источник концептуализации (source) и область-«мишень» (target). Область-источник понятнее, конкретнее и более детально известна собеседникам. Область-«мишень» – это рецепиентная зона. Концептуальная метафора, которую исследуют Дж. Лакофф и М. Джонсон, позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой области, и реализуется в языке в виде многочисленных метафорических выражений.

Концептуальные метафоры «доказательство» и «аргументация» в юридическом дискурсе

Основная функция проекций – построение и связь понятийных областей. Понятийные области [Fauconnier 1997] – это частичные структуры, которые разрастаются, когда мы думаем и говорим, позволяя определить тонкие грани в нашем дискурсе и структуре знаний.

Процесс аргументации посредством создания структурной аналогии наиболее полно и наглядно раскрывается в юридическом дискурсе и помогает повысить культуру мышления ораторов.

Доказательства и аргументация играют важную роль в ораторской речи юриста. Доказать правильность своей мысли можно логическими доводами, использованием убедительных аргументов, компетентных мнений, имеющих целью вызвать убеждение [Барабаш 1997]. Судьи оценивают правильность мыслей прокурора и адвоката прежде всего по степени значимости и ценности фактического материала. Убедительность судебной речи во многом зависит от качества аргументов. В традиционном семантическом смысле можно выделить три значения английского слова «argument», это «довод», «спор, дискуссия», «аргументация; аргументированное выступление (в защиту чего-л.)». Тем не менее выделенные значения не охватывают в полной мере всё богатство информации, которое обнаруживается при изучении концепта «argument»: стадии, которые проходят аргументы, характерная модель обмена аргументами участников дискуссии, цели преследуемые участниками, а также сила приведенного довода.

Рассматривая концепт «argument» в рамках когнитивной лингвистики, мы обращаемся к концептуальной метафоре «argument» – «довод».

В соответствии с концептуальной теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона наша концептуализация концепта «argument» основана на четырех основных метафорах, а также дополняется собственными проекциями, типичными для юридического дискурса, такими как «довод как игра» и «довод как манифест» [Лакофф, Джонсон 1990].

Таблица 1

Базовые проекции концепта «довод»

• journey, war, game, building, hot fluid in a container, manifesto
• путешествие, война, игра, здание, горячая жидкость в сосуде

Рассмотрим подробно каждую из них.

Довод – это путешествие

Эта первая метафора в основном служит цели концептуализации процесса аргументации.

We have *set out* to prove that he is guilty.

Мы намеревались *доказать*, что он виновен.

When we *get to the next point*, we shall see that his argument is contentious.

Когда мы *перейдем к следующему пункту*, мы увидим, что его довод спорный.

So far, we have seen that no current theory will work.

На данный момент, мы видим, что настоящая теория не будет работать.

This observation *points the way* to an elegant solution.

Это наблюдение *указывает путь* к элегантному решению.

We have *arrived* at a disturbing conclusion.

Мы *пришли* к тревожному заключению.

We have arrived at a verdict.

Мы пришли к решению (вердикту).

Their argument can *mislead us*.

Их аргумент может завести нас не туда.

Как показывают примеры, мы понимаем процесс аргументации посредством создания структурной аналогии с той детальной информацией, которой мы владеем о процессе путешествия. Номинативные

концепты, такие как «отправная точка», «путь» и «цель», а также концепты действия «выдвигаться», «следовать» и «прибывать» играют основную роль в обеспечении структуры концепта «путешествие». Например:

He strayed from the line of argument.

Он отклонился от своей аргументации.

Do you follow my argument?

Ты следишь за моими аргументами?

Now we've gone off in the wrong direction again.

Теперь мы снова свернули с нашего пути.

I'm lost.

Я потеряян.

You're going around in circles.

Вы ходите кругами.

Довод – это конфликт

Второй концепт, который частично используется как концептуализация дальнейшего структурного продолжения, а также для усиления довода – это концепт «конфликт» (Дж. Лакофф и М. Джонсон предпочитают более общий термин «война»). Конфликт может быть поделен на несколько стадий, включающих изначальные позиции оппонентов, стадии атаки, отступления, контратаки и, наконец, победу одной из сторон или, что редко, перемирие. В таблице 2 показано, как структурные аналогии между конфликтом и аргументом отражены в лингвистических выражениях в юридическом дискурсе.

Таблица 2

Argument is war – довод-конфликт

Initial positions of the opponents Изначальные позиции оппонентов	His lawyer was prepared for the onslaught. Его юрист был готов к атаке. That is an indefensible point of view. Это недоказуемая точка зрения
Attack Атака	We did battle with the council about the plans. Мы «сражались» с консулом относительно наших планов. Lawyers are at daggers drawn with each other. Юристы на ножах друг с другом. They clashed over whom to appoint the prosecutor. Они столкнулись: кого назначить обвинителем

	He has crossed swords with them before. Они уже с ним скрещивали шпаги
Defence Защита	He is the first to leap to her defence. Он первый бросается на ее защиту
Retreat Отступление	He withdrew his offensive remarks. Он взял обратно свои оскорбительные комментарии
Counterattack Контратака	Her lawyer decided to pursue another line of attack. Ее юрист решил придерживаться другой линии наступления
Victory / defeat / truce Победа / поражение / перемирие	to lose / to win the case проиграть / выиграть дело. He had to succumb to the force of her arguments. Ему пришлось уступить силе ее аргументов. Let's call it a truce. Давайте договоримся о перемирии

Из предыдущей, наиболее продуктивной метафоры, вытекает связанная с ней концептуализация довода как игры. Эта метафора относится к домену, лишенному насилия, и использует такие тактические приемы, как лезть, умение торговаться и другие.

Довод это игра / стратегия

I say we call their *bluff* right now.

Я говорю, что им надо подтвердить обвинения прямо сейчас.

Experienced lawyer, he made it a rule to count moves.

Стреляный воробей, он научился просчитывать шаги.

Такие выражения, как *win / lose a case* (*выиграть и проиграть дело*) также часто относятся именно к данной концептуальной метафоре.

Довод – это здание

Эта классическая основная метафора в юридическом дискурсе понимается как некоторое замкнутое пространство, из которого можно выйти, только разрушив его стены, – *to break off the argument, to be locked in an argument*.

Данная метафора позволяет раскрыть содержание, прогресс и качество доводов путем наложения характеристик, свойственных концепту «здание», объединяющих такие основные концепты, как *дом*, *замок* или любое другое помещение.

We've got a *framework* for a *solid* argument.

У нас есть основания для надежного (крепкого) довода.

We have to act within the existing legal *framework*.

Мы должны действовать в рамках существующей юридической системы.

We will show his argument to be without *foundation*.

Мы покажем, что его довод был *безосновательным*.

With the *groundwork* you've got, you can *construct* a pretty *solid* argument.

С тем *фундаментом*, который у тебя есть, ты можешь выстроить *надежный / основательный* аргумент.

We can help to *construct* a line of defense.

Мы можем помочь *выстроить* линию защиты.

Довод – это горячая жидкость в сосуде

Для концептуализации доводов в рамках данной метафоры мы используем весьма продуктивную метафору «ёмкости», построенную на основе схемы «внутри – снаружи». С этой перспективы, которая концентрируется на значении довода как аргументированного выступления в защиту чего-то или против чего-то, доводы рассматриваются как некие емкости, удерживающие субстанцию. Выступления в суде часто бывают эмоционально окрашенными, подобно жидкости, которая нагревается и закипает.

We had a *heated / hot argument* in the courtroom yesterday.

But this is an *empty argument*: subparagraph (b) is not about reservations that are established simply by virtue of being formulated, but rather about reservations that are not permitted by the treaty. Здесь речь идет о *явном несоответствии*: подпункт b) касается не тех оговорок, которые действуют в силу лишь факта их формулирования, а, наоборот, тех оговорок, которые не разрешены договором.

Довод – это манифест

Наиболее интересная и продуктивная концептуальная метафора, которая проявляет себя в юридическом дискурсе, – «довод – это манифест». Она отражает значение довода, аргумента как дискурса с целью убеждения и находит свое отражение в многочисленных

примерах из юридического текста. Поскольку цель аргумента – это убеждение, важны такие характеристики доводов, как надежность и очевидность.

The plain evidence of facts is superior to all declarations.
Простое доказательство фактов выше всех заявлений.

Исходя из этого аргумент в юридическом тексте должен быть достоверным, так как именно эта характеристика и определяет данную метафору.

Their argument is so manifestly correct and so compelling.
Их довод настолько очевидно верен и так убедителен.

Insidious arguments are not sustainable.
Вызывающие сомнения доводы не жизнеспособны.

Концептуальные метафоры часто материализуются, т. е. реализуются неязыковыми средствами, иными словами, они проявляются не только в языке, но и физически в социуме и реальности.

Например. Рассмотрим концептуальную метафору «важный – это центральный» и ее языковые проявления (например, *central issue*). Во время переговоров или каких-либо других социальных мероприятий важные люди (с более высоким социальным статусом), как правило, занимают центральное место при рассадке, чем менее важные.

Выводы

Таким образом, мы видим, что метафора состоит из исходного и целевого домена, причем исходный домен является более конкретным, а целевой более абстрактным. *Например.* Исходные домены (источник): битва, путешествие. Целевой домен (мишень): договор. Взаимосвязь между источником и целью осуществляется таким образом, что исходный домен может связываться с несколькими целевыми, а целевой домен может соответствовать нескольким исходным. Например, в английском языке домен «путешествия» применим одновременно и к домену «жизнь», и к домену «любовь», и к домену «довод». В нашем случае можно говорить о появлении исходного домена (источника) «манифест» в юридическом английском дискурсе, а также видоизменения домена битвы, конфликта на игру, что более типично проявляет себя в юридическом дискурсе.

Концептуальные метафоры часто производят культурные модели, которые работают в нашем мышлении. Это такие структуры, которые являются одновременно культурными и когнитивными, т.е. они являются культурно специфическими мысленными представлениями о каких-то фрагментах картины мира и помогают по-новому осмыслить специализированные отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барабаш А. С.* Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск : Красноярский государственный университет, 1997. 131 с.
- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 33–43.
- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 120–129.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М. : Прогресс. 1990. С. 68–81.
- Fauconnier G.* Mappings in language and thought. Cambridge and New York : Cambridge University Press, 1997. 219 p.
- Lakoff G., Turner M.* More Than Cool Reason; A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago : Chicago University Press, 1989. 237 p.
- Turner M.* Reading minds: The study of English in the age of cognitive science. Princeton, NJ : Princeton University Press. 1991. 244 p.

«SOCIETAS LEONINA» – ЛИТЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА И ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕРМИН

В статье рассматриваются литературные источники латинского юридического термина *societas leonina* («львиное товарищество») – басни античных поэтов, повествующие о несправедливом разделе совместной добычи. В Античности несколько авторов разрабатывали подобный сюжет: древнегреческий поэт Эзоп, римские баснописцы Федр и Бабрий. Проведенный анализ басен этих трех античных поэтов дает возможность предположить, что появление термина *societas leonina* скорее всего связано с басней поэта I в. н. э. Федре, который был близок к юридическим кругам Рима. Произведения Федре изобилуют юридической лексикой, а содержание практически каждой его басни иллюстрирует положения римского права. Особым указанием именно на басню Федре «Корова, коза, овца и лев» как на источник термина *societas leonina* служит употребление в ее первом стихе слова *societas* в значении юридического термина «товарищество». В статье приводится определение неравноправного товарищества как *societas leonina*, впервые засвидетельствованное в Дигестах, в цитате Ульпиана, римского юриста конца II – начала III вв. н. э.; раскрывается связь между ярким метафорическим образом из басни, использованном в цитате Ульпиана, и юридическим термином *societas leonina* («львиное товарищество»), оставшимся на века в юридическом языке и широко используемом в Новое время в научной и учебной юридической литературе для обозначения «товарищества, в котором один из товарищей нес бы одни убытки, не участвуя в прибылях» [Бартошек 1989, с. 70].

Римским правом создание такого «львиного товарищества» – *societas leonina* – было запрещено. В современном праве возможность образования товарищества, которое может быть определено как *societas leonina*, различается в зависимости от правовой системы государств.

В статье проанализировано употребление термина *societas leonina* в юридической практике; приведены примеры его использования в сборнике судебных решений Шотландского Верховного гражданского суда от 1811 г. и решение Верховного суда Филиппин от 1903 г. по хозяйственному спору. Особое внимание уделено изучению дальнейшего развития термина *societas leonina* как основы для новых терминов, появившихся в последующие столетия. В работе разбираются причины вытеснения термина *societas leonina* появившимися в современных языках правовыми неологизмами «львиный договор» и «львиный пункт договора».

Создание юридического лица с явным чрезмерным преимуществом одной стороны над другими сторонами в настоящее время практически невозможно, поэтому в современной юридической практике вектор применения термина *societas leonina* смещается с отношений, возникающих при создании юридических лиц, в сторону сделок, совершаемых ими. Вследствие этого происходит замена термина *societas leonina* терминами, появившимися в современных юридических языках на его основе: «львиный договор», т. е. «кабальный договор» и «львиное условие договора» или «кабальное условие договора». Эти термины образованы в новых языках по образцу термина римского права *societas leonina* с использованием прилагательных со значением «львиный», которые, в свою очередь, образованы от латинского прилагательного *leoninus*. Этих терминов в римском праве не было, они – результат развития современной правовой системы. В этой связи в процессе подготовки будущих юристов особое внимание уделяется необходимости знания культурного контекста для понимания и правильного употребления современных правовых неологизмов, возникших из латинских крылатых выражений.

Ключевые слова: латинский язык; терминология римского права; латинская терминология международного права; *societas leonina*.

N. V. Marshalok

Associate Professor, Ph.D in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Romanic Languages, International Law Faculty of MGIMO University
e-mail: marshalokn@gmail.com

I. L. Ulianova

Associate Professor, Associate Professor at the Department of Romanic Languages, International Law Faculty of MGIMO University; e-mail: oulianova555@inbox.ru

SOCIETAS LEONINA – LITERARY METAPHOR AND LEGAL TERM

The article considers the literary sources of the Latin legal term *societas leonine* («leonine partnership») – the fables of ancient poets, which tell of the unfair division of joint extraction. Several ancient authors developed a similar plot: the Greek poet Aesop, Roman fabulists Phaedrus and Babrius. Analysis of fables of these three ancient poets makes it possible to assume that the appearance of the term *societas leonina* is most likely connected with the fable of Phaedrus, the poet of the I century AD, who was close to Roman legal circles. The works of Phaedrus abound with legal vocabulary, and the content of virtually every fable illustrates the provisions of the Roman law. Phaedrus' fable «The cow, goat, sheep and lion» is indicated as the source of the term *societas leonina* since in its first verse the word *societas* is used in the meaning of the legal term «partnership». The article describes the definition of unequal partnership as *societas leonina*, first attested in Digesta, in the quote of Ulpian, a Roman lawyer of the late II–early III century AD. The article reveals the connection between the bright metaphorical image of the fable used in Ulpian's quote and the legal term *societas leonina* («leonine partnership») which is left for ages in the legal language

and widely used in modern age in the scientific and educational legal literature to refer to «partnership in which one of the parties would bear one loss, not participating in the profits». Roman law prohibited creating such «leonine partnership» or *societas leonina*. In modern law, the possibility of forming a partnership, which can be defined as *societas leonina*, varies depending on the legal system of a state.

The article analyzes the use of the term *societas leonina* in legal practice and provides examples of its use in the book of court decisions of the Scottish Supreme Civil Court of 1811 and in the decision of the Supreme Court of the Philippines in 1903 on an economic dispute.

Special attention in the article is paid to further development of the term *societas leonina* as the basis for new terms that emerged in subsequent centuries. The article deals with the reasons for the replacement of the term *societas leonina* with the legal terms «leonine contract» and «“lion's share” clause» that appeared in modern languages. Establishment of a legal entity with a clear undue advantage of one party over other parties is practically impossible, therefore, in modern legal practice, the vector of application of the term *societas leonina* is shifted from the relations arising from creation of legal entities to the transactions made by them. Therefore, the term *societas leonina* is replaced with terms that appeared in modern legal languages on its basis: ««leonine contract» that is, the «oppressive contract» and «“lion's share” clause» or the «enslaving contract conditions». These terms are formed in modern languages according to the *societas leonina* model from the Roman law – with the use of adjectives with the meaning «leonine», «lion's», which are formed from the Latin adjective *leoninus*. These terms were not used in the Roman law, they are the result of the development of the modern legal system.

Considering this, special attention is paid to the need for knowledge of the cultural context for understanding and correct use of modern legal neologisms arising from Latin winged expressions.

Key words: Latin; Latin terminology of Roman law; Latin terminology of international law; *societas leonina*.

Введение

В римском, а затем и в современном праве крылатые латинские выражения используются в качестве юридических терминов. Часто они «выражают юридические понятия, которые прямо из самих этих высказываний вывести невозможно <...>. Читатель-юрист нередко встречает в юридических книгах или документах латинские цитаты, которые он не распознает или распознает неверно» [Маттила 2006, с. 208]. Незнание культурного контекста крылатого выражения, а также небрежный подход к переводу на русский язык иногда приводит к казусам. Например, в научном издании встречается доходящий до абсурда перевод на русский язык термина *societas leonina* («львиное товарищество») как «сожительство со львом» [Письменов,

Баркатунов, Снегирева 2015, с. 19]. Возможно, это результат буквального перевода на русский английского термина «*leonine partnership*», но, прежде всего, это – свидетельство плохого владения терминологическим аппаратом своей профессии, небрежности, а также незнание культурного контекста термина.

Литературные источники выражения *societas leonina*

Источник латинского выражения *societas leonina* – античная басня, повествующая о несправедливом разделе совместной добычи. Этот сюжет был очень популярен и в Античности, и в последующие эпохи. В Новое время наиболее известны басни «Лев и осел на охоте» французского поэта Лафонтена и «Лев на ловле» И. А. Крылова. На основе этого басенного сюжета возникло выражение «львиная доля» как «большая, лучшая часть чего-либо, полученная кем-либо заведомо несправедливо, по праву сильного» [Энциклопедический словарь 2005, с. 402].

В Античности несколько авторов писали на подобный сюжет: Эзоп (149), Федр (I, 5), Бабрий (I, 67). Впервые о совместной охоте зверей рассказывает в басне «Лев, осел и лисица» (149) Эзоп, родоначальник басенного жанра, легендарный поэт VI в. до н. э.: лев, осел и лисица охотились вместе, после охоты лев приказал ослу поделить добычу. Осел поделил ее на три равные части, за что был растерзан львом. Далее добычу пришлось делить лисе, которая все отдала льву, оставив себе совсем немного. Когда лев спросил лису, кто научил ее так правильно делить, она ответила: «погибший осел». Мораль этой эзоповской басни такова: «несчастья ближних становятся для людей наукой» (пер. М. Л. Гаспарова) [Античная басня 1991, с. 126].

В басне римского поэта I в. н.э. Федре (I, 5) в товарищество со львом для охоты объединились корова, коза и овца¹:

«Они оленя изловили тучного;
Лев, разделивши тушу, заявил им так:
«Беру я первую часть за то, что львом зовусь;
Вторую – за то, что был я вам союзником;
За то, что я сильнее, мне третья следует;
И горе тому, к четвертой кто притронется».
Так всю добычу присвоило насилие»

[Античная басня 1991, с. 273].

¹Пер. М. Л. Гаспарова.

На эзоповский сюжет совместной звериной охоты и последующего раздела добычи написал басню еще один римский баснописец – Бабрий (конец I – начало II вв. н.э.), писавший на греческом языке. В его басне (I, 67) действуют только два персонажа: лев и осел. После охоты лев поделил добычу на три части и всё забрал себе, аргументируя так:

«Одну беру, как царскую мою долю,
Вторую – за участие мое в ловле,
А из-за третьей ты еще хлебнешь горя,
Коль тотчас от меня не унесешь ноги»¹

[Античная басня 1991, с. 371].

Итак, во всех трех баснях лев забирает всю добычу у зверей, вступивших с ним в товарищество для совместной охоты.

В римском праве такое товарищество называлось *societas leonina*, т. е. «львиное товарищество». Впервые это определение засвидетельствовано в Дигестах: Ульпиан, римский юрист конца II – начала III вв. н.э., цитирует высказывание своего предшественника, известного адвоката I в. н. э. Тита Аристона, который привел ответ, данный его учителем и наставником Гаем Кассием Лонгином на вопрос о юридических условиях образования товарищества: «Aristo refert Cassium respondisse societatem talem coiri non posse, ut alter lucrum tantum, alter damnum sentiret, et hanc societatem “leoninam solitum appellare”» [Dig. 17, 2, 29, 2]. – «Аристон сообщает, что Кассий ответил так: нельзя образовать такое товарищество, что одному достается только выгода, на другого возлагается только ущерб; такое товарищество принято называть “львиным”» (пер. И. С. Перетерского) [Памятники римского права 1997, с. 430].

Исходя из этой цитаты Ульпиана, впервые несправедливое товарищество назвал «львиным» Гай Кассий Лонгин, знаменитый римский юрист I в. н. э. Как утверждает в сочинении «Анналы» Тацит, выдающийся римский историк и современник Кассия Лонгина: «Ea tempestate Cassius ceteros praeminebat peritia legum» [XII.12]. – «В те времена Кассий слыл наиболее сведущим законоведом» (пер. А. С. Бобовича) [Тацит 1993, с. 200].

Кассий занимал выдающееся положение в римском обществе: он был сенатором, консулом, проконсулом в Азии, легатом в Сирии, но

¹ Пер. М. Л. Гаспарова.

он же был изгнан из Рима на остров Сардинию. Превратности судьбы могли побудить Кассия назвать несправедливое товарищество широко известным в то время выражением *societas leonina*. Популярность этого выражения в I в. н. э. подтверждается самим текстом Дигест: «Nunc societatem leoninam solitum appellare» [Dig. 17, 2, 29, 2] – «такое товарищество принято называть львиным товариществом» (пер. И. С. Перетерского) [Памятники римского права 1997, с. 430]. Латинское слово *solitum* «принято» говорит о частом употреблении этого выражения. И хотя ни в одном латинском тексте, ни в художественном, ни в юридическом (кроме Дигест) выражение *societas leonina* более не встречается [Blanch Nougues 2008, с. 88], то, что его цитирует Ульпиан, живший в II–III вв. н. э., подтверждает популярность выражения, спустя столетия после Кассия. Ульпиан присоединяется к мнению Кассия, своим авторитетом добавляя юридический вес его утверждению: «Et nos consentimus talem societatem nullam esse, ut alter lucrum sentiret, alter vero nullum lucrum, sed damnum sentiret: iniquissimum enim genus societatis est, ex qua quis damnum, non etiam lucrum spectet» [Dig. 17, 2, 29, 2]. – «И мы соглашаемся, что ничтожно такое товарищество, в котором одному достается выгода, а на долю другого не приходится никакой выгоды, но (лишь) ущерб; является несправедливейшим такой вид товарищества, от которого кто-либо ожидает ущерб, а не выгоду» (пер. И. С. Перетерского) [Памятники римского права 1997, с. 430].

Многие авторы называют непосредственным источником юридического термина *societas leonina* басню Эзопа «Лев, осел и лисица», но можно предположить, что Кассий Лонгин скорее сослался на произведение своего современника Федра, одного «из очень немногих дошедших до нас представителей “массовой” литературы Античности» [Античная басня 1991, с. 20], чем на басню мифического греческого поэта Эзопа, жившего в VI в. до н. э. Доказательством этого предположения может послужить и то, что Федр был близок к юридическим кругам Рима, его произведения изобилуют юридической лексикой, содержание практически каждой басни иллюстрирует положения римского права [Champlin 2005, с. 111]. В басне «Корова, коза, овца и лев» царь зверей приводит четкие «юридические» аргументы правоты своих притязаний. Особым указанием именно на эту басню как на источник термина *societas leonina* служит употребление в ее первом стихе «Numquam est fidelis cum potente societas» слова *societas* в значении

юридического термина «товарищество». В переводе первого стиха басни на русский язык – «О том, как ненадежна дружба с сильными» (пер. М. Л. Гаспарова) [Античная басня 1991, с. 273] – это значение не отражено.

Яркий метафорический образ из басни, использованный в цитате Ульпиана, остался на века в юридическом языке. Термин *societas leonina* «львиное товарищество» широко используется в научной и учебной юридической литературе, он послужил основой для новых терминов, появившихся в последующие столетия.

Употребление термина *societas leonina* в юридической практике

Что касается юридической практики, в изученных судебных материалах удалось обнаружить употребление термина *societas leonina* лишь в сборнике судебных решений Шотландского Верховного гражданского суда от 1811 г., где приводится обращение представителя одной из сторон к суду, в котором он объясняет свою позицию и называет сделку *societas leonina*: «Alleged for my Lord, I cannot be liable as one of the 22, because my letter was not only an offer, and never accepted, but repudiated ay till they found they would be losers; and if it had been profitable, he could never have compelled them to communicate any share of the gain, and so it was plainly *societas leonina* as to him» [The Decisions of the Court of Session... 1811, с. 2].

Еще один случай употребления термина *societas leonina* – решение Верховного суда Филиппин от 1903 г. по хозяйственному спору. Истец заявляет, что до возврата ему средств, ответчик управлял бизнесом, который приносил ему доход. По этой причине принятие денег истцом не привело к прекращению юридического существования партнерства посредством фактического превращения его в *societas leonina*, как утверждает адвокат ответчика: «Moreover, it is quite possible, as claimed by the plaintiff, that a profit may have been realized from the business during the period in which the defendant had been administering it prior to the return of the money, and if so he still retained that sum in his hands. For these reasons the acceptance of the money by the plaintiff did not have the effect of terminating the legal existence of the partnership by converting it into a *societas leonina*, as claimed by counsel for the defendant» [Jose Fernandes vs Francisco de la Rosa...].

Следует обратить внимание на место проведения этих судебных разбирательств: оба примера употребления термина «*societas leonina*»

обнаружены в юридических делах, рассматривавшихся в регионах, удаленных от центра. Поэтому «вытеснение латыни как единственного языка европейского права новыми языками» [Толстых 2013, с. 45] здесь произошло намного позже, что иллюстрирует силу римских правовых традиций на периферии Европы [Mattila 2013, с. 4].

В римском праве такое «львиное товарищество» – *societas leonina* – было запрещено: «Не допускалось товарищество, в котором один из товарищей нес бы одни убытки, не участвуя в прибылях» [Бартошек 1989, с. 70].

Что касается современного права, возможность образования товарищества, которое может быть определено как *societas leonina*, различается в зависимости от правовой системы государств [Hingst 2003, S. 358]: разрешено в соответствии с §1193 Общего Гражданского кодекса Австрии; допустимо в соответствии с §705 Гражданского кодекса Германии; запрещено ст. 2265 Гражданского кодекса Италии; запрещено ст. 51 Закона о коммерческих организациях Польши; запрещено ст. 1844-1 Гражданского кодекса Франции.

Согласно гражданскому законодательству Российской Федерации запрещены кабальные сделки, которые крайне невыгодны для одной из сторон и ущемляют ее права. Кабальная сделка может быть признана недействительной после подачи потерпевшим иска в суд, что регламентирует ст. 179 ГК РФ.

Гражданское право основывается, прежде всего, на принципах равенства участников гражданских отношений и свободы договора. Положения современного гражданского права в большинстве стран обязывают участников действовать добросовестно и запрещают извлекать преимущество из незаконного или недобросовестного поведения (например, пп. 3, 4, ст. 1, ГК РФ; ст. 179 ГК РФ). В связи с этим создание юридического лица с явным чрезмерным преимуществом одной стороны над другими сторонами практически невозможно. И поэтому в современной юридической практике применение термина *societas leonina* к взаимоотношениям лиц внутри юридического лица практически не встречается. Но в сделках между коммерческими организациями у сторон всё еще сохраняются возможности для недобросовестного поведения и злоупотреблений, в том числе, подпадающих под концепцию *societas leonina*.

Эти обстоятельства способствуют смещению вектора применения термина *societas leonina* в современной юриспруденции с отношений,

возникающих при создании юридических лиц, в сторону сделок, совершаемых ими. Поэтому происходит замена термина «*societas leonina*» терминами, появившимися в современных юридических языках на его основе и обозначающими «львиный договор», т. е. «кабальный договор» и «львиное условие договора» или «кабальное условие договора».

Правовые термины с прилагательным *leoninus* в новых языках

В языке современной юридической практики термин «*societas leonina*» уступил место появившимся правовым неологизмам «львиный договор» и «львиный пункт договора». Эти термины образованы в новых языках по образцу термина римского права «*societas leonina*» с использованием прилагательных со значением «львиный», которые в свою очередь образованы от латинского прилагательного *leoninus*. Этих терминов в римском праве не было, они результат развития правовой системы.

Таблица 1

Правовые неологизмы на основе термина «*societas leonina*»

Латинский язык	Французский язык	Английский язык	Немецкий язык	Русский язык
leoninus, a,um	léonin	leonine	leoninisch	львиный, -ая, -ое
societas leonina	la société léonine	leonine partnership	leoninische Gesellschaft	львиное товарищество
contractus leoninus (не зафиксировано)	contrat léonin	leonine contract	leoninischer Vertrag, leonischer Vertrag	кабальный договор, кабальная сделка
clausa leonina (не зафиксировано)	clause léonine	«lion's share» clause	Leoninische Klausel	кабальный пункт договора, кабальные условия договора

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ крылатого латинского выражения *societas leonina*, истории его возникновения и становления как юридического термина, применение в юридической литературе и судебной практике от Античности до современности, а также

развитие на его основе правовых неологизмов в современных языках обосновывает необходимость включения культурологической составляющей в профессиональную подготовку юристов. Это знание общекультурного контекста важно для более точного понимания и осознанного употребления латинских юридических терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Античная басня / пер. с греч. и лат. М. Гаспарова ; сост., предисл. и коммент. М. Гаспарова. М. : Художественная литература, 1991. 510 с.
- Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения / пер. с чешск. Ю. В. Пресняков. М. : Юридическая литература, 1989. 448 с.
- Маттила Х. Э. С.* Латинские изречения и термины в современном юридическом словоупотреблении // *Ius antiquum*=Древнее право. 2006. № 2 (18). С. 204–210.
- Памятники римского права: Законы XII таблиц. Иституции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало, 1997. 608 с.
- Письменов В. Н., Баркатунов В. Ф., Снегирева Д. Е.* Кризис международного права или торжество доктрины геополитического плюрализма одного государства: об истории и современных проблемах // *Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. «История и право»*. 2015. № 4 (17). С. 18–25.
- Тацит.* Соч.: в 2 т. Т. I. *Анналы. Малые произведения* / пер. А. С. Бобовича ; под ред. Я. М. Боровского. М. : Ладомир, 1993. 444 с.
- Толстых В. Л.* Язык и международное право // *Российский юридический журнал*. 2013. № 2 (89). С. 44–62.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М. : Локид-Пресс, 2005. 880 с.
- Blanch Nougues J. M.* Reflexiones acerca de la *societas leonina* en el Derecho Romano. URL: local.droit.ulg.ac.be/sa/rida/file/2008/07.Blanch%20Nougues.pdf.
- Champlin E.* *Phaedrus the Fabulous* // *The Journal of Roman Studies*. 2005. Vol. 95. P. 97–123. URL: www.jstor.org/stable/20066819.
- Hingst K.-M.* *Societas leonina* in der europäischen Privatrechtsgeschichte. Der Weg vom Typenzwang zur Vertragsfreiheit am Beispiel der Geschichte der Löwengesellschaft vom römischen Recht bis in die Gegenwart. Berlin : Duncker & Humblot, 2003. 536 S.
- Jose Fernandes vs Francisco de la Rosa. G. R. No 413. February 2, 1903 // Chan Robles virtual Law Library: Philippine supreme Court Decisions on-line. URL: www.chanrobles.com/cralaw19032.htm.
- Mattila H. E. S.* *Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas*. Surrey : Ashgate Publishing, Ltd., 2013. 504 p.

The Decisions of the Court of Session, from its Institution until the Separation of the Court into two Divisions in the year 1808. Vol. XXIII–XXIV. Edinburg, 1811. URL: books.google.ru/books?id=a-ZCAQAAMAAJ&pg=PA10042&dq=societas+leonina+term+in+court+decision&source.

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия МГЛУ; e-mail: irina.k.melnik@yandex.ru

ФРАНЦУЗСКОЕ АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ. ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ПО ПРАВИЛЬНОМУ ОФОРМЛЕНИЮ ССЫЛОК НА ПРОИЗВЕДЕНИЕ

В статье дается анализ проблем легальности оформления ссылок на произведения, рассматриваются возможности использования документов и произведений без нарушения законов. В работе анализируются следующие основные виды ссылок на произведение:

1. Резюме. Резюмировать текст означает извлечь идею текста и, перефразируя, создать новый текст. Эта практика легальна, так как мысль не подлежит правовой защите. Лишь форма защищена законом. Резюме не является частью исключений из авторского права и защищено законом как самостоятельное произведение.

2. Анализ. Писатель сообщает о работе, добавляя свою точку зрения. Анализ является частью списка исключений и, с точки зрения французского права, является законным.

3. Библиографии и содержание, как правило, оригинальны, поэтому защищены авторским правом.

4. Использование метаданных. Метаданные – это набор информации, описывающей любой ресурс. В онлайн-обучении метаданные используются для описания объектов обучения.

5. Обложки. Обложка документа (книги, периодика, страница сайта) – это графическое произведение, защищенное авторским правом. Если она включает фотографию или рисунок, они также защищены. Для их использования требуется согласие всех сторон: фотографа, рисовальщика, графического дизайнера или издателя.

6. Сохранение и копирование текстов, изображений. Сохранение в цифровом формате в памяти компьютера требуют согласия законных правообладателей.

Закон допускает исключения:

- «Копия для инвалидов. Закон DADVSI от 1 августа 2006 г. с поправками от 28 июля 2011 г. ввел разрешение на пользование копиями произведений для инвалидов.

- Копия для личного использования. Коллективное использование или использование в коммерческих целях запрещено.

- Сохранение произведений в библиотеках. Особое исключение сделано в пользу библиотек, открытых для публики, музеев и архивных служб.

- Цитирование также является исключением, которое позволяет воспроизводить короткие отрывки из произведений с целью критики, полемики, а также

в педагогических, научных и информационных целях. Отрывок должен быть интегрирован в какой-либо труд, а не использоваться сам по себе. Кроме того, имя автора и название цитируемого произведения должны быть всегда четко обозначены.

- Репрография, размножение материалов.
- Исключение для педагогической или научно-исследовательской деятельности. Разрешается воспроизводить отрывки из произведений исключительно с целью иллюстрации в рамках обучения или научно-исследовательской работы.
- Помимо этой практики единственной формой регистрации, разрешенной законом, является «техническая копия».

7. Онлайн-поток новостей. RSS-канал позволяет отображать регулярно обновляемый контент (заголовок или начало новостей), выпущенный эмитентом RSS. Указанный ресурс – это не конкретная статья, а источник информации, создающий регулярно обновляемый контент. Нет необходимости в авторизации ссылки на источник информации по RSS-каналу.

8. Обращение к гиперссылке. Установление гиперссылки на ресурс само по себе не вызывает сомнений. Может быть установлена простая ссылка (на домашнюю страницу сайта) или глубокая ссылка (на внутреннюю страницу сайта).

Ключевые слова: французский язык для специальных целей; французское авторское право; Интернет; резюме; аннотация; метаданные; гиперссылка; библиография; обложка; поток онлайн-информации; исключения из авторского права.

I. K. Melnik

PhD of pedagogics, associate professor at the department of professional communication in the field of law, the Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: irina.k.melnik@yandex.ru

FRENCH COPYRIGHT LAW ON THE LESSONS OF THE FRENCH LANGUAGE. A PRACTICAL GUIDE ON THE LEGAL FORMATING OF REFERENCES

The article gives an analysis of the legality problems in making references to works, in this case French ones, considering the opportunities of documents and works application without the law violations. There are following types of references to the work:

1. Summary. This is to extract the idea of the text and, paraphrasing, to create a new text. This practice is legal, since thought is not a subject to legal protection. Only the form is protected by the law. The abstract is not part of exceptions to copyright and is protected by law as an independent work.
2. Analysis. The writer reports on the work, adding his point of view as part of the list of exceptions and this is legal in view of French law.
3. Bibliography and content. As a rule, are original, therefore protected by copyright.
4. Use of metadata. Metadata are a set of information describing any resource. In online education, metadata are used to describe education objects.

5. Covers. The cover of the document (book, periodical, page of the site) is a graphic work, protected by copyright. They are also protected if they include a photograph or drawing. The consent of all parties is required to use them: a photographer, draftsman, graphic designer or publisher.

6. Saving and copying texts, images. Saving in digital format in computer memory requires the consent of legitimate right owners.

The law admits exceptions:

- «Copy for Disabled»

The DADVSI Law of August 1, 2006, as amended on July 28, 2011, introduced permission for the use of copies of works for people with disabilities.

- Copy for Personal Use.
- Public use or use for commercial purposes is prohibited.
- Storage of Works in Libraries.

A special exception is made in favor of Libraries open to the public, museums and archival services. Citation is also an exception, which allows you to reproduce short excerpts from works for the purpose of criticism, polemics, as well as for pedagogical, scientific and information purposes. The passage should be integrated into any work, and not be used by itself. In addition, the author's name and the title of the work cited should always be clearly marked.

- Reprographics, reproduction of materials.
- Exception for pedagogical or research activities. It is allowed to reproduce excerpts from works exclusively for the purpose of illustration in the framework of training or research work.

- In addition to this practice, the only form of registration permitted by law is a «technical copy».

7. On-line news flow. The RSS feed allows you to display regularly updated content (the headline or the beginning of news) issued by the RSS reader. The specified resource is not a specific article, but a source of information that creates regularly updated content. There is no need to authorize links to the source of information on the RSS channel.

8. Access to the hyperlink. Establishing a hyperlink to the resource itself is beyond doubt. You can set a simple link (on the home page of the site) or a deep link (to the internal page of the site).

Key words: French for special purposes; French copyright; Internet; summary; abstract; metadata; hyperlink; bibliography; cover; RSS online information flow; copyright exceptions

Введение

При преподавании авторского права на занятиях по французскому языку для юристов необходимо подчеркивать, что «современный человек живет в сложном виртуальном мире <...>. Виртуальный мир имеет свои особенности и закономерности» [Моисеенко 2009, с. 71].

«Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что потребность в общении относится к основным потребностям человека. История человечества совершается в общении, во время которого человек передает и получает разнообразную информацию. В настоящее время существует большое количество различных видов информации и способов ее передачи» [Ускова 2003]. При этом возникает проблема правового использования информации. Проблема ссылок, в частности, на французское произведение представляет собой, прежде всего, экономическую проблему. Ссылки не являются безобидным действием с юридической точки зрения, и, следовательно, требуют легального оформления. Например, педагогическое и исследовательское исключение позволяет учителям и ученикам вставлять защищенный авторским правом контент в онлайн-овые задания или курсы в Сети или экстранете своего учреждения при условии, что это содержимое отображается без индексации поисковыми системами и т. д.

Основные виды ссылок на произведение

1. Резюме. Резюмировать текст означает извлечь идею текста и, перефразируя, создать новый текст. Эта практика легальна, так как мысль не подлежит правовой защите. Лишь форма защищена законом. Резюме не является подделкой, поскольку защищенная форма текста не воспроизводится. И все-таки, если, например, резюме может нанести вред правообладателю (например, оно неудачное), рекомендовано иметь согласие автора на его создание. Резюме не является частью исключений из авторского права и защищено законом как самостоятельное произведение. Его можно копировать и распространять (обложка, резюме книги, предисловие, биография автора) только в педагогическом контексте в определенном объеме. В противном случае (если речь идет о получении прибыли от использования чужого произведения) рекомендуется обратиться в центр du copie (CFC). Чем прибыль больше, тем больше вероятность судебного разбирательства.

2. Анализ. Анализ отличается от реферата тем, что писатель сообщает о работе, добавляя свою точку зрения. Анализ является частью списка исключений и, с точки зрения французского права, является законным.

3. Ссылки по метаданным (métadonnées, metadata). У метаданных нет четкой формулировки. Метаданными на практике обычно

называют набор полей (атрибутов, свойств, элементов метаданных), позволяющих характеризовать рассматриваемый объект. Например, формат MARC позволяет описывать книги, содержит поля для описания названия, автора, тематику и огромное множество других характеристик (формат UNIMARC позволяет описать сотни характеристик). Метаданные – это набор информации, описывающий любой ресурс. В онлайн-обучении метаданные используются для описания объектов обучения.

Чаще всего встречаются:

- Описательные метаданные. Используются, чтобы охарактеризовать природу файла и его признаки (к какой категории относится, с чем еще связан).
- Внутренние метаданные. Это информация, которая описывает составные части вещей, их структуру, и что она собой представляет. Например, размер и формат файла.
- Административные метаданные. Требуются для процессов обработки информации, а также для назначения вещи. Например, кто автор, кто редактор, когда был создан файл.

Это делается с целью:

- облегчения поиска информации (la recherche d'information);
- содействия функциональной совместимости, обмену информацией;
- (l'interopérabilité);
- содействия управлению и архивированию (la gestion et l'archivage);
- управления и защиты прав доступа к веб-страницам (gérer et protéger les droits);
- аутентификации текста (Authentifier un texte).

Объективное описание ресурса в процессе обучения включает его название, автора, издателя, дату публикации или загрузки. Эта информация библиографии мало отличается у различных стандартов (ISBD, Afnor standard Z44-005-2 и т.д.). Использование этих данных для ссылки на ресурс является законным. *Оригинальные названия книг, статей, периодических изданий* защищены французским авторским правом, в отличие от российского. Но даже они могут свободно записываться в базу данных для информационных целей. Описание ресурса может быть субъективным, его предмет обозначается дескриптивными терминами, свободно выбранными или полученными

из справочника (Rameau, специализированный тезаурус) или в виде индекса (CDU, Dewey). Эти термины могут быть использованы без проблем для индексации.

4. Библиографии и содержание (*une bibliographie, un sommaire*).

Библиографии и содержание, как правило, оригинальны, поэтому защищены авторским правом. На практике случаи судебных разбирательств по поводу библиографий или содержания крайне редки. CFC даже считает, что в педагогическом контексте их можно копировать бесплатно. При онлайн-использовании, всё зависит от того, как используются эти библиографии, содержание или резюме. Если автор понесет при этом убытки, то, конечно, не стоит использовать опубликованные материалы ему во вред. Однако в некоторых случаях подобное опубликование идет на пользу автору или издательству, каждый случай индивидуален.

5. Обложки (*une vignette de couverture*). Обложка документа (книги, периодика, страница сайта) – это графическое произведение, защищенное авторским правом. Если она включает фотографию или рисунок, они также защищены. Для их использования требуется согласие всех сторон: фотографа, рисовальщика, графического дизайнера или издателя. Показателен процесс в отношении Google, который был осужден за подделку книг на том основании, что он показывал обложки без разрешения издателей.

6. Ссылки (*une référence bibliographique*). Библиографические записи, подготовленные издателем или библиотекой, могут быть защищены. В большинстве случаев записи могут свободно использоваться повторно для педагогических и частных исследовательских целей (Открытый совместный проект библиотеки) или, в более общем плане, в некоммерческом контексте (например, Национальная библиотека Франции). «В 1963 г. появляется Профессиональная ассоциация по информатике и документоведению (Association des professionnels de l'information et de la documentation – l'ADBS); в 2011 г. l'ADBS насчитывает 4100 участников», которая следит, в том числе, за правильностью использования информации [Мельник 2013, с. 117].

7. Сохранять и копировать тексты, изображения (*mémoriser et indexer des textes, des images*). Сохранение в цифровом формате в памяти компьютера требует согласия законных правообладателей. Закон допускает исключения:

- «Копия для инвалидов. Закон DADVSI от 1 августа 2006 г.
- с поправками от 28 июля 2011 г. ввел разрешение на пользование копиями произведений для инвалидов.
- Копия для личного использования. В этом случае разрешается воспроизводить произведение в полном объеме или частично в целях личного использования. Коллективное использование или использование в коммерческих целях запрещено.
- Сохранение произведений в библиотеках. Особое исключение сделано в пользу библиотек, открытых для публики, музеев и архивных служб. Этим организациям разрешено делать копии произведений для фондов с целью хранения или создания условий для ознакомления с произведениями в месте хранения.
- Цитирование также является исключением, которое позволяет воспроизводить короткие отрывки из произведений с целью критики, полемики, а также в педагогических, научных и информационных целях. Отрывок должен быть интегрирован в какой-либо труд, а не использоваться сам по себе (не более 30%). Кроме того, имя автора и название цитируемого произведения должны быть всегда четко обозначены.
- Репрография, размножение материалов. Хотя это и не является в полной мере исключением из Закона об авторском праве, мы отметим механизм, который действует при репрографии (ст. L.122-10CPI). Закон предусматривает, что общество коллективного управления обязано выдавать разрешения на репрографию в коммерческих целях. Во Франции единственное общество, которое признает Министерство культуры, – это CFC – Centre français d'exploitation du droit de copie (Французский центр применения права воспроизведения).
- Исключение для педагогической или научно-исследовательской деятельности. Разрешается воспроизводить отрывки из произведений исключительно с целью иллюстрации в рамках обучения или научно-исследовательской работы. Целевая аудитория должна состоять преимущественно из учеников, студентов, преподавателей или научных работников. Но это исключение не применяется в отношении партитур, произведений, созданных в педагогических целях, и произведений, созданных для электронной версии написанного текста. Как и в случае копии для личного использования, *это исключение предусматривает*

выплату финансовой компенсации правообладателям. Заинтересованные министерства (в данном случае Министерство высшего образования и научных исследований и Министерство национального образования) должны заключать соглашения с представителями правообладателей, чтобы заранее определить размер этого вознаграждения и одновременно уточнить условия применения данного исключения».

- Помимо этой практики единственной формой регистрации, разрешенной законом, является «техническая копия» (*exception de copie technique*).

Каково исключение технической копии? Техническая копия состоит из предварительной регистрации работы, которая является «временной или случайной» и «неотъемлемой и важной частью технического процесса» (ст. L. 122-5 Уголовного кодекса). В этой формулировке основное внимание уделяется кешированию и копированию на интернет-серверах, которые необходимы для законной передачи работ в Интернете. Существенная характеристика технической копии должна быть сделана временно, чтобы служить законным целям. Google был осужден за несанкционированную оцифровку защищенных книг. Он не мог сослаться на исключение технической копии, поскольку регистрация не была предварительной и не использовалась в законных целях (он отображал оцифрованные тексты без разрешения издателей). Выведенные выдержки также не попадают под исключение цитаты, поскольку они отображаются случайным образом, в зависимости от слов, введенных пользователем, без каких-либо действий Google, чтобы сообщить о работе.

Напротив, компания, предлагающая службу мониторинга и синтеза прессы, имеет право оцифровывать статьи в прессе путем сканирования и перевода сканов и фотографий в цифровой формат (*par scan et océarisation*) и индексировать их в полном тексте, чтобы автоматически находить термины. Но если он печатает выдержки из статей, ему необходимо согласие законных заявителей (в этом случае газеты).

Суд юстиции Европейского союза (CJEU) строго применяет определение технической копии. Однако, когда Google индексирует фотографии и отображает их миниатюры в результатах поиска, считается, что это законная деятельность при свободе информирования, поскольку эта ссылка «необходима для информации пользователя и является важным средством доступа к данным, хранящимся в Интернете» (CA

Paris, 4 февраля 2011 года). Google не может сразу увидеть свою ответственность за нарушение. С другой стороны, если Google будет проинформирован о незаконности этого содержания и оперативно не отречется от указанного содержания, он будет нести ответственность в качестве хостера.

8. Онлайн-поток новостей (flux RSS). RSS-канал позволяет вам отображать регулярно обновляемый контент (заголовок или начало новостей), выпущенный эмитентом RSS. Указанный ресурс – это не конкретная статья, а источник информации, создающий регулярно обновляемый контент. Нет необходимости в авторизации ссылки на источник информации по RSS-каналу: Абонент RSS-канала, который отображается на своем веб-сайте, не несет ответственности как редактор, потому что он не контролирует контент, отправленный в RSS. Только если он не удалит RSS-канал после получения информации о явно незаконном контенте, он может быть привлечен к ответственности.

9. Обращение к гиперссылке (référencer par hyperlien). Установление гиперссылки на ресурс само по себе не вызывает сомнений. Поскольку Интернет является Сетью, было бы абсурдно запрашивать авторизацию перед каждой ссылкой. Может быть установлена простая ссылка (на домашнюю страницу сайта) или глубокая ссылка (на внутреннюю страницу сайта). Необходимо не только указывать контент, к которому он относится, соблюдая несколько принципов, желательного открыть страницу в новом окне, рекомендуется установить ссылку на веб-страницу, а не непосредственно на документ. Пользователь видит, что он перешел на другой сайт (*est arrivé sur un autre site*) и что он загрузит документ с этого другого сайта. Если абсолютно необходимо установить прямую ссылку на загружаемый документ, необходимо проверить на сайте, разрешает ли автор загружаемого документа априори ссылки на этот файл в ftp и, если нет, запросить его согласие. Эти правила содержатся в Рекомендации о правовом статусе гиперссылок (Internet Rights Forum 2003). Если эти принципы соблюдаются, то можно быть уверенным в том, что действия производятся на законных основаниях.

Выводы

В заключение необходимо сказать, что юридический статус ссылки на контент нелегко предсказать. Это во многом определяется

контекстом, который может быть педагогическим или коммерческим и пр. Если ссылка ссылается на ссылки, уже подготовленные другими, следует проверить, защищены ли эти ссылки (авторскими правами или правом *sui generis*). В отсутствие такой защиты повторное использование также может быть незаконным. Нужно еще раз подчеркнуть, что грань между законностью использования произведений очень нечетко определена, и что в авторском праве существует постоянное противоречие между правом на защиту автора на произведение и правом людей на информацию. Если обобщить вышесказанное, то можно выявить одну закономерность: если произведение используется, не нанося вреда автору, то использование возможно. Если появляется выгода от продажи чужого произведения или наносится какой-либо другой вред автору, это может повлечь за собой судебное разбирательство. Эту информацию и нужно донести до студентов-юристов, изучающих французский язык для профессиональных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурина Е. В.* Современные принципы обучения второму иностранному языку // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 103–109.
- Мельник И. К.* Специфические особенности понимания специальности «Документоведение» во Франции // Московский государственный лингвистический университет. 2013. Вып. 14 (674). С. 115–119.
- Мельник И. К., Яроцкая Л. В.* Анализ системы сертифицирования документоведческого образования во Франции // Московский государственный лингвистический университет. 2012. Вып. 26 (659). С. 77–85.
- Моисеенко Л. В.* Прецедентные единицы в референциальном ракурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 561. С. 71–81.
- Ускова Т. А.* Вербализация интертекстуальности в текстах массовой коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 28 с.

УДК 811

Л. В. Моисеенко

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права МГЛУ;

e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

МОДАЛИЗАЦИЯ СООБЩЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Статья посвящена исследованию эмодиконов, которые занимают значительное место в мобильной коммуникации и социальных сетях как инструмент невербального интернет-общения. Частотность употребления эмодиконов позволяет рассматривать их как дискурсивный элемент организации сообщения. Эмодиконы свидетельствуют об уровне доверия между коммуникантами и выполняют функции выражения эмоционального состояния, функции поддержания контакта с собеседником, функцию интерпретации высказывания и функцию последней реплики в Интернет-коммуникации. Эмодиконы обладают национальными, социолектными и даже территориальными особенностями, что показано на примере оформления эмодиконов Испании. Будучи маркированным элементом сообщения, эмодиконы используются в рекламных кампаниях и политике, представляют научный интерес для изучения эмоций, генерируемых в ходе общения в социальных сетях, в том числе в ракурсе национальной специфики.

Ключевые слова: модализация сообщения; эмодиконы; невербальные элементы дискурса; эмоции.

L. V. Moiseenko

PhD. in Linguistics Head of the Department of linguistics and professional communication in the field of law MSLU; e-mail: liliamoiseenko@gmail.com

MESSAGE MODALIZATION IN SOCIAL NETWORKS

The article is devoted to the study of emoticons, which occupy a significant role in mobile communication and social networks as a tool of non-verbal Internet communication. The frequency of emoticons usage gives grounds for considering them a discursive element of the message organization. Emoticons indicate the level of trust between communicants and perform the functions of the emotional state expression, maintaining contact with the interlocutor, interpreting statements and the function of the last replica in Internet communication. Emoticons have national, sociolectal and even territorial characteristics, as illustrated through the design of Spanish emoticons. Being a marked element of the message, emoticons are used in advertising campaigns and politics. They are of scientific interest for the study of emotions generated during communication in social networks, including the perspective of national specifics.

Key words: modalization of the message; emoticons; nonverbal elements of discourse; emotions.

Введение

Социальные сети управляются критериями интеракции как социального взаимодействия людей в интернет-общении. При этом модальность лежит в основе процесса интерпретации высказывания адресатом и оценочных регуляций, главной составляющей которых являются эмоции [Дускаева, Краснова 2014, с. 54].

Сообщения в социальных сетях состоят из вербальной и невербальной компоненты. К последней, в частности, относятся эмотиконы как средство иконической организации текста.

Передаваемые в социальных сетях эмоции предполагается изучать с помощью эмотиконов (*эмотикон*, *эмотиконка*, от *emotion* + *icon* – *иконка*, *образ*, в повседневной речи – *смайлик*) – пиктограмм, изображающих эмоцию, которые чаще всего составляются из типографических знаков. Первый эмотикон появился более 30 лет назад. Считается, что в 1980-х гг. инженер по технологиям Scott Fahlman, общаясь с другими пользователями на форуме, понял, что ему не хватает слов для обозначения того, чтобы некоторые месседжи воспринимались как шутки. И тогда он изобразил две точки, тире и скобку [Baraniuk 2014].

Рис. 1. Прототип смайлика 1980-х гг.

Считается, что графический смайлик создал американский художник Харви Болл в 1963 г. Впоследствии смайлик стал сопровождаться пожеланием счастливого дня «Have a Happy Day».

По другой версии смайлику около 380 лет. Его обнаружили сотрудники Национального музея г. Тренчин в Словакии рядом с подписью адвоката. Изображение означает, что у автора все хорошо, нет никаких проблем [Шевченко 2017].

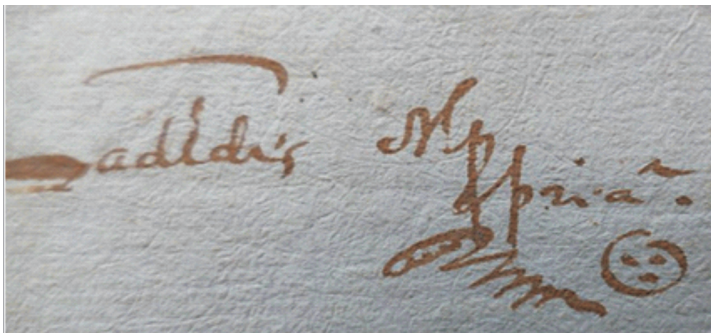

Рис. 2. Прототип смайлика из г. Тренчин

В русском языке смайлик широко используется как общий термин для любого эмотикона. В испанской традиции этот ресурс называют *emotición* (*emoticonos*, *emoticones*) или *emoje*, *emoji*.

Эмотиконы как средство иконической организации сообщения

Оксфордский словарь в 2015 г. назвал эмотикон словом года, причем выбрано лицо со смехом до слез. Словарь отмечает, что впервые в истории выбрано не слово, а пиктограмма (рис. 3).

Рис. 3. Эмотикон, признанный «словом года» в 2015 г.

Британские специалисты по Software для банков говорят, что новые поколения общаются по-другому. Так, 64% поколения millennial общаются эмотиконами, т. е. имеет место гибридизация: текст / образ. В социальной сети Instagram использование эмотиконов находится на том же уровне, что и письменный текст. При этом женщины пользуются эмотиконами чаще, чем мужчины. В Twitter эмотиконы обычно ставятся в конце сообщений. По данным организации Datagenetics,

в 2013 г. было зарегистрировано 2242 эмодикона [Mundo tecnológico], выполненных при помощи значков клавиатуры компьютера. Наиболее частыми из них являются следующие:

Таблица 1

Эмодиконы, выполненные типографическими знаками

:–)	улыбающийся	
:–(	грустный	
:–[	сердитый	
:–0	удивленный	
;-)	подмигивающий	

Среди наиболее распространенных в мире называют эмодиконы, передающие различные эмоции, т.е. эмодиконы выступают своеобразным средством кодирования эмоций, выражая эмоцию таким способом, как она отражается на лице [Нашхоева 2011].

Как видим, большинство эмодиконов, выполненных типографическими знаками, читаются боком, в отличие от японских эмодиконов «каомохи», которые можно читать вертикально, не переворачивая их мысленно (◡ ◡ ◡ ◡) ◡ ◡ ◡ ◡ [Baraniuk 2014]. В отношении количества графических и выполненных в цвете эмодиконов, достоверных данных нет. Тем не менее их количество все время возрастает.

Это обусловлено, в том числе и тем, что, согласно отчету 2015 г. Reuters Institute, потребление информации с мобильных устройств увеличивается по сравнению с компьютерами. Среди социальных сетей на третье место после Facebook и Youtube выдвигается WhatsApp, оставляя позади Twitter у Google+. В WhatsApp можно найти даже экзотические эмодиконы такие, как танцовщицу фламенко.

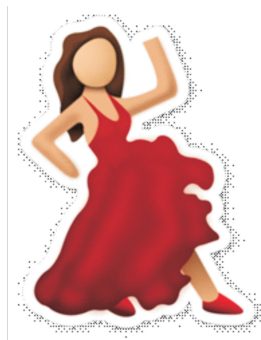

Рис. 4. Эмодикон la flamenco

Приведем некоторые примеры, сопровождаемые эмоджиконами:

So much to write in such a short amount of time ☺

I better be off now to finish writing mine ☺ [Нашхоева 2011].

☺ Реликтовое кино – фантастика?

⚠️ Марс атакует. Мнение ВВГ о ...

Черти думали нас сломят, а мы их нагнули, Россию не сломить!

👍👍😄 (25.02.2018 – реакция на ОИ-2018 в Пхёнчхане)

¡Buenos días, L...! Te escribo para decirte que mañana ya nos vamos a Jamonlandia 🍷🍷🍷

Натуля, спасибо, что ты есть! 😊❤️❤️

😊❤️❤️

Очень часто эмоджикон ставится в качестве последней реплики интернет-чата или сообщения в социальных сетях / мобильных телефонах.

В социальных сетях решается будущее языка. В тот момент, когда совершается запись в Сети, слова приобретают глобальный масштаб. И не слова тоже. Эмоджиконы – это динамично развивающаяся система, сейчас существует даже так называемая *emojipedia* (www.emojitracker.com), где представлены наиболее полные списки эмоджиконов. В последнее время разрабатываются национальные эмоджиконы, являющиеся культурными символами страны. Так, Финляндия [Un viejo Nokia] представила в качестве последних эмоджиконы «сауна» (в стране их около 2 млн.) и «Nokia», «неломашееся» мобильное устройство, получившее большое распространение в 2000-х гг.

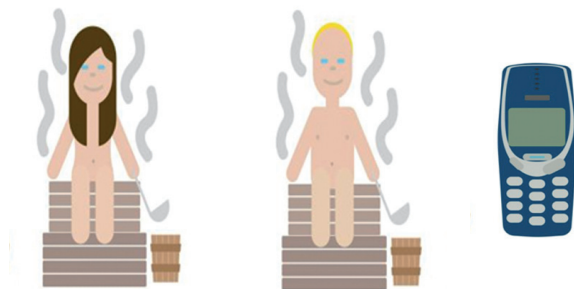

Рис. 5. Эмоджиконы «сауна» и Nokia

Apple поставил задачу увеличить количество азиатских и негритянских лиц в списках эмодиконов. В 2014 г. в этих списках были представлены только два азиатских и ни одного негритянского лица [Mundo tecnológico]. Специалисты говорят, что вскоре PIN в качестве пароля заменит эмодикон. Такой PIN называют более надежным (например, выбрать для PIN четыре эмодикона из списка 44) [Olvídate de los PIN], что основано на особой способности людей запоминать образы. Работа в этом направлении ведется в отношении личного пароля для банковских карт.

Газета The Guardian, в свою очередь, сделала перевод на язык эмодиконов последней речи Обамы перед Государственным советом. The Washington Post изобразила в виде эмодиконов кандидатуры на пост президента США на выборах 2016 г. [Carrion 2015; Gutiérrez-Rubí 2016].

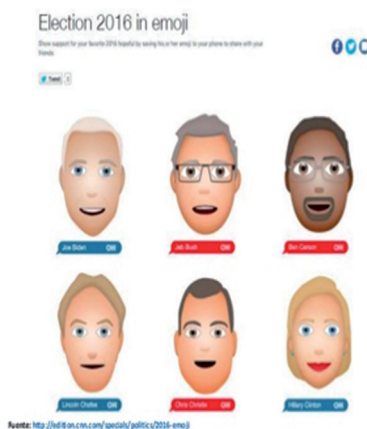

Рис. 6. Эмодиконы кандидатов на пост президента США (2016)

Для Хиллари Клинтон была изобретена специальная клавиша HILLMOJI, которая позволяет посылать эмодиконы этому кандидату от демократов [Gutiérrez-Rubí 2016]]. Приложение совместимо с WhatsApp, Telegram, Messenger и др.

Уже разработан список эмодиконов Emoji Sentiment Ranking (arxiv.org/abs/15.09.07761) на 13 европейских языках со шкалой градации (отрицательные, нейтральные, положительные), выяснено, что

большинство эмодиконов – положительные. Этот список предлагается как ресурс для автоматизированного анализа эмоций.

Рис. 7. Эмодикон HILLMOJI

Таблица 2

Эмодиконы, передающие эмоции

Положительные эмоции	%
счастливые (felices)	44,8
сердечки (corazones)	12,5
руки (здорово!) (manos)	5,3
романтические (románticos)	2,4
Отрицательные эмоции	
грустные	14, 4
Другие	20,6

Не всегда эмодиконы интерпретируются однозначно с точки зрения семантики, эмоциональной перспективы и отражения оценки (положительной или отрицательной). Эмоции, которые каждый человек соотносит с тем или иным эмодиконом, не всегда одинаковы и зависят от платформы, на которой используется эмодикон. Особую дискуссию, согласно данным университета Миннесота [García 2016], вызывает улыбающееся лицо с закрытыми глазами. В версии Apple этот эмодикон имеет более отрицательные коннотации, чем на других платформах [García 2016].

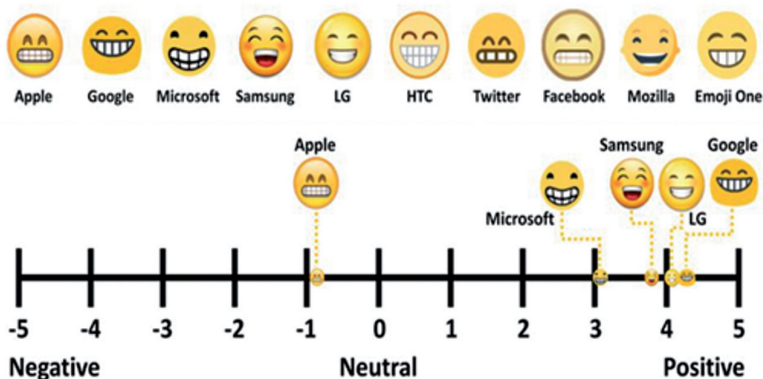

Рис. 8. Эмодикон «улыбающееся лицо с закрытыми глазами» на различных платформах

Понятно, что эмодиконы, несмотря на попытки их унификации, всё же дифференцируются в зависимости от страны [El lenguaje 2014; Salas 2016]. Так, изображение счастливого лица будет отличаться в Боготе, Токио и Сеуле:

Bogotá	Tokio	Seúl
: -)	(* _ *	((@ @)

Исследования, проведенные лондонским центром Swiftkey: 1 млрд сообщений мобильных телефонов на 16 языках [Abad Liñán 2015; Alameda 2015], позволили выявить некоторые закономерности на примере более 800 эмодиконов.

Характерные эмодиконы	Страна наибольшего распространения
Эмодиконы, передающие положительные эмоции	Турция, Россия, Вьетнам
Эмодиконы, передающие грусть, слезы	испаноязычное население США, Латинская Америка

Также выделены отдельные тематические ряды, соотносимые с той или иной страной.

Эмодзи, представленные в виде:	Страна наибольшего распространения
маленьких детей (bebés)	Латинская Америка
кошек	Бразилия
знаков, относящихся к женской тематике	Великобритания
знаков, связанных с насилием	Канада
знаков, связанных с отдыхом	Австралия
знаков, связанных с праздником (fiesta)	Испания (72%)
знаков, передающих грусть	испаноязычное население США
эмодзи-сердечки!	Франция
эмодзи-счастливые лица	Турция
знаков, связанных с романтической темой (поцелуи, влюбленные пары, любовные письма)	Россия
эмодзи-цветы	арабские страны

В Испании проведен ряд исследований эмодзи в WhatsApp [Jiménez Cano 2014].

Рис. 9. Эмодзи Приложения WhatsApp

При помощи эмодзи пишут песни, оформляют субтитры к кинофрагментам, слово «эмодзи» уже является частью испанского языка [El lenguaje 2014].

На рисунке 10 представлены результаты исследования 4,2 млн эмодзи, отправленных через приложение WhatsApp в 2015 г. Исследование проведено компанией Tiny Books, специализирующейся на анализе электронных сообщений.

Рис. 10. Анализ эмодзи, отправленных в Испании через WhatsApp (2015)

Как следует из рисунка 8, у жителей Мадрида наиболее распространен эмодзи, выражающий ужас, каталонцы чаще других выражают одобрение аплодисментами, а жители Канарских островов не желают видеть ничего впереди себя. Характерными знаками для Галисии и Арагона являются губы, Кастилия и Леон, а также Валенсия предпочитают сердечки [Los madrileños 2015]¹, а Кастилия Ла Манча отмечена особой любовью к эмодзи «осьминог». Считается [Захарова 2010], что эмодзи расширяют возможности письма и компенсируют недостающие, по сравнению с устной речью, средства выражения.

На национальном уровне в Испании было проанализировано 22 млн эмодзи в 6000 текстовых сообщениях [Los madrileños

¹ В случае Кастилии и Леона сердце пронизано стрелой, а в Валенсии оно окрашено в фиолетовый цвет.

2015], и составлена схема распределения наиболее используемых эмодиконов (см. рис. 11).

лицо, посылающее поцелуй сердечком (la cara amarilla que tira un beso con corazón)	17,6 %
лицо, изображающее смех до слез (la cara llorando de risa)	9,3 %
красное сердечко (el corazón rojo)	8,8 %
лицо с сердечками вместо глаз (la cara con corazones por ojos)	6,2 %
улыбающееся лицо, порозовевшее от удовольствия (la cara que sonríe y se sonroja)	4,2 %

Рис. 11. Распределение эмодиконов на национальном уровне
(Испания, 2015)

Несмотря на популярность эмодиконов, у них есть сторонники, которые считают, что они придают гуманные оттенки коммуникации и противники, которые считают, что их использование обедняет коммуникацию.

Считается, что эмодиконы можно отправлять людям, с которыми установились доверительные отношения, их не советуют использовать в деловой переписке или научных исследованиях. Использование эмодиконов в рекламе объясняется тем, что последние способны вызывать эмоции, причем быстрее, чем это делают обычные слова.

Исследование, проведенное в отношении использования эмодзи в промоушн-акциях в Twitter, увеличилось на 241 % за год [Lluís Micó 2016]. Эксперты считают, что эмодзи способствуют процессам интеракции между пользователями, нужно только умело подобрать сочетание слов и символов. В качестве мастер-класса по маркетингу приводится промоушн-кампания американского кассового фильма *Deadpool* (реж. Тим Миллер).

Рис. 12. Промоушн-кампания американского фильма *Deadpool*

Выводы

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время эмодзи завоевывают всё большие позиции в мобильной коммуникации и социальных сетях как инструмент невербального интернет-общения и, следовательно, могут рассматриваться как дискурсивный элемент организации сообщения. Эмодзи свидетельствуют об уровне доверия между коммуникантами, выполняют функции выражения эмоционального состояния, функции поддержания контакта с собеседником, функцию интерпретации высказывания и функцию последней реплики в интернет-коммуникации. Отмечается также их людический характер. По эмодзи можно определить идиолект и социолект коммуникации. Эмодзи перестали соотноситься только с текстовыми посланиями подростков. Сейчас они воспринимаются с точки зрения маркированного выражения сообщения, способного преодолевать языковые барьеры. Эмодзи используются в рекламных

кампаниях и политике, представляют научный интерес для изучения эмоций, генерируемых в ходе общения в социальных сетях, в том числе в ракурсе национальной специфики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дускаева Л. Р., Краснова Т. И.* Интенциональность и модализация медиатекста в контексте культуры // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 51–57.
- Захарова Е. О.* Нерегламентированная пунктуация как признак рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 24 с.
- Нашихоева М. Р.* Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов // Вестник ЧГПУ. 2011. № 12. С. 321–327.
- Шевченко И. В.* В Словакии ученые обнаружили уникальную находку. 03.02.2017. URL: hronika.info/neverojatnoe/204862-v-slovakii-uchenye-obnaruzhili-unikalnuyu-nahodku/
- Abad Liñán J. M.* Un ‘atlas’ mundial de los emoticones más usados crea y destruye tópicos. URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2015/04/22/actualidad/1429719984_193699.html?rel=mas
- Alameda D.* ¿Cuáles son los emoticones más utilizados en el mundo? URL: elpais.com/elpais/2015/04/23/media/1429798687_624406.html?rel=mas
- Baraniuk Ch.* :-o El sorprendente poder de los emoticones. URL: www.bbc.com/mundo/noticias/2014/12/141201_vert_fut_tecnologia_sorprendente_poder_emoticonos_ig
- Carrion J.* Retórica, lógica y política del WhatsApp. URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2015/09/01/actualidad/1441120677_926557.html?rel=mas
- El lenguaje de los emoticones. 30/8/2014. URL: www.semana.com/vida-moderna/articulo/el-lenguaje-de-los-emoticones/400934-3
- García A.* Diferentes interpretaciones para un mismo ‘emoji’. 12/04/2016. URL: www.Lavanguardia.Com/tecnologia/20160412/401053971200/estudio-percepcion-emojis.Html
- Gutiérrez-Rubí A.* Internet: la nueva geografía de la lengua // IV Congreso Internacional del Español “Innovación, tecnología y comunicación en español”. Salamanca, 6–8 de julio de 2016. URL: www.gutierrez-rubi.es/2016/07/07/innovacion-tecnologia-y-comunicacion-en-el-iv-congreso-internacional-del-espanol-salamanca/
- Jiménez Cano R.* Los emoticonos se renuevan. URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2014/06/20/actualidad/1403246714_735186.html
- Los madrileños se espantan mientras los catalanes aplauden en WhatsApp. URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2015/11/27/actualidad

Lluís Micó J. Emoticonos que sirven para vender. URL: www.lavanguardia.com/tecnologia/20160714/403185415668/emoticonos-emojis-marketing-ventas-estudio.html

Mundo tecnológico: Apple quiere más emoticonos negros y asiáticos. www.bbc.com/mundo/video_fotos/2014/03/140328_video_click_28marzo_wbm

Olvidate de los PIN, llegan las contraseñas con emojis. URL: www.lavanguardia.com/tecnologia/innovacion/20160607/402346541271/contrasenas-emojis-passcode.html

Salas J. Emoticonos: ¿Qué quieres decir con ? URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2016/04/12/actualidad/1460484136_716565.html

Un viejo Nokia y una sauna, entre los primeros emojis ‘nacionales’. URL: tecnologia.elpais.com/tecnologia/2015/11/06/actualidad/1446811486_813910.html?rel=mas

УДК 372.881.1+81.2

К. Э. Нагаева

кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук ИМО и СПН МГЛУ;
e-mail: zlobovsky@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ КАК ЧАСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Для удачной межкультурной коммуникации важно избегать употребления интернациональных слов, имеющих смысловые различия. Иногда такими «ложными друзьями переводчика» являются, в том числе, слова, обладающие национальной спецификой семантического развития. Особенно такое непонимание важно в сфере политики.

Основной единицей межкультурной коммуникации является концепт. Культурный концепт представляет собой слово плюс ряд ассоциативно-оценочных значений, которые во многом непонятны для представителей другой культуры.

В условиях межкультурной коммуникации расхождение концептов, отражающее специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур, может приводить к попытке осмыслить чужую культуру через свою собственную концептосферу, тем самым провоцируя ситуацию непонимания.

В статье предлагается три этапа презентации заимствованного концепта, содержание которого отличается от содержания иноязычного первоисточника. Первый этап представляет собой сопоставление дефиниций имени концепта в русских и иноязычных толковых словарях. Второй представляет собой краткую историю семантического развития имени концепта, так же как и социально-исторические условия формирования концепта. Последний этап презентации концепта студентам включает способы его языковой репрезентации и место в языковой системе.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; межкультурная коммуникация; коммуникант; лингвокультура; концепт; ментальность; толерантность.

K. E. Nagaeva

PhD. Philology Sciences, Associate Professor, Department of Linguistics and professional communication in the field of political science MSLU;
e-mail: zlobovsky@mail.ru

STUDY OF CULTURAL CONCEPTS AS A PART OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION ESTABLISHMENT AMONG POLITICAL SCIENCE STUDENTS

It is important to avoid the usage of international words with semantic differences. Sometimes such translator's «false friends» include words with national specificity of

semantic evolution. Such misunderstanding is especially important to avoid in the field of political science.

Concept is a cross-cultural communication's essential unit. Cultural concept includes a word and a range of associative and valuation meanings that aren't much understandable for the representatives of alien culture.

Difference between concepts reflects the specificity of thinking and reality's perception. During intercultural communication this can lead to an attempt to interpret an alien culture with own system of concepts, triggering the situation of misunderstanding.

The study is based on materials of French and Russian explanatory dictionaries. The article introduces three stages of presentation of imported concept which content differs from the one in the original source. The first stage represents the comparison of the concept's key word definitions in Russian and foreign explanatory dictionaries. The second stage includes a short story of semantic evolution of the concept's key word as well as its social and historical conditions for establishment. The last stage of concept's presentation includes its language representation's ways and its place in the language system

Key words: cross-cultural competence; cross-cultural communication; communication; linguoculture; concept; mentality; tolerance.

Языковой концепт, или поименованный кусочек действительности – это то, с чем сталкивается переводческая практика каждый день, – просто слово, имеющее эквивалент в языке. Известен термин М.В.Пименовой «слово-концепт» [Колесов, Пименова 2016, с. 89]. Культурный концепт представляет собой слово плюс ряд ассоциативно-оценочных значений, которые оно с собой несет и которые во многом непонятны для представителей другой культуры.

Человек, не знакомый с концептами иной культуры, не испытывает от этого неудобства, однако адекватная межкультурная коммуникация без этого знания невозможна, так как для ее успеха необходимо соответствие картин мира коммуникантов. Вот почему изучение иноязычной лексики должно сопровождаться освоением новых концептов.

В условиях межкультурной коммуникации расхождение концептов, отражающее специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур, может приводить к попытке осмыслить чужую культуру через свою собственную концептосферу, тем самым провоцируя ситуацию непонимания. Конфликт концептов, сформировавшихся в различных лингвокультурах, на пересечении разных смыслов и ассоциаций, приводит к заблуждениям в отношении друг друга в результате эффекта обманутого ожидания.

Особенно такое непонимание важно в сфере политики, так как часто политические термины, толкование которых является интернациональным, употребляются не только в научном, но и других видах дискурса и испытывают давление значений, приобретаемых в этих видах национального дискурса, а значит, получают национальное толкование и окраску, отличную от общепринятых в научном международном дискурсе.

Формирование межкультурной компетенции является неотъемлемым элементом обучения студентов политических специальностей, так как она позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной природной идентичности, что необходимо как для правильной интерпретации профессиональных текстов, так и для ведения переговоров в профессиональной области.

За достаточный уровень сформированности межкультурной компетенции принимается совокупность языковой, коммуникативной и культурной компетенции, обеспечивающая возможность адекватного общения в конкретной социальной или этнической группе.

Важность изучения культурных концептов в обучении студентов политических специальностей рассмотрим на примере сопоставления концепта «толерантность» в русской и французской лингвокультурах.

Не вдаваясь в подробности изучения концептов лингвистическими методами, отметим необходимость предварительной исследовательской лингвистической работы, предшествующей презентации концептов студентам, включающей исследование как имени концепта, так и его языковой репрезентации в данном языке.

Обучение студентов нелингвистических специальностей различиям в понимании того или иного социально-политического феномена целесообразно начинать с сопоставления дефиниций имени концепта в русских и иноязычных толковых словарях с последующим комментарием, включающим как краткую историю семантического развития имени концепта, так и социально-исторические условия формирования концепта, а также способы его репрезентации в языке.

Так, согласно французским словарям Larousse и Petit Robert, определение лексемы *толерантность* выглядит следующим образом:

1. Отношение, допускающее у других иной образ мысли и жизни, чем у самого себя.
2. Снисходительное отношение к тому, с кем имеешь дело.

3. Допуск, предельно допустимое отклонение от нормы, допустимое отклонение от правил, регламента.

4. Способность переносить внешнее воздействие, в том числе неблагоприятное и агрессивное [Dictionnaires de français Larousse; Le Petit Robert de la langue française 2009].

В то же время определения русских словарей несколько отличаются от приведенного французского понимания. Согласно Толковому словарю Ефремовой и Большому современному толковому словарю русского языка, это:

1. Отсутствие или ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор, объясняющееся снижением чувствительности к его воздействию.

2. Снисходительная *терпимость* к кому-либо или к чему-либо (чужому мнению, иному верованию и т. п.) как обязательное условие политического плюрализма [Ефремова 2000; Большой толковый словарь русского языка 2012].

Согласно Большому энциклопедическому словарю, лексема *толерантность* означает:

1. Иммунологическое состояние организма, при котором он не способен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам.

2. Способность организма переносить неблагоприятное влияние того или иного фактора среды.

3. Терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению [Большой энциклопедический словарь 2000].

Таким образом, значения русской и французской лексем различаются не только разной степенью его детализации, но также тем, что на первое место в русской лексеме ставится отсутствие сопротивления внешнему неблагоприятному влиянию, в то время как во французской лексеме, прежде всего, подчеркивается право собеседника на инаковость. Кроме того, в русской лексеме подчеркивается неравная позиция двух собеседников, снисходительное отношение одного к другому.

Историко-семантическая часть комментария будет включать в себя следующие сведения: французский концепт «толерантность» является результатом длительного развития французской философской и политической мысли, борьбы различных политических сил на протяжении истории страны, начиная с эпохи религиозных войн и заканчивая

веком Просвещения за свободу вероисповедания. Примерно тот же путь развития концепт, заимствованный из французского языка, прошел в Англии и Германии XVI–XVIII вв. С выходом в свет «Трактата о толерантности» Вольтера заканчивается процесс становления французской лексемы *tolérance* с положительной коннотацией и значением «уважение свободы другого в том, что касается его политических и философских мнений». В XIX в. французский концепт обогатился как техническим значением: «Допуск, предельно допустимое отклонение от нормы, допустимое отклонение от правил, регламента», так и медицинским «свойство организма переносить некоторые лекарства», «выносливость организма ... к воздействию лекарства, химического или физического агента» [Нагаева 2018].

Сопоставим со сказанным выше историю развития русского концепта: до конца XVIII в. латинское слово *tolerantia* на русский язык переводилось словом *терпеливость*. Позднее для него стало использоваться слово *терпимость*, подразумевающее элемент снисхожденности и отрицательную оценку явления или свойства человека, с которым мирятся по необходимости или из милости [там же].

Русское слово *толерантность* было заимствовано из французского языка в конце XVIII в. и имело форму «толеранс», иными словами, приняло форму кальки и имело значение «терпимость к чужой вере, мнениям и т. п.». Французское заимствование было «освоено» русским языком и получило свою нынешнюю форму *толерантность* только тогда, когда в стране произошли либеральные реформы, и было отменено крепостное право – не позднее 60-х гг. XIX в. и вплоть до 20-х гг. XX в. выступало синонимом уже существовавшего слова «веротерпимость» [там же].

Как отмечал В. В. Виноградов, в советский период «уходят в архив истории слова, выражения и понятия, органически связанные со старым режимом» [Виноградов 1994]. В советском тоталитарном государстве толерантность как уважение к людям других политических взглядов, терпимость к иному мировоззрению, иной вере, иному мнению считалась недопустимым качеством. Именно в этом кроется причина почти полного отсутствия слова *толерантность* в толковых словарях советской эпохи.

Перелом наступил после распада СССР и открытия границ: слово *толерантность* вошло в русские словари. В конце XX в. слово *толерантность* получает новое рождение в наивной языковой

картине мира и в специализированных политологических, социологических и философских словарях, снова получая идеологическое значение. И именно этой второй жизнью оно, возможно, обязано английскому языку. Основное значение лексемы несколько изменяется: теперь это не просто *снисходительность*, но и «*терпимость* к чужим мнениям, верованиям, поведению» [Нагаева 2018].

В то же время некоторые словари фиксируют у русской лексемы *толерантность* медицинское значение «потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение», заимствованное из английского языка [там же].

Последний этап презентации концепта студентам включает в себя его языковую репрезентацию и место в языковой системе, т. е. значимостную составляющую концепта [Воркачев 2005].

Начиная с первых использований слова и до настоящего времени, слово *толерантность* было синонимом слова *терпимость*. В научной картине мира России идея *толерантности* вербализуется исключительно с помощью слова *толерантность*, тогда как в языковой картине мира для осуществления этой цели используются два существительных – *толерантность* и *терпимость*.

Сразу после Второй мировой войны была создана Организация Объединенных Наций, в Преамбуле к Уставу которой (1945) на нескольких языках, в том числе на английском, французском, а позже и на немецком, появляются слова *tolerance / tolérance / Toleranz*, введенные на русский язык с помощью слова «терпимость».

Несмотря на это официальный перевод документов ООН по-прежнему содержит лишь слово *терпимость*. Так, в 1992 г. Организацией Объединенных Наций 1995 г. был объявлен Международным годом *терпимости*. 16 ноября 1995 г. была подписана Декларация принципов *терпимости*, к которой присоединилась и Россия. В 1999 г. была принята Венская декларация по вопросу о мире и *терпимости* в Косово. В 2001 г. – «Программа действий по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними *нетерпимости*».

Хотя с 2001 по 2005 гг. в России разрабатывалась и внедрялась Федеральная целевая программа «Формирование установок *толерантного* сознания и профилактика экстремизма в российском обществе», в 2002–2004 гг. в Москве действовал Проект среднесрочной городской целевой программы под названием «Москва на

пути к культуре мира: формирование *толерантности*, профилактика экстремизма, воспитание культуры мира», официальный перевод документов ООН до настоящего времени содержит лишь слово *терпимость*.

Сегодня не только лингвисты, но и социологи единодушно полагают, что *толерантность* и *терпимость* – это разные понятия, отражающие разные способы взаимодействия людей в обществе.

Толерантность и терпимость имеют существенные отличия в значении. Терпимость как нравственная категория возникла в христианской традиции, толерантность же в большей мере связана со светской и политической жизнью общества. Христианская терпимость родственна гражданской толерантности, однако они по-разному интерпретируют принципы взаимоотношений между людьми. Так, толерантность как гражданская позиция не предполагает эмоциональную компоненту, а, скорее, рациональную: толерантный способ существования выгоднее, удобнее, спокойнее, т. е. ***терпимость – любовь в христианстве, толерантность – уважение как гражданская позиция***. Терпимость в русском менталитете традиционно оценивается на бытийном уровне в основном неодобрительно, поскольку преимущественно означает *терпение к плохому*, что возвращает нас к физиологическому значению лексемы *толерантность*.

Французская лексема *tolérance* соответствует понятию, мало представленному в нашей культуре. Это не просто *терпимость* к другому, к чужому, а умение договариваться, искать не только взаимоприемлемые, но и взаимовыгодные решения. Основные дифференциальные семы, которыми отличаются две лексемы, – это «уважение», «согласие», «кооперация», «активность», «равенство».

Разница в семантике ключевых слов-репрезентантов концептов «толерантность» и «терпимость» не подразумевает их взаимозаменяемости, так как толерантность означает право на инаковость, т. е. равенство позиций субъектов, а терпимость – существование «правильной» точки зрения, «терпящей» другую и «снисходящей» к ней, т. е. изначальное неравенство позиций. В силу этого перевод французской лексемы *tolérance* посредством русского слова *терпимость* не является адекватным. При переводе лексемы «терпимость» с русского языка на английский обычно используется английская лексема *tolerance*, но проведенные в этой области лингвистические исследования не дают оснований для отождествления двух концептов.

Итак, в современной русской лингвокультуре концепт «толерантность» замещается концептом «терпимость». И, как мы видим, наполнение этого концепта отличается от содержания аналогичного французского концепта, что необходимо донести до студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2001. 1536 с.
- Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с. (БЭС).
- Виноградов В. В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Институт русского языка РАН / отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова. М. : Толк, 1994. 1138 с.
- Воркачев С. Г.* Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 10–13.
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000. 1233 с.
- Колесов В. В., Пименова М. В.* Языковые основы русской ментальности: учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. 5-е изд., стереотип. М. : Флинта, 2016. 135 с.
- Нагаева К. Э.* Идеологический концепт «толерантность» во французской и русской лингвокультурах // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 19–25.
- Dictionnaires de français Larousse. URL: www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ (дата обращения 15.08.2017).
- Le Petit Robert de la langue française. P. Robert, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕНОСЫ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на материале английского языка)

Статья посвящена семантическому способу образования, его роли и месту в формировании англоязычных юридических терминов на разных этапах развития правовой лексики. Семантический способ образования является одним из внутренних ресурсов развития и пополнения словарного состава языка наряду со словообразованием. В научной литературе можно встретить различные наименования данного способа образования новых слов: семантический сдвиг [Языковая картина мира и системная лексикография 2006], семантический перенос [Падучева 1999], семантическая деривация [Зализняк 2001], все они указывают на лексико-семантический процесс словообразования, при котором производящая основа и производное слово совпадают в плане выражения, но расходятся в плане содержания.

Небольшой экскурс в теорию терминологии в начале статьи позволяет определить статус термина, его основные признаки, семантические требования к термину и произвести обзор наиболее распространенных способов терминообразования. Далее определяется место и роль юридической лексики по отношению к общелитературному языку и затрагивается проблема вариантности английских правовых терминов.

Динамика в семантической структуре слова хорошо прослеживается в диахронических и синхронических исследованиях семантически переосмысленных единиц. Диахроническое изучение семантической структуры слова с позиций ее связи с экстралингвистическими реалиями позволяет наблюдать и объяснять причины развития новых значений у лексической единицы без потери исходного значения. При определенных исторических и социальных условиях семантические переносы (метафора, метонимия, сужение и расширение объема понятия) могут стать источником формирования юридической терминологии. Источником такого семантического терминообразования выступает фонд активной общеупотребительной лексики.

Ключевые слова: семантический перенос; семантическая деривация; юридическая терминология; термин; метафора; метонимия.

SEMANTIC SHIFT AS A SOURCE OF LEGAL TERMINOLOGY DEVELOPMENT (based on the material of the English language)

The article deals with the semantic derivation, its role and place in the formation of English-language legal terms at different stages of development of the legal vocabulary. Semantic derivation is one of the internal resources of development and replenishment of the language word-stock along with word-formation. Various names for this method of forming new words can be found in the research literature: semantic shift [языковая картина мира и системная лексикография 2006], semantic transfer [Падучева 1999], semantic derivation [Зализняк 2001], they all point to the lexical-semantic process of word-formation, in which the producing basis and the derivative word coincide in terms of expression plane, but diverge in terms of content.

A short insight into the theory of terminology at the beginning of the article makes it possible to determine the status of a term, its main features, semantic requirements for a term, and to review the most common ways of term formation. Further, the reader is invited to determine the place and role of legal vocabulary in relation to general literary language. The problem of the variance of English legal terms is the next to touch upon.

Dynamics in the semantic structure of a word is well traced in diachronic and synchronic studies of semantically reinterpreted items. The diachronic study of the semantic word structure from the point of view of its connection with extra linguistic realities makes it possible to observe and explain the reasons for the development of new values in a lexical item without loss of the initial value. Under certain historical and social conditions semantic shifts (metaphor, metonymy, narrowing and widening of the denotation) can become a source of legal terminology formation. The fund of active common lexis is seen as the source of such semantic formation of terms.

Key words: semantic shift; semantic formation of terms; legal terminology; term; metaphor; metonymy.

Статус термина как единицы специальной номинации определяется набором его основных признаков: «Обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, стилистическая нейтральность, номинативность, устойчивость и воспроизводимость в речи» [Гринева-Гринева 2008, с. 30]. Семантическими требованиями к термину являются: непротиворечивость семантики термина (соответствие отражаемому понятию), однозначность в данной терминологии (одна лексическая форма может иметь разные значения в разных областях знаний), полноточность (отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для обозначаемого понятия),

отсутствие синонимов [Лотте 1961]. На практике требования к отсутствию синонимов и однозначности термина редко выполнимы: во всех областях знаний наблюдаются разные виды синонимии (между автохонными и заимствованными терминами, неологизмами и устаревающими терминами и т. д.), полисемия и омонимия терминов.

Среди наиболее распространенных способов образования терминов могут быть названы следующие: заимствование, или калькирование, иноязычных терминов, морфологический способ (создание нового термина путем деривации), аббревиация (усечение компонентов исходного сложного слова), синтаксический (сращение двух или более лексических единиц) и семантический способы. Под семантическим способом терминообразования понимается адаптация общеупотребительных слов с помощью специализации их значений для возможности употребления в специальной области.

Большинство исконных терминов образовано путем изменения ранее существовавших в языке слов (семантический способ). Заимствования из общеупотребительного языка сопровождаются терминологизацией, расширением, сужением или изменением значения путем метонимического или метафорического переносов. В основе метафоры лежит сравнение одного предмета с другим на основании их общего признака. Данный троп используется для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному объекту в каком-либо отношении [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 296]. Под метонимией понимается «регулярный или окказиональный перенос имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию» [там же, с. 300].

Ассоциируемые объекты могут быть связаны в человеческом сознании пространственными, понятийными, событийными, синтагматическими и логическими отношениями.

Использование механизмов семантического переноса заметно уже на начальном этапе «формирования значения некоторых научных понятий, когда язык исследователя и язык научного сообщества еще не совпадают» [Петров 1982, с. 82]. Общеупотребительная лексика, таким образом, наряду с заимствованием, или калькированием, иноязычных термино-элементов, становится одним из источников образования терминов [Гринев-Гриневич 2008, с. 125].

Юридическая лексика английского языка

Корпус юридической лексики любого языка можно рассматривать как подсистему, имеющую собственные функции и средства выражения, т.е. автономную по отношению к общелитературному языку. Автохонные термины образуют особую группу специальной лексики: объем значений таких терминов равен объему их значений в общеупотребительной лексике, так как в древности они номинировали наивные (донаучные) представления о праве и сохранили свое значение до наших дней. В английском языке данная группа принадлежит к самому древнему пласту специальной лексики (например, *wrong* – правонарушение < др.-а. *wrang* (то, что неправильно); *writ* – судебный приказ, извещение < др.-а. *writ* – записка; *will* – завещание < др.-а. **willan* – воля, желание; *lahbryce* – нарушение закона < др.-а. *lah* – закон + др.-герм. **brek* – нарушать и т.д.). С развитием теории права и ростом практики правоприменения появилась новая группа терминов, заимствованных из общеупотребительной лексики и образованных семантическим способом. Особенность английской юридической терминологии выражается в наблюдаемых отношениях синонимии, антонимии, полисемии и омонимии, возникающих между нейтральной лексикой и средствами номинации правовых понятий. Вариантность английских правовых терминов обусловлена историческими условиями, при которых формировалась терминология.

Англосаксонский период (V–XI вв.)

С точки зрения истории права англосаксонский период характеризовался активным участием населения в отправлении правосудия, которое вершилось на основании местных обычаев. Общество руководствовалось системой первичных мононорм (правил поведения) для упорядочения хозяйственных, бытовых, семейных и религиозно-ритуальных отношений. В такой системе право было практически неотделимо от норм религии и морали и базировалось на дихотомии «свой – чужой», что отражено в корпусе общеупотребительной полисемичной лексики древнеанглийского периода: *gōd* – подходящий, справедливый – *wrang* – неподходящий, несправедливый, *efen* – беспристрастный, справедливый, правдивый – *unefen* – предубежденный, несправедливый, *maect* – моральное полномочие, право – *miss* – недостаток, ошибка, злой умысел.

Недостаточное развитие теории права в данный период, отсутствие единой судебной системы и системы права создавали условия для аллегорико-символической образности при выборе средств номинации. Так, одним из наиболее востребованных источников пополнения словарного состава языка в правовой сфере в данный период можно назвать семантические переносы (метафора, метонимия, сужение и расширение объема понятия), приводившие к появлению новых значений у уже существовавших слов.

Слова, образованные путем метафоризации, могли выполнять номинативную, характеризующую, идентифицирующую или классифицирующую функцию: *alms* – имущество, полученное в дар < *alms* – милостыня, благотворительность, *lord* – муж < *lord* – господин, повелитель, *house* – заведение, место для ведения переговоров и приема посетителей < *house* – дом, *niman* – красть < *niman* – брать в руки. Использование тропов приводило к полисемии слова или распадению слова на омонимы, т. е. приобретению одной и той же лексической единицей разных исторически связанных значений (ср.: совр. *doomer* – экологический пессимист < др.-а. *doomer* / *deemer* – судья < др.-а. *doom* – мораль, равноправие; рок; судьба). Таким образом, слово в зависимости от текстуального окружения, могло быть признано общепотребительной или специальной единицей: *rechtwis* – законный; правомерный < *rechtwis* – правильный, *play* – использование оружия, упражнение с оружием < *play* – забава; представление, спектакль.

Ряд лексем, номинирующих различные виды наказания, были также образованы путем метонимизации: *limlæw* – наказание, при котором преступника намеренно калечили < *lim* – конечность, часть тела + *læw* – рана, увечье; *hættian* – снять скальп преступника в качестве наказания < *hæt* – шляпа (перенос по смежности); *wilde hors* – четвертование < *wilde* – дикий + *hors* – лошадь; *heāfodstocc* – шест, на котором выставляли на всеобщее обозрение отрубленную голову преступника < *heāfod* – голова + *stocc* – шест (перенос по вовлеченности в одну ситуацию) [Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary].

Ранненормандский период

В ранненормандский период, который совпадает со среднеанглийским периодом с точки зрения истории языка, связь между процессами метафоризации / метонимизации и развитием корпуса специальной лексики становится более выраженной.

Постепенная централизация власти, отход от бытовых представлений о праве, судебная реформа и определение функционала правоведов создали условия для формирования особого языка, способного обслуживать новую профессиональную область. Данный процесс потребовал задействования всех доступных способов пополнения словаря как внешних, так и внутренних: заимствования, деривации, словосложения и изменения семантической структуры слова.

Способствуя привлечению общеупотребительной лексики в сферу профессиональной коммуникации, метафорический перенос остается источником полисемии и омонимии слова в данный период: *amys* – *проступок* < *amys* – ошибка; *partyng* – компаньонство, партнерские отношения < *partyng* – разделение на мерные части.

Некоторые примеры использования метафоры указывают на стремление к упорядочению и своеобразному «очищению» профессиональной лексики с помощью эвфемизации. В связи с общим утончением форм быта и формализацией правовых отношений эвфемизмы были призваны устранить просторечные слова из сферы правовой коммуникации: *familiarite* – прелюбодеяние < *familiarite* – близкое знакомство вместо *bawdry* – блуд, прелюбодеяние; *to molefy* – смягчать суровое наказание < *to molefy* – размягчать, задабривать вместо *soften* – размягчать, смягчать.

В ранненормандский период метонимизация, как механизм семантической деривации, становится одним из дополнительных источников специальной лексики, вследствие закрепления за некоторыми единицами сферы употребления: *execution* – смертная казнь < *exe* – топор, *hand* – средство возмездия; тот, кто реализует власть < *hand* – рука, *kutpers* – карманник < *kut* – резать + *pers* – кошелек, *breker* – клятвопреступник < *breke* – нарушать.

Метонимическая номинация по какой-либо черте или признаку, присущим самому объекту и лежащим в основе названия объекта хорошо прослеживается в структурно-сложных посессивных словах данного периода: *euell-willi* – желающий зла, злоумышленный (букв. 'корзина, полная зла') < *euell* – злой + *willi* – корзина, *kynde-witted* – здравомыслящий, мудрый (букв. 'с добрым умом') < *kynde* – добрый + *witted* – ведающий, обладающий знаниями, *bare-handyd* – безоружный < *bare* – пустой + *hand* – рука + *-ed/yd* [Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary 2017].

Как видно из примеров, в метафорическом или метонимическом переносе могли быть задействованы механизмы эллипсиса (стяжения): *gode-herted* – честный = человек с хорошим сердцем, *euell-willi* – злоумышленный = корзина, полная зла.

Период выделения статутного права и права справедливости

С точки зрения истории языка период выделения статутного права и права справедливости совпадает по времени с ранненовоанглийским периодом и характеризуется развитием теоретических знаний и выделением юридической науки, состоящей из ряда отраслей (гражданское право, уголовное право, семейное право и т.п.). Научные труды в области философии права способствовали созданию условий для формирования специальной лексики и, в частности, юридической терминологии. Метафора и метонимия, уступая место иным способам пополнения словарного состава языка в области правовой коммуникации, оставались, тем не менее, востребованными механизмами речи.

Примеры метафоры данного периода иллюстрируют возможность образного выражения конкретной правовой ситуации путем семантического сдвига: *wyndefall* – неожиданное приобретение < *wynde* – ветер + *fall* – падение. Существительное впоследствии закрепилось в профессиональной речи юристов в качестве термина, указывающего на неосновательное обогащение, например незаконное взимание дополнительных средств при оказании какой-либо услуги (*windfall*) [Historical Thesaurus ... 2017].

Заслуживает внимания общеупотребительное существительное *myrmidon* – приспешник (по аналогии с персонажем древнегреческой мифологии), употреблявшееся в уничижительном смысле применительно к представителям власти. С вхождением слова в сферу правовой коммуникации произошло обеднение его семантической структуры и закрепление в сверхсловном образовании *myrmidon muturaries of the law* – блюстители закона. Сужение объема понятия (специализация значения) также характерно для единиц при их окказиональном употреблении. В частности, в работах философов права конца XVII в. появились новые значения слов *obtestation* – протест < *obtestation* – заклинание, мольба; *maturity* – достижение возраста гражданской дееспособности; срок исполнения обязательств по договору, например, платежа < *maturity* – созревание, *modesty* – самоконтроль < *modesty* – скромность и др. [Historical Thesaurus ... 2017].

Метонимия, как и метафора, позволяла реализовать переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления, что наблюдается в экзосентрических метонимических композитах: *head-worker* – интеллектualan, работник умственного труда < *head* – голова + *worker* – рабочий, *head-wise* – умный, образованный < *head* – голова + *wise* – мудрый. Мотивирующей основой могли становиться названия не только частей тела человека, но и предметов одежды: *long-robe man* – юрист < *long* – длинный + *robe* – мантия, широкая одежда + *man* – человек [Historical Thesaurus ... 2017].

Механизмы метонимизации были востребованы и при описании действия с опорой на смежность понятий или участие в одной ситуации. Так, в результате метонимического переноса и специализации значения в корпус правовой лексики входят глагол *participate* в значении «иметь долю в общей собственности» < *participate* – участвовать, обладать общим с другими качеством, делиться и т. д. и имя нарицательное *derrick* – палач, виселица, висельник, образованное путем метонимии от имени известного палача, жившего в Лондоне на рубеже XVI–XVII вв. На основе данного существительного путем конверсии образован глагол *derrick* – повесить, казнить [Historical Thesaurus ... 2017].

Таким образом, можно утверждать, что механизмы терминологизации активизировались участниками правовой коммуникации, задействовавшими фонд нейтральной лексики в качестве источника юридической терминологии. На протяжении всей истории развития англоязычных средств номинации правовых реалий метафорический и метонимический переносы являлись одним из продуктивных способов терминообразования и способствовали появлению отношений полисемии и омонимии терминов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение; учеб. пособие. М. : Академия, 2008, 304 с.
- Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. М. : Изд-во АН, 2001. № 2. С. 13–25.
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская Энциклопедия, 1990. 688 с.

Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить // Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М. : 1999. С. 488–502.

Петров В. В. Семантика научных терминов. Новосибирск : Наука СО, 1982, 125 с.

Языковая картина мира и системная лексикография: сб. науч. трудов / под ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.

Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary. URL: www.oed.com/view/th/class/180244 (дата обращения: 14.09.2017).

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Несмотря на тот факт, что понятие дискурса не имеет единого определения, оно представляет собой одно из ключевых понятий современной научной парадигмы. Понятие дискурса толкуется довольно широко: с одной стороны, в его основе лежит текст, с другой – только текстом дискурс не ограничивается, а включает в себя социальные и иные условия коммуникации; факторы, влияющие на производство и восприятие данного текста; некоторые фоновые знания. Исследования дискурса, проводимые в настоящее время, можно разделить на три направления: структура дискурса; то, как адресат понимает и воспринимает дискурс; и как происходит процесс языкового общения. Следует отметить, что дискурс изучается не только лингвистами, но и представителями других профессий.

Метод исследования дискурса называется дискурсивным анализом и предлагает собственную методику исследования дискурса. Основной задачей дискурсивного анализа называется интерпретация, т. е. раскрытие смысла, скрытого в тексте, выявление его цели, установление связи между языком и социальными процессами. Данный метод позволяет анализировать любые дискурсы. Для этого необходим только текст. Язык юридических документов предоставляет прекрасную возможность проводить дискурсивный анализ, поскольку любые действия в рамках юридической парадигмы традиционно фиксируются на бумаге.

Активные исследования в области англоязычной юридической лингвистики начались в 90-е гг. XX в., однако первые попытки исследовать англоязычный юридический дискурс начались гораздо раньше. Дискурсивный анализ юридических текстов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Дискурсивный анализ англоязычных юридических текстов позволяет дать лингвистическую и правовую оценку законодательным актам, идентифицировать автора отдельного документа, создать «языковой портрет» подозреваемого и т. п.

В случаях молчания подозреваемого или свидетеля, либо возможности двоякого толкования его высказывания, дискурсивный анализ позволяет с большой вероятностью установить истину и избежать наказания в отсутствие вины. В ситуации, когда двояко могут трактоваться положения договора или закона, дискурсивный анализ позволяет установить истинные намерения авторов.

Исходя из практики интерпретации англоязычного юридического дискурса, следует отметить, что лингвисту часто приходится иметь дело не только с текстом, зафиксированным на бумаге, но и с аудиозаписью. В этом случае очень важно принимать во внимание тот факт, что может иметь место оговор подозреваемого

с целью получения доказательств незаконным образом. Например, лицо, пытающееся получить доказательства, может произносить некоторые фразы так, чтобы адресат их не слышал. Проводя дискурсивный анализ англоязычного юридического дискурса, специалист пользуется различными стратегиями, которые позволяют ему сделать однозначный вывод о намерении как адресата, так и адресанта.

В ходе судебного разбирательства к дискурсивному анализу прибегают как представители стороны обвинения, так и представители стороны защиты, однако следует отметить, что лингвисты чаще всего делают свои выводы в пользу обвиняемого, что позволяет невиновному человеку избежать незаслуженного наказания. Приведенные в статье примеры демонстрируют некоторые случаи применения дискурсивного анализа англоязычного юридического дискурса и значение этого анализа для судебного разбирательства.

Ключевые слова: английский юридический язык; закон; законодательный акт; термин; дискурс; англоязычный юридический дискурс; дискурсивный анализ.

T. V. Uskova

PhD, Professor for the Chair of Linguistics and Professional Communication in Law, Institute of International Law and Justice, MSLU; e-mail: t-uskova@bk.ru

DISCOURSE ANALYSIS AS A METHOD OF STUDYING ENGLISH LEGAL TEXTS

In spite of the fact that discourse does not have a unified definition, it is one of the main notions of modern scientific paradigm. It is difficult to interpret discourse, because, on the one hand, it is based on the text, but on the other, it includes social and other conditions of communication, different factors that influence the production and perception of the given text, some background knowledge. Discourse studies held nowadays can be divided into three categories: discourse structure, the addressee's perception of the discourse and how the speech communication occurs. It is necessary to note that discourse is studied by both linguists and other professionals.

The method of discourse studies is called discourse analysis and it offers its own methods. The main goal of discourse analysis is interpretation, i.e. disclosure of the meaning hidden in the text, identification of its goals, establishing of the links between the language and social processes. This method enables the researcher to analyze any discourses. The researcher needs a text only. The language of legal documents provides a wonderful opportunity for discourse analysis, because any actions within legal paradigm are fixed.

Discourse analysis of legal texts has both theoretical and practical meaning. Intensive studies in this field began in the 1990s, however, the first attempts to study English legal discourse began much earlier. Discourse analysis of English legal texts provides an opportunity to give linguistic and legal assessment of legal acts, identify authors of some documents and so on.

In cases when the suspect keeps silent or in cases of ambiguity discourse analysis provides an opportunity to establish the truth and avoid punishing an innocent person.

In cases of ambiguity of legal acts or terms of a contract discourse analysis enables the researcher to establish the true intentions of their authors.

Taking into consideration the types of texts a researcher has to analyze, it is necessary to mention that analyzing legal texts a researcher sometimes has to deal with audio recordings. In this situation the researcher must realize that the person making a recording can add certain information in order to get the necessary for conviction facts. Analyzing the discourse, the researcher uses different strategies which enable him to make definite conclusions concerning the intentions of the speaker.

During a court hearing both the prosecution and the defence may use discourse analysis. However, linguists usually make their conclusions in favour of the defendant. The examples given in the article show some examples of discourse analysis and demonstrate its importance for court hearings.

Key words: legal English; law; draft; discourse; English legal discourse; discourse analysis.

Введение

Изучению дискурса в целом и юридическому дискурсу, в частности уделяется большое внимание в современной лингвистике. Однако исследователям приходится принимать во внимание факт отсутствия общепризнанного определения понятия «дискурс», которое включало бы все случаи его употребления. С одной стороны, отмечается, что термин «дискурс», похож по смыслу на термин «текст», с другой – авторы указывают на «динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения»; в противоположность которому «текст мыслится преимущественно как статический объект, результат языковой деятельности» [Прокошенкова, Гецкина 2006, с. 451]. В данной работе дискурс понимается как сочетание двух элементов: динамического процесса языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, и результат данной языковой деятельности, т. е. текст.

Как известно, в структуре дискурса выделяют две основные роли: говорящего и адресата, поэтому процесс языкового общения следует рассматривать с учетом этих двух перспектив. Более того, процесс порождения дискурса коренным образом отличается от процесса понимания (анализа) дискурса. Таким образом, исследования ведутся по трем направлениям: построение дискурса, понимание дискурса адресатом и изучение процесса языкового общения, исходя из текста, порожденного в процессе дискурса.

Междисциплинарное направление, изучающее дискурс, называется дискурсивным анализом, или дискурсивными исследованиями.

Изучение англоязычных юридических текстов посредством дискурсивного анализа

Будучи сформировавшимся междисциплинарным научным направлением, дискурсивный анализ обладает собственной методикой исследования языкового материала. Цель дискурсивного анализа заключается в интерпретации. Принимая во внимание грамматические, лексические и стилистические особенности изучаемого текста, исследователь стремится к тому, чтобы выявить заложенный в тексте смысл, определить его цель, идентифицировать социальный контекст и взаимосвязь между общественными процессами и языком.

Интерпретация – это, с одной стороны, когнитивный процесс, а с другой – результат истолкования смысла речевых и неречевых действий. Интерпретация характеризуется наличием объекта, субъекта, инструментов интерпретации, а также определенной процедуры.

Как указывает В.З.Демьянков, в целях интерпретации дискурса исследователь «устанавливает различные связи внутри текста – анафорические, семантические, референциальные (отнесение имен и описаний к объектам реального или ментального мира) отношения, функциональную перспективу (тему высказывания и то, что о ней говорится); «погружает» новую информацию в тему дискурса. В результате устраняется (если это необходимо) референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения, и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса»¹.

Метод дискурсивного анализа предоставляет возможность изучать самые разнообразные дискурсы. Если у исследователя есть устный или письменный текст, ему предоставляется потенциальная возможность осуществить дискурсивный анализ данного текста. Поскольку большая часть речевых актов в языке права фиксируются на бумаге, язык юриспруденции дает возможность для дискурсивного анализа данных текстов. Например, процесс заключения договора может включать в себя не только сам текст договора, но и всю деловую переписку, которую стороны вели, обсуждая условия договора. Если условия договора были нарушены, и дело дошло до разбирательства в суде, то в этот список можно включить протоколы судебных разбирательств, ходатайства и т. п.

¹Цит. по: [Политическая наука. Политический дискурс ... 2002, с. 32].

Язык права, язык юриспруденции изучает направление, получившее название «юридическая лингвистика». Это новое направление исследования дискурса, которое стало быстро развиваться в последние годы XX в. Языку права посвящены работы Дж. Гиббонса, Дж. Леви и А. Волкера, Р. Райбера и В. Стюарта [Gibbons 1994; Levi and Walker 1990; Rieber and Stewart 1990]. Л. Солан и Г. Стигалл исследовали язык судебного разбирательства [Solan 1993; Stygal 1994]. С. Берк-Селигсон изучала проблему билингвизма в судебном разбирательстве [Berk-Seligson 1990]. Авторами данных работ также использовался метод дискурсивного анализа.

Тем не менее начало лингвистическому исследованию английского юридического языка было положено гораздо раньше. О. Тосси приводит пример как в 1960 г. в ходе судебного слушания в Чикаго по требованию судьи провели лингвистическую экспертизу с целью идентификации вида диалектов подсудимых. В это же время, в ходе обсуждения новых законов, регулирующих проблемы билингвального обучения и десегрегации, была использована лингвистическая экспертиза для интерпретации и оценки данных вопросов [Tosi 1979].

С появлением звукозаписывающей аппаратуры и законов, позволяющих ее использовать, специалисты, изучающие английский юридический язык, получили возможность проводить анализ диалогов, которые вели представители правоохранительных органов и судебной власти с подозреваемыми и подсудимыми [Shuy 2001].

Следует отметить, что дискурсивный анализ не ограничен исключительно анализом показаний подозреваемых и свидетелей, которые зафиксированы в уголовных делах. Исследователи английского юридического языка указывают на дискурсивный анализ как инструмент стилистической и лексической идентификации авторов письменных документов, для создания шаблонов голосовой идентификации, и даже составления «языкового портрета» подозреваемого. Дискурсивный анализ незаменим и в гражданском праве, например в делах, в которых требуется решить спорные вопросы толкования положений договора, делах о клевете или диффамации и т. п.

Дело **Техас против Дэвиса** (1979) стало одним из первых, в котором был использован дискурсивный анализ. Анализ магнитофонных записей, предоставленных стороной обвинения в ходе судебного процесса, позволил специалисту с помощью дискурсивного анализа доказать невиновность обвиняемого. Интересен тот факт, что лингвисту,

проводившему дискурсивный анализ, было необходимо дать интерпретацию молчанию Дэвиса или его ответам «uh-huh» на вопрос полицейского информатора, который предлагал осуществить убийство жены Дэвиса. Сторона обвинения настаивала, что молчание и ответы «uh-huh» доказывают его согласие на убийство жены, а сторона защиты утверждала, что «uh-huh» просто вежливое подтверждение того, что Дэвис слушает собеседника [Shuy 2001, с. 439].

Дело **Техас против Дэвиса** показало, что анализ дискурса невозможен без тщательного анализа не только темы беседы, но и вопросов и ответов на них, что особенно важно при дискурсивном анализе данных в ходе судебного разбирательства. Это дело также указало на то, что необходимо доказать факт сознательного участия адресата в беседе, чтобы его ответы так же, как и вопросы адресанта, можно было принять в качестве доказательства в ходе судебного разбирательства. Поскольку аудиозапись практически не предоставляет возможности определить, где находятся собеседники в момент той или иной реплики, лицо, которое осуществляет запись, может добавить что-то от себя, когда собеседник его не слышит. Проводя анализ, специалист принимает во внимание то, насколько громко произносятся реплики, но это не всегда помогает. Молчание либо свидетельствует, что собеседник находится слишком далеко и поэтому не слышит вопрос, либо его не заинтересовала тема беседы, а, может быть, он боится продолжать беседу. Чаще всего к дискурсивному анализу прибегает сторона защиты, поскольку специалисты обычно трактуют результаты анализа в пользу подсудимого [Shuy 2001, с. 440].

Анализ темы беседы и видов ответов, которые дает адресат, позволяют делать выводы о намерениях собеседников. Однако в ходе судебного разбирательства такие выводы должны быть абсолютно точными, потому что от них зависит дальнейшая судьба человека, а иногда и его жизнь. Существует несколько стратегий анализа ответов. Например, собеседник может прямо согласиться или не согласиться с предложением. В этом случае его намерения абсолютно ясны. В некоторых случаях, собеседник может поменять тему беседы, что влечет за собой несколько возможных вариантов интерпретации: отсутствие интереса, нежелание продолжать обсуждение данной темы, просто тот факт, что он задумался о чем-то другом, неизвестном собеседнику, а может быть, и опасения, что тема беседы является для него потенциально

опасной. В этом случае сделать вывод о том, что собеседник дал или не дал согласие на что-либо (в нашем случае чаще всего на участие в совершении преступления), представляется довольно сложным.

Другой проблемой, представляющей сложность при анализе юридического дискурса, является двусмысленность, которая может присутствовать как в письменном, так и в устном дискурсе, которая может быть неочевидна в отдельно взятой фразе и не может быть выявлена без дополнительного анализа.

Рассмотрим уголовное дело США против Дж. ДеЛорена, в котором рассматривался вопрос о том, согласился или нет Дж. ДеЛорен продавать наркотики с целью привлечь инвестиции в свой убыточный бизнес. На магнитофонной записи Дж. ДеЛорен говорит: «“Investment” was a good thing», что стороной обвинения считается доказательством того, что Дж. ДеЛорен согласился распространять наркотики (цит по: [Shuy 2001, с. 440]). На самом деле агенты под прикрытием сделали ему два предложения: стать партнером в бизнесе по распространению наркотиков и попытаться найти инвесторов. Таким образом, контекстуальное значение «investment» нужно интерпретировать в зависимости от предложений, сделанных агентами под прикрытием, поскольку Дж. ДеЛорен отказался от первого предложения, но согласился со вторым. Внимательное изучение записей и последовательности вопросов и ответов позволило доказать невиновность Дж. ДеЛорена [там же, с. 440].

Р. Шай в своих работах предлагает особое название видам преступлений, которые не причиняют физического вреда или ущерба жертвам, подобно грабежу или убийству, но используют отдельные слова, фразы, высказывания, которые, тем не менее, причиняют вред и влекут уголовную ответственность (взятка, незаконная продажа собственности и вещей, разного рода домогательства, вымогательство, сговор и т. п.).

Р. Шай называет данные виды преступлений «language crimes» (лингвистические преступления). В подобных преступлениях довольно часто встречаются двусмысленные варианты толкования, что связано с тем, что подозреваемые используют кодовые слова, обобщения, а это, в свою очередь, затрудняет получение доказательной базы и требует участия лингвиста для интерпретации отдельных высказываний [там же, с. 443].

Еще одной проблемой, по утверждению Р. Шая, является то, что, согласно сложившейся в США практике, анализируя двусмысленные высказывания, и сторона обвинения, и сторона защиты предпочитают «to hear what they want to hear and interpret ambiguous utterances in a way that best serves their own goals» (*слышать то, что они хотят услышать и интерпретировать двусмысленные высказывания так, как наиболее выгодно в свете своих собственных целей*) [Shuy 2001, с. 444].

Например, в деле **США против Д. Смита**, 1997 г. сторона обвинения строила свою доказательную базу на вырванных из контекста отрывках бесед. Рассмотрим некоторые из них:

1. В одной из бесед агент под прикрытием пытается заставить Д. Смита оговорить себя, тем самым подтвердить свою вину, он пытается получить доказательства, что брокеру О. Эдельсбергу обещано вознаграждение:

April 11, 1995 meeting (маркер обратной связи).

Agent: Ori's calling me every day... he's worried, I guess, about his payment, his commission.

Smith: Uh-huh.

По мнению стороны обвинения, «uh-huh» служило маркером обратной связи и подтверждало вину Д. Смита. Хотя, как отмечалось выше, «uh-huh» могло означать, что Д. Смит просто демонстрирует внимание к тому, что говорит собеседник, а не соглашается с ним.

2. *May 19, 1995 meeting* (выражение удивления по поводу процедуры).

Agent: Ori's been... beatin' me over the head about this payment... He wants his commission.

Smith: So he gets paid when we get paid huh? Is that how it works?

В данном обмене репликами Д. Смит выражает удивление по поводу того, что выплаты брокеру должны происходить по какой-то ему неизвестной схеме. Поскольку сторона обвинения не предоставляла никаких доказательств того, что брокер действительно беседовал с агентом под прикрытием, двусмысленные ответы Д. Смита не могли быть истолкованы против него.

3. *October 2, 1996 meeting* (отрицание участия в преступлении)

Agent: ECF has, you know, Ori's contract.

Smith: Uh-hmm.

Agent: If they get their hands on that, then we have a problem with the certification.

Smith: We didn't want the same signature on the cert as on the main (contract). That was check and balance.

Agent: If they can get ECF's documentation and find out that Ori's getting a commission.

Smith: AEC (Smith's company) did not have one on this contract. ECF (the French parent company) will tie Ori to the Chilean transaction¹.

В данной беседе агент под прикрытием выражает свои предположения более конкретно, утверждая, что французская материнская компания ECF заключила договор с брокером, и что компания Д. Смита столкнется с проблемой подтверждения (certification) объема финансирования, предоставляемого правительством США Израилю. Тот факт, что Д. Смит не понял двусмысленное утверждение агента, подтверждается его ответом.

Д. Смит понимает, что он как президент компании, подписал основной договор, но документ о финансировании, предоставляемый Израилю, был подписан другим лицом. Поэтому Смит понимает фразу агента: «We have a problem with the certification» по-своему, не предоставляя доказательств, что он знает о преступлении или намеревается его совершить. Таким образом, агенту приходится сделать недвусмысленное утверждение, пытаясь связать документы французской материнской компании с денежной комиссией, которую должен получить брокер. Теперь, понимая, что имеет в виду агент, Д. Смит категорически отрицает свое участие в преступлении, заявляя о том, что у него нет договора с брокером [Shuy 2001, с. 440].

Р. Шай утверждает, что стратегия выявления смысла в двусмысленных высказываниях может быть очень эффективным инструментом выявления «language crimes» на начальном этапе уголовного расследования. Чем менее явно выражено какое-либо положение или утверждение, тем чаще появляется необходимость избавиться от двусмысленного толкования и постараться получить от подозреваемого

¹ Цит по: [Shuy 2001, с. 440].

однозначный ответ, который, в свою очередь, может привести к обвинению его в преступлении. С другой стороны, если подозреваемый отказывается давать разъяснения, ведущие к однозначному толкованию его высказываний, это может свидетельствовать либо о том, что он осознает факт двусмысленности данного высказывания, но отказывается его прояснить, и, следовательно, данное положение говорит о его виновности. Однако могут быть и другие объяснения, например его мысли заняты чем-то еще, он так напуган, что предпочитает хранить молчание, возможно, опасаясь того, что все его слова записываются, либо, напротив, он невиновен, поэтому не видит двусмысленности своего высказывания [Shuy 2001, с. 444].

Принимая во внимание всё вышесказанное, рассмотрим еще один пример из дела **США против Д. Смит**, 1997 г.:

4. July 26, 1996 (отрицание участия в преступлении)

Agent: How does Ori get involved in this?

Smith: Ori's gonna have to be paid through ECF (the parent company) you know, the outbound loop.

Видимо, на данном этапе Д. Смит понимает намерения агента и прямо заявляет, что брокер должен получить денежную комиссию от французской материнской компании.

Рассмотрев вышеприведенные примеры, можно проследить, как, пытаясь получить доказательства против подозреваемого по делу, агент под прикрытием использует двусмысленные высказывания, и как они изменяются по мере того, как ему не удается получить подтверждение своих подозрений:

Агент утверждает	Smith отвечает
1. Брокер получает денежную комиссию	Маркер обратной связи «uh-huh»
2. Брокер получает денежную комиссию – повторяет предыдущее утверждение	Д. Смит получает новую информацию: «Is that how that works?»
3. Материнская компания заключила договор с брокером, который мы должны скрывать от следователей	Д. Смит не понимает, что это высказывание направлено на то, чтобы получить от него признание в совершении преступления, поэтому дает ответ на совершенно другой вопрос

<i>Агент утверждает</i>	<i>Smith отвечает</i>
4. Конкретный вопрос о степени участия брокера в сделке	Д. Смит разъясняет, что брокер получает денежные комиссии от материнской компании, а не из денежных средств, выделенных правительством США Израилю.

Анализируя данное дело, Р. Шай полагает, что следователи могли бы прекратить дело против Д. Смита гораздо раньше и не доводить его до суда, если бы прибегли к дискурсивному анализу первой и второй бесед агента и Д. Смита. По мнению Р. Шая, использование двусмысленных утверждений может применяться как стратегия для получения доказательной базы, но оно требует не только юридической, но и лингвистической подготовки агентов и сотрудников полиции, которые собирают доказательства [Shuy 2001, с. 448].

Заключение

Изучение дискурса направлено на то, чтобы понять, как язык отражает мыслительные процессы, тематическую связность высказываний, коммуникативную перспективу. В ходе дискурсивного анализа исследователь учитывает не только объективные данные, зафиксированные в тексте, но и субъективные, т. е. основанные на жизненном опыте. Неотъемлемой частью дискурсивного анализа является интерпретация, в ходе которой исследователь пытается воссоздать мысленный мир автора. Однако дискурсивный анализ представляет интерес не только для лингвистов, но и имеет важное практическое значение, например для исследования юридических текстов. Приведенные выше примеры показывают, что дискурсивный анализ юридических документов, записей допросов подозреваемых и свидетелей, законодательных актов и т. п. позволяет исключить двусмысленное толкование, доказать невиновность или виновность подозреваемого, и, следовательно, может иметь важное значение в установлении истины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: сб. науч. тр. РАН ИНИОН / отв. ред. и сост. В.И.Герасимов. М. : В.М.Ильин, 2002. 184 с.

- Прокошенкова Л. П., Гецкина И. Б.* дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 451–456.
- Berk-Seligson S.* The Bilingual Courtroom. Chicago : U. of Chicago Press, 1990. 352 p.
- Gibbons J.* Language and the Law. London : Longmans, 1994. 476 p.
- Levi J. and Walker A.* (eds.) Language in the Judicial Process. New York : Plenum, 1990. 357 p.
- Rieber R. and Stewart W.* (eds.). The Language Scientist as Expert in the Legal Setting. New York Academy of Sciences, 606 Number 6, 1990. P. 1–4.
- Shuy R.* The Handbook of Discourse Analysis // Schiffrin, Deborah, Deborah Tannen, and Heidi E. Hamilton, eds. Oxford : Blackwell, 2001. P. 437–452.
- Solan L.* The Language of Judges. Chicago : U of Chicago Press, 1993. 225 p.
- Stygal G.* Trial Language. Philadelphia : John Benjamins, 1994. 226 p.
- Tosi O.* Voice Identification. Baltimore : University Park Press, 1979. 182 p.

УДК 811.581.11

Н. Ю. Чечина

ст. преподаватель кафедры китайского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА ПРИМЕРЕ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА

Статья посвящена особенностям терминологической лексики в китайском экономическом дискурсе. В последнее время заметным явлением стала детермино-логизация – выход узкоспециальных терминов за рамки определенной отрасли знаний или сферы деятельности, иногда вплоть до перехода в раздел общеупотребительной лексики. Детерминологизации больше всего подвержены термины таких областей науки и сфер, как физика, химия, математика, информационные технологии, медицина, искусство, спорт и др., поскольку именно они наиболее тесно связаны с политикой, экономикой и культурой и оказывают наибольшее влияние на повседневную жизнь китайского населения.

Ключевые слова: китайский язык; терминология; детерминологизация; узкоспециальное значение; общеупотребительная лексика; экономическая терминология.

N. Y. Chechina

Senior Lecturer, MSLU, Faculty of Translation and Interpretation, Chinese Language Department; e-mail: nataliachechina@yandex.ru

DETERMINOLOGIZATION IN MODERN MANDARIN CHINESE ON THE EXAMPLE OF ECONOMIC TERMS

The article is devoted to the peculiarities of terminological vocabulary in the Chinese economic discourse. Recently, determinism has become a notable phenomenon – the narrow-specialized terms go beyond a certain branch of knowledge or field of activity, sometimes even to the transition to the section of common vocabulary. The terms of such fields of science as physics, chemistry, mathematics, information technology, medicine, art, sports, etc. are most subject to determinologization, since they are most closely associated with politics, economics and culture and have the greatest impact on the daily life of Chinese people.

Key words: Chinese language; terminology; determinologization; highly specialized meaning; common vocabulary; economic terms

Введение

В последние годы невозможно переоценить роль Китайской Народной Республики на международной политической и экономической арене. Экономика Китая – вторая (после США) экономика

мира по номинальному ВВП, первая по ВВП по паритету покупательной способности (с 2014 г.). Китай активно развивает торгово-экономические отношения со многими странами мира и вносит значительный вклад в развитие и процветание экономик большинства развивающихся стран мира. Достижению таких значительных успехов Китай во многом обязан проведению с конца 1978 г. политики реформ и открытости (改革开放政策). В сфере экономики Китай взял курс на построение социалистической рыночной экономической системы. Во внешней политике была внедрена «политика открытых дверей», согласно которой КНР разрешила международную торговлю и прямые иностранные инвестиции. Данные инициативы значительно повысили уровень жизни китайского населения. Политика реформ и открытости не только привела к глубоким изменениям в политической, экономической, культурной и социальной сферах китайского общества, но и оказала значительное влияние на современный китайский язык – главный инструмент передачи информации.

Язык тесно связан с экстралингвистической действительностью и отражает все изменения, которые происходят в обществе.

На протяжении более чем 30 лет проведения политики реформ и открытости лексика общенационального китайского языка путунхуа заметно обогатилась. Анализируя причины данного явления, можно выделить несколько главных источников пополнения лексики:

- 1) активное влияние на путунхуа диалектов Гонконга и Тайваня;
- 2) проникновение в китайский язык большого количества иностранных заимствований;
- 3) диссимилиация устаревшей лексики и просторечий;
- 4) проникновение в общеупотребительную лексику профессионализмов, терминов и специальной лексики;
- 5) появление неологизмов.

Наиболее очевидным является появление в современном китайском языке большого количества новой лексики, в том числе и терминов (включая узкоспециальные и общенаучные термины).

Детерминологизация экономической лексики (на примере материалов СМИ КНР)

Терминами называются «слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки или техники. Термины должны

обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации» [Комиссаров 1990, с. 110].

«Термин представляет собой сложное, многослойное образование: языковой субстрат и логический суперстрат образуют, соответственно, нижний и верхний слои термина, а сердцевину его составляет терминологическая сущность, которая включает его концептуальную структуру, функциональную структуру и формальную структуру, представленную терминоэлементами <...>. Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2009, с. 33].

Особенностями терминов являются тенденция к моносемичности, узкая сфера употребления (ограничивается определенной отраслью знаний или сферой деятельности), четкая направленность на определенного реципиента. Благодаря данным характеристикам, термины являются эффективными составляющими не только научного дискурса, но и внеаучной коммуникации. Максимальная информативность терминов – одна из основных причин проникновения профессиональных единиц в общелитературный язык. «Термин как лексема, выступающая в роли наиболее объемного носителя информации, часто реализует общезыковой принцип экономии средств» [Макарова 2007, с. 91].

Исследование специальной терминологии, относящейся к различным областям знания, представляет значительный интерес как в плане этимологического генезиса терминов, так и в плане развития лексики, в связи с эволюцией языковой системы и истории общества.

Вместе с тем четко прослеживается явление детерминологизации, когда специальная единица «теряет свою строгую концептуальность, системность, однозначность и приобретает прагматические свойства, которых он прежде был лишен, т. е. возникает новое слово с терминологическим значением, требующее уже не дефиниции, а толкования» [Суперанская 1993, с. 56]. При детерминологизации терминологическая единица приобретает новое значение и создает дополнительные образы явления, предмета, действия или отражает актуальные события, происходящие в мире.

Исходя из результатов детерминологизации, можно сказать, что это явление в определенной степени приводит к расширению

лексического значения слова. Термин выходит за рамки определенной отрасли и начинает употребляться в других сферах или отраслях, или даже становится общеупотребительным.

Обычно, поскольку термины относятся к лексике, употребляющейся в определенных отраслях науки или сферах деятельности, которые не имеют тесной взаимосвязи с повседневной жизнью человека, сфера их употребления довольно узкая. Однако с развитием науки и техники, повышением культурного уровня населения, постепенным распространением специальных знаний, присущих определенной отрасли или сфере деятельности, происходит расширение сферы употребления узкоспециальных терминов, вплоть до их детерминологизации.

Процесс приобретения терминологической лексикой китайского языка нового значения и, в дальнейшем, ее детерминологизация не являются явлением, присущим только современному китайскому обществу. Однако в настоящее время у процесса детерминологизации появились новые особенности, в частности расширение сферы употребления.

В прошлом процесс детерминологизации в основном затрагивал термины в таких традиционных естественно-научных областях знаний, как:

математика, физика, химия, медицина

腐蚀 fǔshí – коррозия; 提炼 tíliàn – экстракция;
比重 bǐzhòng – удельный вес; 比例 bǐlì – пропорция;
会诊 huìzhěn – консилиум; 辐射 fúshè – радиация;
后遗症 hòuyízhèng – осложнения, последствия (после болезни);
麻痹 mábì – паралич и др.;

военная сфера

主力军 zhǔlìjūn – линейные войска; 战术 zhànshù – тактика;
打游击 dǎ yóujī – вести партизанскую войну и др.;

сельское хозяйство, промышленность и торговля

丰收 fēngshōu – богатый урожай;
温床 wēnchuáng – парник, теплица;
废品 fèipǐn – бракованная продукция;
成品 chéngpǐn – готовая продукция; 市场 shìchǎng – рынок;

музыка и театральное искусство

主角 zhǔjué – *главный герой*;
 配角 pèi jué – *второстепенный персонаж*;
 悲劇 bēi jù – *драма*;
 后台 hòutái – *за кулисами*;
 背景 bèi jǐng – *декорация*;
 前奏 qiánzòu – *увертюра, пролог* и др.

Все эти термины специального значения уже давно используются в общенародном китайском языке в несвойственных им контекстах, например:

腐蚀人们的灵魂 – **растлевать** души людей (используется химический термин 腐蚀 – *коррозия*);
 战争的温床 – **очаг** войны (используется сельскохозяйственный термин 温床 – *парник*);
 在这个背景下价格持续上涨 на этом фоне цены продолжают расти (используется театральный термин 背景 – *декорация*).

В настоящее время, помимо вышеперечисленных отраслей и сфер жизни общества, детерминологизация охватила новые научные отрасли и такие сферы, как информатика, кибернетика, биотехнологии, космические технологии, сфера услуг и т. д. Например:

因子 yīnzǐ – *множитель*;
 参数 cānshù – *параметр*;
 坐标 zuòbiāo – *координата* (математика);
 轨迹 guǐjì – *орбита*;
 黑洞 hēidòng – *черная дыра* (астрономия);
 裂变 lièbiàn – *расщепление*;
 催化剂 cuīhuàjì – *катализатор* (химия);
 基因 jīyīn – *ген*; 克隆 kèlóng – *клон*;
 免疫力 miǎnyìlì – *иммунитет* (медицина);
 板块 bǎnkuài – *плита*;
 断层 duàncéng – *разрыв, разлом*;
 流失 liúshī – *эрозия почвы* (геология);
 软件 ruǎnjiàn – *программное обеспечение*;
 硬件 yìngjiàn – *комплектующие детали, плата компьютера*;
 接口 jiēkǒu – *интерфейс* (информационные технологии);
 硬着陆 yìng zhuólù – *жесткая посадка*;
 倒计时 dào jì shí – *обратный отсчет времени*;

对接 duì jiē – *стыковка* (космические технологии);
情结 qíng jié – *комплекс*;
认同 rèn tóng – *признание, одобрение*;
互动 hù dòng – *интерактивность* (психология);
重头戏 zhòng tóu xì – *главная роль, звезда программы*;
走穴 zǒu xué – *принимать участие в краткосрочных коммерческих выступлениях*;
主旋律 zhǔ xuán lǜ – *лейтмотив*;
定格 dìng gé – *стоп-кадр* (театр и кино);
短平快 duǎn píng kuài – *короткая прямая передача и быстрый удар*;
内功 nèi gōng – *закалять организм методами ушу или цигуна*;
读秒 dú miǎo – *байомы, дополнительное время в го, после завершения основного времени (спорт) и др.*

Наиболее характерно это явление для терминов, относящихся к такому тесно связанному с повседневной жизнью отраслям и сферам деятельности, как медицина, физическая культура и особенно экономика. Люди довольно легко используют такие термины в новой языковой ситуации, тем самым расширяя сферу их употребления и придавая им новое, нетерминологическое, значение.

Остановимся более подробно на детерминологизации экономической лексики в современном китайском языке. В китайском экономическом дискурсе используются как общеэкономические термины:

需求 xū qiú – *спрос*; 供应 gōng yìng – *предложение*;
危机 wēi jī – *кризис*; 货币 huò bì – *валюта*;
市场 shì chǎng – *рынок*,
так и узкоспециальные термины:
衍生产品 yǎn shēng chǎn pǐn – *деривативы*;
飘红 piāo hóng – *повышение цен на фондовом рынке*;
套牢 tào láo – *падение в цене ценных бумаг сразу после покупки и др.*

Благодаря успешным экономическим реформам в жизни китайского общества произошли значительные изменения, которые затронули все сферы и области знаний. Большое количество экономических терминов проникло в повседневную жизнь людей и, таким образом, утратило свое терминологическое значение и перешло в разряд общепотребимой лексики.

Приведем некоторые примеры, взятые из материалов СМИ КНР: газеты «Жэньминь жибао», новостного агентства «Синьхуа» и др.

长线 chángxiàn – это биржевой термин, который употребляется в контексте рынка ценных бумаг в значении «длинная позиция» (позиция, которую трейдер открывает в надежде получить прибыль от роста рынка). Пример:

在某一天内行情的波幅可能很窄，而波段却很丰富，亦即反复震荡几次，这对于长线交易者来说是一个免于交易的不起眼行情
(blog.cnfol.com/zj18051714310399241/article/1540460976-138102947.html)

Если рассматривать конъюнктуру рынка за какой-либо один день, то амплитуда колебаний может быть довольно узкой, но диапазон довольно широкий, т. е. скачки цен происходят неоднократно. Такая конъюнктура неблагоприятна для трейдеров, которые открывают *длинную позицию*.

В данном примере 长线 употребляется в терминологическом значении «длинная позиция».

Вместе с тем этот термин в современном китайском языке приобрел более широкое значение: он употребляется образно для обозначения товара, который на протяжении длительного времени производится в большом количестве, что приводит к превышению предложения над спросом, и потому возникает потребность в сокращении производства данного товара, т. е. недефицитный товар. Еще пример:

一份《2018春节黄金周旅游趋势报告》显示，预订春节期间国内长线游人次上涨明显，海南、云南、广东、陕西等位居国内长线游热门目的地前十强
(news.sina.com.cn/c/2018-01-19/doc-ifyqtycx0423117.shtml).

«Доклад о туристических поездках во время “золотой недели” на новогодние праздники за 2018 год» показывает, что количество людей, планирующих осуществить туристические поездки *на дальние расстояния* во время новогодних праздников, заметно увеличилось. Хайнань, Юньнань, Гуандун, Шэньси и другие провинции Китая вошли в десятку самых популярных направлений для внутреннего туризма.

В данном случае 长线 утрачивает свое узкоспециальное значение и приобретает более широкий смысл – «[поездки] на дальние расстояния». 升值shēngzhí – «ревальвация, повышение стоимости национальной валюты по отношению к другим валютам или к золоту». Пример употребления в терминологическом значении:

周二，由于风险厌恶的投资者在市场不确定的情况下寻求避险，黄金在周二触及三个月高点附近。由于美元疲软加剧了黄金的投资需求，短期内将进一步升值

(finance.sina.cn/futuremarket/giszx/2018-10-17/detail-iframe5054700.d.html?oid=7&vt=4&cid=76613).

Во вторник из-за того, что инвесторы в условиях неопределенности рыночной конъюнктуры пытались избежать рисков, стоимость золота приблизилась к высшей отметке за последние три месяца. Из-за снижения курса доллара вырос инвестиционный спрос на золото, которое в ближайшей перспективе еще **повысится в цене**.

希腊护照再“升值”，永久免签国家名单新添美国

(news.sina.com.cn/o/2018-10-24/doc-ihmxrkzw0973039.shtml).

Греческий паспорт станет еще *привлекательнее*: список стран, куда греки всегда могут ездить без оформления виз, пополнился Соединенными Штатами.

В данном примере **升值** употребляется в переносном значении, чтобы показать «повышение в стоимости», т. е. популярность, привлекательность греческих паспортов.

贬值 biǎnzhí – *девальвация, падение стоимости валюты относительно стоимости золота или других валют*:

商务部新闻发言人高峰25日在新闻发布会上回应上证报记者提问时表示，中国没有操纵汇率的结论是国际社会的共识，中国作为负责任的大国，多次重申不会搞竞争性贬值，不会将人民币汇率作为工具来应对贸易争端等外部扰动

(finance.sina.com.cn/roll/2018-10-25/doc-iframe8043058.shtml)

Представитель Министерства торговли КНР Гао Фэн 25 октября на пресс-конференции, отвечая на вопрос журналиста Shanghai Securities News, заявил: мировое сообщество знает, что Китай не манипулирует валютным курсом, Китай – ответственный член мирового сообщества. Китай неоднократно заявлял, что не будет для повышения конкурентоспособности **занижать курс** своей валюты, не будет использовать курс юаня как инструмент борьбы с внешними неприятностями, такими как торговые споры.

В данном примере **贬值** употребляется как экономический термин в значении «занижать курс национальной валюты». Пример на детерминологизированное употребление данного экономического термина:

台户籍“贬值” 陆配举家“回流”

(www.takungpao.com/opinion/233116/2018/1025/194456.html)

Девальвация тайваньского гражданства: тайваньские семьи, в которых один из супругов является уроженцем КНР, «возвращаются» на материк.

В данном примере **贬值** используется в переносном значении – «снижение популярности», «обесценивание».

成品 chéngpǐn – «готовая продукция, товар, качество которого соответствует стандартам и который можно поставлять». Пример использования в качестве термина:

10月24日，美国联邦储备委员会发布全国经济形势调查报告。报告显示，特朗普加征关税的措施导致原材料成本和成品价格上升，美国企业担忧不已

(news.dwnews.com/global/news/2018-10-25/60093371.html)

24 октября Совет управляющих Федеральной резервной системы США обнародовал отчет по итогам исследований нынешней ситуации в национальной экономике. Согласно отчету, меры президента Трампа по повышению таможенных пошлин привели к тому, что себестоимость сырья и цены на **готовую продукцию** выросли, что вызывает беспокойство американских предприятий.

Другой пример:

克洛普盛赞沙奇里：天赋比天高 仍不是成品

(www.goal.com/zh-cn/amp/%E6%96%B0%E9%97%BB/%E5%85%8B%E6%B4%9B%E6%99%AE%E7%9B%9B%E8%B5%9E%E6%B2%99%E5%A5%87%E9%87%8C%E5%A4%A9%E8%B5%8B%E6%AF%94%E5%A4%A9%E9%AB%98-%E4%BB%8D%E4%B8%8D%E6%98%AF%E6%88%90%E5%93%81/15qyfiwkzhf0vltiv5bvbwr4p)

Юрген Клопп¹ похвалил Шакири²: талант от Бога, но пока не **готовый продукт**.

¹ Юрген Клопп – немецкий футболист, ныне главный тренер английского клуба «Ливерпуль».

² Джердан Шакири – швейцарский футболист косоварского происхождения, полузащитник клуба «Ливерпуль» и сборной Швейцарии.

В вышеуказанном примере экономический термин 成品 употребляется в переносном значении. «Готовый продукт» в данном контексте означает «профессионал, опытный футболист».

Заключение

Специальная терминологическая лексика и общенародная лексика являются элементами единой лексической системы языка, между ними нет непроходимых границ: определённые слои общенародной лексики подвергаются терминологизации, а некоторые термины становятся общеупотребительными, т. е. наблюдается явление детерминологизации.

В результате детерминологизации у профессиональных лексем появляется ряд особенностей, в частности семантические смещения в структуре терминов, в том числе экономических терминов, когда они становятся многозначными лексическими единицами, и, таким образом, пополняют общелитературный язык.

Вслед за развитием науки и техники, постоянным появлением новых отраслей и сфер занятости, мышление людей становится всё более открытым и активным. Можно с уверенностью полагать, что вследствие этого такое лингвистическое явление, как детерминологизация, будет продолжать демонстрировать тенденцию активного развития.

Детерминологизация – неизбежное явление в процессе развития любого языка, и китайский язык не является исключением. Детерминологизация способствует выходу узкоспециальной лексики за рамки определенной отрасли или сферы знаний, повышает частотность использования терминов, и, таким образом, приводит к обогащению лексического состава языка. Это динамический процесс, оказывающий влияние на повседневную коммуникацию носителей языка, при этом на материале современного китайского языка малоизученный и потому заслуживающий дальнейшего тщательного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистический аспект): учеб. для институтов и факультетов иностранного языка М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
- Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

- Макарова А. А.* Детерминологизация единиц языка экономики и бизнеса в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 181 с.
- Суперанская А. В.* [и др.]. Общая терминология: Терминологическая деятельность / А. В. Суперанская [и др.]. М. : Русский язык, 1993. 243 с.

АНГЛИЦИЗМЫ И АМЕРИКАНИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале французского журнала L'Obs)

В статье рассматриваются заимствования из английского языка, характерные для французского политического языка, которые используются во французской прессе. На материале статей из журнала L'Obs выявляются основные группы англицизмов, рассматриваются их семантические особенности, анализируются их функции. Проведенный анализ показывает, что употребление заимствований из английского языка (англицизмов) и из американского варианта английского языка (американизмов) характерно для французской прессы. Процесс заимствования можно объяснить статусом английского языка, который выступает в качестве средства международного общения.

Среди заимствований в области политики можно выделить отдельные слова, словосочетания и фразы. Преобладают имена существительные и именные словосочетания, что связано с номинативной функцией заимствований. Кроме англицизмов, относящихся к политической сфере и являющихся частью терминологии, в статьях о политике используются заимствования из других областей (например, спорта, моды, Интернета, социальной сферы).

Значение заимствованных слов поясняется с помощью французской кальки, словарной дефиниции или контекста. Заимствованная лексика находится на разных стадиях ассимиляции. Некоторые заимствования в сфере политики уже зафиксированы в словарях, т. е. они ассимилировались во французском языке, стали частью терминологической системы, а их значение понятно читателям. Многие из выявленных заимствованных слов и словосочетаний выделены во французском тексте кавычками и / или курсивом, что привлекает внимание читателей.

Многие заимствования из английского языка, используемые во французском политическом языке, обладают национально-культурной спецификой, обозначая реалии, не свойственные французской политической системе и отсутствующие во французском языке. Например, национальная окраска характерна для заимствований, отражающих особенности политического устройства и избирательного процесса США и Великобритании. Для понимания заимствованных единиц с культурным компонентом необходима экстралингвистическая информация.

В собранном материале были выявлены заимствования, недавно появившиеся в языке французской прессы, включая неологизмы, среди которых преобладают американизмы. Среди заимствований-неологизмов выделяются как отдельные лексические единицы, так и устойчивые сочетания слов. У некоторых

заимствований-неологизмов наблюдается национально-культурный компонент. В политической сфере также функционируют неологизмы, созданные по разным словообразовательным моделям. Неологизмы обозначают актуальные явления в политической и социальной сфере и употребляются как в тексте статьи, так и в сильной позиции текста. Автор полагает, что появление заимствований-неологизмов во французской политической лексике свидетельствует о продуктивности такого способа пополнения лексического состава французского языка.

В целом, на современном этапе заимствования из английского языка характерны для политической лексики французского языка, что особенно ярко проявляется в языке французской прессы. В статьях о политике англицизмы и американизмы выполняют разные функции: номинативную, информационную, создания «местного колорита», привлечения внимания читателя и часто используются в сильных позициях текста. Работа с текстами, содержащими заимствования, позволит увеличить словарный запас, а также расширить кругозор студентов и актуализировать их теоретические знания, так как многие заимствования, включая неологизмы, содержат национально-культурный компонент, поскольку обозначают политические реалии англоязычных стран, с которыми студенты знакомятся на лекциях.

Ключевые слова: французский язык; политический язык; L'Obs; заимствование; англицизм; американизм; местный колорит; неологизм.

A. N. Shumakova

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: ashumakova@yandex.ru

**ON ANGLICISMS AND AMERICANISMS
IN THE PRESENT-DAY POLITICAL LANGUAGE
(based on L'Obs news magazine)**

The article focuses on the use of English and American loanwords which are characteristic of the current French political language in the present-day French periodicals. Considering examples from «L'Obs» magazine the main categories of loanwords are determined, and structural, semantic and functional features of loanwords are analyzed.

Words, set expressions and phrases borrowed from British English or American English have been found in the present-day French political discourse. Borrowing from English can be explained by the role of English as a language of global communication. The loanwords analyzed in the paper are mostly nouns and nominal phrases which are used to name things and phenomena. Borrowings being a part of political terminology as well as loanwords from other fields such as sports, fashion, Internet etc, function in French political discourse.

English and American loanwords are explained by means of loan translation, definition and context. The borrowings have a different degree of assimilation. Some loanwords have been incorporated into French lexicon and have already entered

French dictionaries. They are clear for French readers and are used as a part of terminology. To call readers' attention the loanwords are often put in quotation marks and / or in italics.

Many English and American loanwords used in French political language have a cultural component, for instance, those related to political institutions and elections in the USA and Great Britain. To understand these loanwords background knowledge is necessary.

New loanwords and set expressions, mostly Americanisms, have been found in the present-day French periodicals. Neologisms describe new political and social phenomena and are often used in the text of the article as well as in a strong position of the text. Some neologisms have a cultural component. New words are often created by combining existing ones. The use of neologisms in French political discourse indicates that borrowing from English is a productive way of the French vocabulary enrichment.

In general, English and American loanwords are characteristic of the present-day French periodicals. In political discourse they name things and phenomena, convey information, create local colour, attract reader's attention and are often used in a strong position. Reading the articles that contain loanwords can help to enrich students' vocabulary and broaden their horizons. It also enables students to put in practice their theoretical knowledge as many loanwords including neologisms have a cultural component because they refer to political institutions of English-speaking countries studied within theoretical courses.

Key words: French; political language; L'Obs; loanword; Anglicism; Americanism; local colour; neologism.

На занятиях по практическому курсу французского языка в группах студентов, обучающихся на факультете ИМО и СПН по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Политология», широко используются статьи из современной французской прессы (в частности, из еженедельного журнала L'Obs, отличающегося широкой тематикой). Работа с прессой способствует формированию компетенций, необходимых студентам указанных специальностей, а также позволяет увеличить словарный запас, овладеть терминами и клише, свойственными политическому языку и необходимыми для будущей профессиональной деятельности выпускников.

Одна из характерных особенностей французской прессы на современном этапе – использование заимствований из английского языка (англицизмов) и из американского варианта английского языка (американизмов), которые встречаются в материалах разной тематики, в том числе, в статьях, посвященных политике. Процесс заимствования можно объяснить статусом английского языка, который выступает

в качестве средства международного общения. Кроме того, англицизмы и американизмы проникают во французский текст и воспринимаются в нем легче, чем, например, в русском, благодаря латинице. В тексте французской статьи заимствованная лексика обычно выделяется кавычками или курсивом, чтобы привлечь внимание читателя, а значение заимствованных слов поясняется с помощью французской кальки, словарной дефиниции или контекста.

Отметим, что словарь политического спецязыка, как и других языков специальности, содержит не только специальную терминологию, относящуюся к функционированию политической системы, но и общеязыковую лексику, а также пополняется лексикой из других спецязыков и из общенационального языка. Это проявляется и при заимствовании из других языков. Как показал проведенный анализ, большинство заимствований из английского языка во французском политическом языке описывают функционирование политических институтов (*shutdown, checks and balances*) и процедуру выборов (*mid-terms, Super Tuesday*), т.е. являются частью политической терминологии. Некоторые англицизмы и американизмы, применяемые в политике, заимствованы из других спецязыков, например из языка спорта (*pole position, round*), моды (*new look*), Интернета (*followers, Tweet*), а также из социальной сферы (*work couple*). Кроме этого, во французской прессе встречаются цитаты из речей английских и американских политиков («No sport» У.Черчилль, «Make America great again» Д. Трамп).

Среди заимствований можно выделить отдельные слова (*electable*), словосочетания (*purple states*) и фразы («Yes, we can» Б. Обама). Преобладают имена существительные (*score*) и именные словосочетания (*containment policy, smoke and mirror*), что связано с номинативной функцией заимствований.

Некоторые заимствования в сфере политики уже зафиксированы в словарях, т.е. они ассимилировались во французском языке, а их значение понятно читателям (*round, deal, loser*). Подобные заимствования в ряде случаев никак не выделяются на письме, поскольку их значение понятно читателям, следовательно, англицизмы не мешают понимать смысл фразы. В политическом языке также употребляются заимствования-неологизмы, обозначающие актуальные явления, при этом, по данным А.М. Смирновой, многие неологизмы в современном политическом дискурсе относятся к американизмам

[Смирнова 2017, с. 491]. Собранный материал подтверждает это наблюдение. Так, лексическое заимствование – словосочетание *fake news* – ложная информация получило распространение после президентской кампании-2016 г. в США и после того, как его использовал президент США Д. Трамп, говоря о некоторых новостных каналах. Сейчас этот американизм применяется во французской прессе, при этом часто используется в сильных позициях, например в заголовке статьи, посвященной закону о запрете распространения ложной информации, который собираются принять во Франции: «Loi contre les «fake news»: ce que le gouvernement prépare» [L'Obs 13.02.2018]. – Закон против распространения ложной информации: планы правительства. Во многих случаях этот американизм поясняется с помощью французской кальки (*fausses informations*). Словосочетание *fake news* пока находится в процессе грамматической ассимиляции. Чаще всего американизм употребляется с артиклем множественного числа: *les fake news*, однако выявлены случаи использования этого заимствования в форме единственного числа мужского рода (*ce fake news*), что характерно для заимствованных существительных, и женского рода (*une fake news*), очевидно, по аналогии с французским словом *nouvelle* – *новость*, относящимся к женскому роду.

В политической сфере также функционируют неологизмы, созданные по разным словообразовательным моделям, например *la tweet-diplomatie* – *дипломатия, проводимая с помощью публикаций в Твиттере*. В английском языке существует термин *Twitter diplomacy*, который появился в 2011 г. и получил широкое распространение в последнее время, поскольку многие политические деятели используют социальные сети для публикации политических заявлений. Французский неологизм *la tweet-diplomatie* можно назвать калькой английского термина, так как он создан по той же модели из двух компонентов: англ. *tweet* – *послать в Твиттере* и фр. *diplomatie* – *дипломатия*. Сложное слово *tweet-diplomatie* часто употребляется без кавычек и пояснений, поскольку его значение, составленное из значений компонентов, понятно читателю, так как сегодня многие используют Твиттер. В языке политики также можно увидеть неологизмы, созданные с помощью стяжения, понимаемого как слияние двух и более слов с выпадением и возможным наложением букв / звуков в месте соединения. А также неологизмы, образованные путем вложения одного слова / части слова в другое, в результате чего

образуются слова-стяжения (другое обозначение – слова-«гибриды»), начальная и конечная часть которых представлена начальным и конечным фрагментами исходных мотивирующих слов. Ю. П. Ермоленко отмечает экспрессивную окраску и компактность слов, созданных с помощью стяжения [Ермоленко 2007, с. 8]. Слова-стяжения часто связаны с актуальными политическими событиями, например слово *Brexit* – выход Великобритании из ЕС, от *British* и *exit*, а также слова *Grexit* – возможный выход Греции из ЕС и *Frexit* – возможный выход Франции из ЕС, созданные по той же модели. В целом, появление заимствований-неологизмов свидетельствует о продуктивности этого способа пополнения словарного состава французского языка.

Многие заимствования из английского языка, используемые во французском политическом языке, обладают национально-культурной спецификой, обозначая реалии, не свойственные французской политической системе и отсутствующие во французском языке, например:

Celle-ci repose sur un système à trois piliers, exécutif, législatif et judiciaire, censés s'équilibrer (les fameux checks and balances), ces «contrôles et équilibres» institutionnels mis en place par les Pères fondateurs qui se méfiaient du pouvoir personnel (*L'Obs* 21.01.2018).

В этом отрывке из статьи о Конституции США использован американизм *checks and balances*, обозначающий систему сдержек и противовесов, т. е. взаимный контроль исполнительной, законодательной и судебной властей. Подобный принцип взаимозависимости ветвей власти характерен для США, поэтому американизм обладает национальной спецификой, а в тексте выполняет номинативную функцию, выступая в качестве термина. В статье заимствование поясняется с помощью французской кальки с тем же значением – *contrôles et équilibres*, а также с помощью контекста (*un système à trois piliers – система, которая зиждется на трех столпах, censés s'équilibrer – которые, как предполагается, уравновешивают друг друга*).

Национально-культурная специфика отмечается у американизма *shutdown* – временная остановка работы правительства, который использовался в январе 2018 г. при описании финансовых проблем в США. Во французской прессе этот термин пояснялся с помощью кальки *la fermeture partielle des services fédéraux américains* (букв. 'временное закрытие федеральной службы США') и выполнял номинативную функцию, так как использовался в качестве термина.

Национальная окраска также характерна для заимствований, отражающих особенности избирательного процесса. Так, при освещении президентских выборов 2016 г. в США во французской прессе употреблялись американизмы, обозначающие особенности избирательной системы в США (*winner takes all* – *победитель получает всё*) [Шумакова 2017, с. 95].

В приведенных примерах, описывающих реалии США, заимствования с национально-культурной спецификой выполняют номинативную функцию, а также создают «местный колорит». Заимствования с культурным компонентом употребляются и при описании политической ситуации во Франции. Например, англицизм-неологизм *corbynisation*¹ образован от фамилии английского политика Дж. Корбина, действия которого (например, возвращение к консервативному курсу) привели к расколу в рядах лейбористов. В 2017 г. этот термин использовался во французской прессе по отношению к Социалистической партии Франции, которая также оказалась на грани раскола. Положение социалистов во Франции сравнивали с ситуацией, в которой оказались лейбористы в Великобритании, а термин *corbynisation* пояснялся с помощью контекста. Например:

Petit rappel: Jeremy Corbyn, chef du Parti travailliste britannique, a souhaité rompre avec le réformisme de son parti [L'Obs 23.03.2017].

– Напоминание: Джереми Корбин, глава лейбористской партии Великобритании, пожелал порвать с реформизмом в своей партии.

Для понимания заимствованных единиц с культурным компонентом необходима экстралингвистическая информация, поэтому работа с такими заимствованиями позволит применить теоретические знания и расширить кругозор студентов. Как отмечалось выше, кроме англицизмов, относящихся к политической сфере и являющихся частью терминологии, в статьях о политике используются заимствования из других областей, например:

Question: les élections européennes correspondent-elles au meilleur moment pour introduire ce FN new look? [L'Obs 19.01.2018].

– Вопрос: являются ли европейские выборы подходящим моментом для представления партии «Национальный фронт» в новом формате.

¹ В современной французской прессе англицизм *corbynisation* употребляется в нескольких значениях: «раскол партии», «переход партии в оппозицию», «переход партии в ультралевый лагерь».

В этом отрывке говорится о подготовке ультраправой партии «Национальный фронт», возглавляемой Марин Ле Пен, к европейским выборам. Известно, что в течение нескольких лет М.Ле Пен пытается изменить имидж партии, сделать ее менее радикальной, что отражено в данной фразе с помощью англицизма *new look* – *новый облик*, относящегося к сфере моды и выполняющего роль определения. Отметим, что во французском языке встречаются разные варианты написания этого англицизма: *new look*, *new-look* и *newlook*. Это заимствование, составленное из компонентов *new* – *новый* и *look* – *внешний вид, стиль*, обозначает новый стиль одежды, предложенный К. Диором в 1947 г. Однако в результате метафорического расширения значения по сходству (новый стиль в одежде → новый вид, новое представление о чем-либо), данная лексема описывает нечто новое, необычное в других сферах, в данном случае – в политике.

В тексте англицизм выделяется курсивом, чтобы привлечь внимание читателя, однако не поясняется, так как он уже зафиксирован в словарях, и его значение не нуждается в пояснении. Таким образом, используя понятное читателю заимствование, выполняющее информационную функцию, автор показывает, что в партии «Национальный фронт» произошли перемены, но при этом задается вопросом о целесообразности представления партии в новом формате во время европейских выборов.

Проведенный анализ показал, что в статьях о политике англицизмы и американизмы выполняют разные функции: номинативную, информационную, создания «местного колорита», привлечения внимания читателя, и часто используются в сильных позициях текста – в заголовке, подзаголовке, первом и последнем абзацах. Так, во время президентской кампании Д. Трамп использовал слоган *Make America great again* (букв. 'вернем Америке ее величие'). Эта фраза стала популярной, она употребляется и во французской прессе, при этом в некоторых случаях подвергается окказиональным изменениям. Например, статья, посвященная взаимоотношениям США и Китая на современном этапе, озаглавлена «Le programme de Donald Trump? «Make China great again» [L'Obs 07.01.2018] (букв. 'Программа Дональда Трампа? Вернуть Китаю былое величие'). По мнению автора статьи, некоторые противоречивые высказывания Д. Трампа в Твиттере относительно внешней политики снижают доверие к США и способствуют укреплению позиций Китая. В исходной фразе произошла замена компонента

(America → China), в результате чего высказывание стало более экспрессивным, а также приобрело ироничный оттенок, поскольку действия Д. Трампа оказываются выгодными для Китая, а не для США. Слоган не переводится, поскольку он хорошо известен, но значение окказионально-трансформированной фразы поясняется в первом предложении статьи.

C'est la blague à la mode à Pékin, où l'on s'amuse beaucoup de la tweet-diplomatie du président des Etats-Unis, qui bénéficie d'abord à... la Chine, modèle, en comparaison, de respectabilité et de mesure.

– Это модная шутка в Пекине, где смеются над дипломатией в Твиттере, проводимой президентом США. Подобная дипломатия выгодна, прежде всего ... Китаю, который выглядит при сравнении образцом авторитетности и сдержанности.

Употребление популярного высказывания, подвергшегося окказиональной трансформации, в сильной позиции текста – заголовке – привлекает внимание читателя и позволяет передать ироническое отношение автора к политике Д. Трампа.

В целом, на современном этапе заимствования из английского языка характерны для политической лексики французского языка, что особенно ярко проявляется в языке французской прессы. Мы полагаем, что работа с текстами, содержащими заимствования, позволит увеличить словарный запас, а также расширить кругозор студентов и актуализировать их теоретические знания, так как многие заимствования, включая неологизмы, содержат национально-культурный компонент, поскольку обозначают политические реалии англоязычных стран, с которыми студенты знакомятся на лекциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ермоленко Ю. П.* Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
- Смирнова А. М.* Неологизмы в современном франкоязычном дискурсе (на материале газет «Le Monde», «Le Figaro»): материалы Междунар. науч.-практ. конф. 19–21 октября 2017 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ. 2017. С. 487–494.
- Шумакова А. Н.* О национально-культурной специфике фразеологических единиц, использовавшихся во французской прессе при освещении

президентской кампании 2016 г. в США (на материале журнала L'Obs) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 3 (774). С. 87–101.

URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/3_774.pdf

L'Obs. Paris. URL: www.nouvelobs.com

Л. В. Яроцкая

доктор педагогических наук, доцент, профессор МГЛУ; профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия МГЛУ; e-mail: lyvar@yandex.ru

**«ДИАЛОГ СМЫСЛОВ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРАВОВОМ
ПРОСТРАНСТВЕ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ОСВОЕНИЯ**

В современных условиях международное сотрудничество становится зоной особой ответственности юристов, представляющих различные правовые культуры. Однако, как показывают события последних лет, профессиональный диалог «на рубеже культур» нередко заходит в тупик: юристы исходят не только из разных культурно-исторических, но и ментальных оснований и нередко имеют свою систему «неписаных законов». Осознание данного обстоятельства обуславливает необходимость выявления, освоения и учета этих «скрытых смыслов» в практической деятельности современного юриста; и предлагаемая статья посвящена аргументации данной позиции.

Уже на уровне работы с терминологическим аппаратом становится очевидно, что юриспруденция настолько органично «вплетена» в национально-культурную «ткань» социума, что при формировании готовности юриста к работе в межкультурном правовом пространстве речь должна идти не столько об освоении «языка специальности», сколько об освоении «языка общественного сознания»: в таком случае открывается возможность обеспечить адекватную перцепцию партнера по коммуникации – основу конструктивного профессионального общения. В этой связи встает вопрос о надежных источниках и способах извлечения релевантных «смыслов» о национально- и социокультурном «измерениях» правовой культуры страны / стран изучаемого языка.

Специальное исследование показывает, что значительным потенциалом в этом отношении обладает юридический педагогический дискурс, позволяющий провести экспликацию современной профессиональной личности юриста на основе анализа логики формирования профессиональной личности в правовой культуре страны / стран изучаемого языка. Такая возможность обусловлена спецификой образовательной деятельности: стратегия и технология обучения, отражая в сфокусированном виде актуальный социальный заказ в отношении подготовки юридических кадров, позволяют понять существенные установки профессии, определить действительные, а не декларируемые приоритеты и ценности правовой культуры социума.

В результате проведенного анализа исследованы методологические основания метода Сократа и *case study* – важнейшие профессиональные инструменты современного юриста; установлены «скрытые измерения» базовых деятельностно-коммуникативных установок юристов, представляющих разные правовые культуры; обнаружены значимые смысловые различия в используемых ими фундаментальных понятиях. Это позволило сделать вывод о том, что в современных условиях

«диалог смыслов» приобретает статус необходимого профессионального инструмента современного юриста, и формирование соответствующей перцептивной готовности должно стать приоритетным направлением педагогических усилий в магистерском курсе «Иностранный язык в сфере юриспруденции».

Ключевые слова: «диалог смыслов»; межкультурное правовое пространство; межкультурное профессиональное общение; педагогический дискурс; правовая культура; экспликация профессиональной личности; юриспруденция.

L. V. Yarotskaya

Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Associate Professor, MSLU Professor; Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law, Institute of International Law and Justice, MSLU;
e-mail: lvyar@yandex.ru

“DIALOGUE OF SENSES” IN AN INTERCULTURAL LEGAL FRAMEWORK AS AN URGENT RESEARCH OBJECT

At present, international cooperation is becoming increasingly dependent on lawyers representing different legal cultures. But recent developments in the sphere show that professional dialogue “on the edge of cultures” is not rarely gridlocked: lawyers do not only proceed from diverse cultural and historic bases but also have culture-specific mentality and an entire system of unwritten codes inherent in their activity. Growing awareness of the fact leads to recognizing the necessity to uncover, understand and keep in mind those “implicit senses” while doing work as a lawyer facing the challenges of the day.

It is already apparent from legal terminology that jurisprudence is so inextricably entwined with national culture in the “canvas of time” that preparing a lawyer for communication in an intercultural legal framework proves to be far more than just learning the language of profession; it is mastering the “language” of culture-specific social perception. In that case, it becomes possible to adequately perceive the counterpart in intercultural professional interaction, which is the underlying condition of efficient professional communication. Another problem that arises in the context is that of obtaining reliable sources and finding ways of extracting relevant “senses” concerning the national and socio-cultural “dimensions” of the target language country’s / countries’ legal culture.

Special research shows that a good source that remains largely untapped is legal pedagogical discourse; it allows to explicate the typical legal profession representative of today through analyzing the logic of a student growing into a professional in the target language country’s / countries’ legal culture. The possibility results from the specific character of pedagogical activity: meeting the current social demand for members of the legal community, the strategy and technology of profession-related training reflect the essentials of that profession and unfold the procedure of its mind-setting, thus making explicit actual but not declared-only priorities and values of the target language country’s / countries’ legal culture.

The investigation provided information about the methodological basis of the Socratic method and case study – a present-day lawyer's major professional instruments; about “covert dimensions” in legal profession communication-and-operation imperatives, that prove to be culture-specific; about meaningful differences in fundamental notions used by lawyers representing different legal cultures. The results of the analysis led to the conclusion that at present, the “dialogue of senses” evolves into a lawyer's necessary professional instrument, and developing an adequate perception basis should be among of the priorities in the masters' course of “Legal Foreign Language.”

Key words: “dialogue of senses;” intercultural legal framework; intercultural professional communication; pedagogical discourse; legal culture; professional entity explication; law.

Введение

Существует мнение, что «межкультурное измерение» профессионального общения, опирающееся на функциональную общность проблем, с которыми сталкиваются специалисты в конкретной области, в целом свободно от «конфликта взаимного непонимания», ведь хотя партнеры по межкультурной коммуникации и представляют различные лингвосоциумы, их объединяет осваиваемая предметная область / профессия, а специальное знание, как известно, в значительной степени интернационально. Для многих сфер деятельности это утверждение, вероятно, вполне справедливо, однако состояние международного профессионального «диалога» юристов в последние годы свидетельствуют, скорее, о «функциональных расстройствах», чем об общности в понимании ими актуальных «функциональных смыслов» профессии: юристы, представляющие различные правовые культуры, сегодня, как никогда, далеки от взаимопонимания. Тому, безусловно, есть целый ряд причин, среди которых, с нашей точки зрения, особое место занимает проблема смыслообразующих профессиональных мотивов как важнейший аспект межкультурных различий в современных правовых «картинах мира» юристов.

Как известно, правовые культуры, как органичная часть общего культурного развития социума, прошли долгий исторический путь и несут на себе заметный отпечаток национальной культурной традиции. В этой связи неудивительно, что исследователи, занимающиеся проблемами межкультурных различий в правовой сфере как значимым фактором иноязычного профессионального общения юристов, выносят на повестку дня вопрос о коллизии правовых культур

[Алейникова 2018], одним из ощутимых проявлений которой, с нашей точки зрения, является перцептивная неготовность коммуникантов к диалогу. Действительно, «уровень ожиданий» в отношении друг друга, определяемый перцепцией партнеров по межкультурной коммуникации, сегодня оказывается неадекватным масштабу обозначившихся в правовой сфере проблем: юристы исходят не только из разных культурно-исторических, но и из ментальных оснований и нередко имеют свою систему «неписаных законов». Осознание данного обстоятельства подтверждает необходимость выявления, освоения и учета этих «скрытых смыслов» в практической деятельности современного юриста; и дисциплина «Иностранный язык» обладает значительным потенциалом в этом отношении.

«Диалог смыслов» как объект исследования

Уже на уровне работы с терминологическим аппаратом становится очевидно, что юриспруденция настолько органично «вплетена» в национально-культурную «ткань» социума, что вне этого социума она становится некой абстракцией. Поэтому в образовательном контексте речь должна идти, на наш взгляд, не столько об освоении «языка специальности», что нам привычно и понятно, сколько об освоении «языка общественного сознания»: в этом случае открывается возможность обеспечить адекватную перцепцию партнера по коммуникации – основу конструктивного профессионального общения [Яроцкая 2018, с. 116]. Вместе с тем встает вопрос о надежных источниках и способах извлечения релевантных «смыслов» о национально- и социокультурном «измерениях» правовой культуры страны / стран изучаемого языка. При этом важнейшим объектом анализа становятся ключевые детерминанты, определяющие деятельностно-коммуникативные потребности типичного представителя данной профессии в лингвосоциуме.

Специальное исследование данного вопроса показывает, что одним из ценнейших ресурсов для извлечения подобной информации является юридический педагогический дискурс, позволяющий провести экспликацию современной профессиональной личности юриста на основе анализа логики формирования профессиональной личности в правовой культуре страны / стран изучаемого языка. Такая возможность обусловлена спецификой образовательной деятельности: стратегия и технология обучения, отражая в сфокусированном виде

актуальный социальный заказ в отношении подготовки юридических кадров, позволяют понять существенные установки профессии, определить действительные, а не декларируемые приоритеты и ценности правовой культуры социума [Яроцкая 2018].

Так, например, в ведущих университетах США в качестве важнейших педагогических техник подготовки юристов принято считать метод Сократа и *case study*, используемые, как известно, во многих странах мира (хотя и не везде с одинаковой эффективностью). Они же являются и объектами целенаправленного освоения будущими американскими юристами, поскольку относятся к категории значимых инструментов их профессиональной деятельности [Law in the United States 2006]. При этом и метод Сократа, и *case study* настолько «изучены» педагогическим сообществом в последние десятилетия, что вряд ли способны вызвать дальнейший исследовательский интерес. Однако лингвосоциокогнитивная экспликация вышеупомянутых методов показывает, что они приобретают принципиально иную направленность в различных правовых культурах и поэтому не поддаются прямому кросскультурному переносу. В частности, в отечественных источниках метод Сократа принято определять как метод отыскания истины путем наводящих вопросов, а применительно к юриспруденции – это установление истины по делу, т. е. в качестве искомого выступает истина, что нельзя признать случайным для нашей культуры, в которой истина, правда относятся к числу ключевых понятий [Советский энциклопедический словарь 1985, с. 1233]. Учтем также акцент нашей философской мысли на таких свойствах истины, как ее объективность и конкретность, что достаточно гармонично вписывается в отечественную культурную традицию. Для сравнения – в американском юридическом дискурсе метод Сократа трактуется как поиск юридического решения посредством направленной дискуссии, т. е. истина подменяется юридическим решением [Law in the United States 2006]. Такую замену, конечно же, нельзя признать равноценной, особенно учитывая сложившуюся в США практику прагматически мотивированных соглашений между сторонами обвинения и защиты (вынужденное признание вины для снижения тяжести наказания, что снимает необходимость дальнейшего расследования и позволяет обвинению сконцентрироваться на «процедурных вопросах», а не на выяснении истинного положения дел). Сложилась парадоксальная ситуация: Сократ, именем которого назван метод, и его ученик Платон

критиковали, в частности, софистов именно за их отказ от поиска истины в пользу прагматических рецептов поведения – по существу, за то, что мы наблюдаем в современной американской юридической практике.

«Скрытые смыслы» определяют и специфику использования техники *case study* в существующих моделях подготовки юридических кадров. В результате анализа выясняется, что термин *case study* фактически оказывается формальным коррелятом понятий, представленных в «картинах мира» юристов из разных правовых систем. Не случайно Н. П. Хомякова, дифференцируя понятия *case study* и *cas pratiques*, обосновывает *cas pratiques* как особую технологию, ориентированную на франкофонов [Хомякова 2011]. В этой связи примечателен комментарий Чарльза Ф. Абернати, американского педагога-исследователя в области юридического образования, который полагает, что в профессиональной деятельности юристов США *case study* – это инструмент развития американской юридической культуры, в то время как для правоведов, представляющих континентальное право, – это способ воспроизведения доктрины; соответственно, в педагогическом контексте для американцев *case study* – это технология освоения способа деятельности и юридического мышления, для европейцев – это прежде всего метод уяснения доктрины как некоего теоретического конструкта – огромная разница [Law in the United States 2006].

Еще более показательным для профессионального смыслообразования будущих американских юристов, с нашей точки зрения, является процедура освоения ими техники *case study* как инструмента профессиональной деятельности: изучение техники начинается с актуализации «поля неопределенности» (*ambiguity*), в том числе с целенаправленных попыток осознать источники этой неопределенности (*sources of ambiguity*); при этом *ambiguity* рассматривается в качестве «потенциала для расширения возможностей» существующей системы, поскольку благодаря этому качеству образуется некий «зазор» между реальностью и возможностью, по мнению американских юристов, важный ресурс развития права. Затем в «поле неопределенности» выявляются проблемные зоны и в ходе направленной дискуссии (вспомним в этой связи метод Сократа) устанавливаются критические точки – потенциальные «точки роста» и развития права (в том числе с учетом актуальной социально-политической ситуации) [Law in the United States 2006]. В этом контексте необходимо заметить, что

признаком «качественного» права, как национального, так и международного, считается, напротив, правовая определенность, и принцип правовой определенности относится к числу ведущих в современном праве. Американские юристы вовсе не отрицают этого, однако признавая и поддерживая этот принцип в профессиональном сообществе, они в то же время готовят свои кадры к работе прежде всего с «полем неопределенности». Неоднозначность такого подхода оказывается скрытой на уровне профессиональной деятельности, но обнаруживается при экспликации модели обучения студентов, получающих юридическое образование в США.

Подобные «скрытые измерения» базовых деятельностно-коммуникативных установок юристов, представляющих разные правовые культуры, обнаруживаются и в самых распространенных понятиях, что обуславливает необходимость их специального исследования. Так, например, «санкционные войны» последних лет, очевидно подрывающие основы международного правосудия, по сути, послужили своеобразным «катализатором» в процессах обозначившихся флуктуаций в понятийном аппарате юристов-международников, что является отражением уже новой реальности, требующей, с нашей точки зрения, предметного обращения к таким базовым понятиям, как суверенитет, национальная идентичность, справедливость и в этом контексте – демократия, демонстрирующим все признаки «динамики» своего содержания. Это важно, поскольку взаимопонимание партнеров по межкультурному общению оказывается проблематичным, если не обеспечить общее для коммуникантов значение происходящего в «межкультурном измерении».

Заключение

Таким образом, в современных условиях «диалог смыслов» приобретает статус необходимого профессионального инструмента современного юриста. Формирование соответствующей перцептивной готовности, по нашему убеждению, должно стать приоритетным направлением педагогических усилий в магистерском курсе «Иностранный язык в сфере юриспруденции», когда у студентов в общих чертах сложились юридическая «картина мира» и культура логических рассуждений на предметно специализированном материале, когда достигнут базовый уровень межкультурной иноязычной профессиональной (коммуникативной) компетенции, что позволяет решать

задачи, требующие комплексного лингвистического, философского и юридического анализа актуальных вопросов современной юридической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алейникова Д.В.* О стратегических аспектах межкультурной коммуникации в юридической среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 1 (790). С. 10–16. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/1_790_2018.pdf
- Советский энциклопедический словарь / глав. ред. А. М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия, 1985. 1600 с.
- Хомякова Н.П.* Контекстная модель формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыкового вуза (французский язык) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 480 с.
- Яроцкая Л.В.* Лингводидактические основы формирования профессиональной личности современного юриста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. Вып. 1 (790). С. 114–120. URL: libranet.linguanet.ru/prk/Vest/1_790_2018.pdf
- Law in the United States. American Casebook Series / Charles F. Abernathy. USA : Thomson West, 2006. 720 p.

УДК 26821.511.111

Н. С. Братчикова

доктор филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации в области политологии Институт международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: n.bratchikova@mail.ru

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ФИНЛЯНДИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

**(на примере религиозно-просветительской деятельности
епископа Паавали Юстена)**

В статье описывается состояние духовной культуры в Финляндии во второй половине XVI в. Религиозная литература представлена в творческом наследии епископа Паавали Юстена (1516–1576), который является преемником великого Реформатора Финляндии Микаэля Агриколы. П. Юстен пропагандировал христианское учение, издавая труды Отцов Церкви на латинском и финском языках. Он вошел в историю финской культуры как автор «Хроник епископов Финляндских», позволивших изучить историю христианизации страны. Труды епископа учитывали национальные особенности северных приходов, например в церковный календарь был включен святой Хенрик, покровитель восточной Финляндии. Для епархиального собрания в 1573 г. Юстен составил на латыни Синодальные статуты, ставшими практическим руководством для приходских священников. Основным содержанием аспектом в них, помимо четкого перечисления занятий, присущих церковному сану, было указание на необходимость проведения среди населения просветительской работы, борьба с языческими верованиями – колдовством и магией, столь распространенными в те времена в народе. Ученый епископ обратил внимание на психологический облик местного населения. Жизнеописание финляндских священников под названием «Хроника епископов финляндских» является «самым важным произведением» священника Юстена, позволившее впоследствии назвать его «первым историком Финляндии». Манускрипт Юстена можно в определенной мере отнести к риторическому тексту, цель которого была показать незыблемые позиции христианской церкви в Финляндии. Незыблемость евангелической церкви в Финляндии раскрывается через описание конкретных эпизодов, новшеств и фактов. Рассматриваемый исторический документ имел прагматическую цель – пропаганду христианства, не принимая при этом значения и роли монарха. Юстен решает своей «Хроникой» триединую задачу, во-первых, информирует общество о делах в церкви; во-вторых, выявляет задачи, которые стоят перед церковью (повышение уровня образования, совершенствование морального облика священника) и перед

светской властью (поддержка, в том числе финансовая, деятельности церкви) и, в-третьих, соблюдает протольно-этикетные требования, обусловленные этикой взаимоотношений в системе взаимоотношений высшего сана и подчиненного.

Описывая жизнь священников, автор старался представить кодекс христианского священника, в котором приоритетны такие качества, как высокая нравственность, добросовестность, благотворительность, заботливость, мудрость и организаторские способности. Текст жизнеописаний несколько напоминает панегирическую литературу, которая создавалась, в том числе, в связи с потребностью в покровительстве сильных и знатных людей.

Юстен славословит короля, восхваляя его мудрость и обращаясь к нему с глубоким почтением. Восторженное и благоговейное отношение к монарху было, скорее всего, связано с ощутимой зависимостью церкви от милостей двора. Поступки монарха нарочито превозносятся, почти героизируются, хотя сам монарх не являлся ревностным сторонником и защитником церкви, рассматривая ее как неотъемлемую часть механизма власти.

Верноподданнические чувства составителя «Хроники» позволяют ему представить свою модель идеального церковно-государственного устройства, в котором все институты власти находятся в полной гармонии, что отсутствовало в реальных условиях жизни страны. Возвеличивание деяний короля делается в назидание последующим правителям, которым надо одушевить свою деятельность любовью к церкви и заботой о ней.

В середине 1570-х гг. был одобрен финский служебник, составленный епископом Турку Паавали Юстеном «Святая Месса, надлежащим образом в финском городе Турку на финском языке составленная по обычаю не папскому, но евангельскому и христианской общиной /одобренному/». Это был второй требник на финском языке после составленного М. Агриколой. Молитвенник включал в себя переведенные религиозные тексты. Переведенная религиозная литература являла собой, в том числе, авторское размышление по поводу учений известных европейских реформаторов. Месса велась на национальном языке, что свидетельствовало о повышении его статуса.

Ключевые слова: духовная культура; епископ финляндский; христианизация страны; переводная литература; хроника; богослужение на национальном языке; литургия; историография Финляндии.

N. S. Bratchikova

Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Professional Communication in Political Science Institute of International Relations and Socio-Political Sciences MSLU; e-mail: n.bratchikova@mail.ru

**TO THE QUESTION OF STUDYING THE SPIRITUAL CULTURE
OF FINLAND OF THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY
(on the example of the religious-educational activity
of the Bishop Paavali Justen)**

The article describes the state of spiritual culture in Finland in the second half of the 16th century. Religious literature is shown in the creative heritage of Bishop Paavali Justen (1516–1576), who is the successor of the great Reformer of Finland Mikael Agricola. P. Justen promoted the Christian teaching, publishing the works of the Fathers of the Church in Latin and Finnish languages. He is known in the history of Finnish culture as the author of the “Chronicle of the Bishops of Finland”, in which he studied the history of the Christianization of the country. The author of the book took into the consideration the national peculiarities of the northern areas, for example, the St. Henrik's life, patron of eastern Finland, was mentioned in the church calendar. For the diocesan assembly in 1573, Justen made the Synodal Statutes in Latin, which became a practical guide for parish priests. The main content aspect of them was an indication of the need for educational activities among the population, the struggle with pagan beliefs – witchcraft and magic. The bishop paid attention to the psychological appearance of the local population. “The Chronicle of Finnish Bishops” is the “most important work” of the priest Justen, which later allowed him to be called “the first historian of Finland”. The inviolability of the evangelical church in Finland is revealed through the description of specific episodes, innovations and facts. Describing the life of priests, the author tried to present the code of the Christian priest, in which such qualities as high morality, conscientiousness, charity, diligence, wisdom and organizational abilities are prioritized. The text of biographies somewhat resembles panegyric literature, which was created, in particular, in connection with the need for the protection of strong and noble people.

Justen praises the king, praising his wisdom and addressing him with deep respect. The enthusiastic and reverential attitude towards the monarch was connected with the perceptible dependence of the church on the favors of the court.

In the mid-1570's was published The prayer book that included translated religious texts. Translated religious literature was the author's reflection on the teachings of famous European reformers. The book was written in the national language, that demonstrated an improved status of the Finnish language.

Key words: spiritual culture; bishop of Finland; Christianization of the country; translated literature; chronicle; worship in the national language; liturgy; historiography of Finland.

Духовная культура Финляндии изучается через историю христианизации населения, знакомства с письменной литературой Финляндии, истоки которой находятся за пределами страны. Памятники литературы второй половины XVI в. представляют собой религиозные тексты, пропагандировавшие христианское (сначала католическое, а затем лютеранское) мировоззрение, законодательные акты и произведения

дидактического характера¹. Большинство текстов оформлялось на латинском языке, который в средневековом европейском пространстве использовался как язык *lingua franca*.

В этой связи особого внимания заслуживает религиозно-просветительская деятельность епископа Паавали Юстена (Juusten, 1516–1576) (в русской историографической традиции Павел Юстен)².

Литературное наследие епископа Юстена включает богослужебные книги, проповеди, литургические тексты, оформленные на латинском и финском языках. Для епархиального собрания в 1573 г. Юстен составил на латыни Синодальные статуты, ставшими практическим руководством для приходских священников. Основным содержательным аспектом в них, помимо четкого перечисления занятий, присущих церковному сану, являлось указание на необходимость проведения среди населения просветительской работы, борьба с языческими верованиями – колдовством и магией, столь распространенными в те времена в народе.

Ученый епископ обратил внимание на психологический облик местного населения, который явно противоречил идеалу христианина и которому были присущи такие черты, как «крайний индивидуализм, скрытность, недоверчивость к чужакам, неумение, да и нежелание

¹ В Финляндии книги католического периода, напечатанные на бумаге, не сохранились, так как они не представляли ценности для последующего, лютеранского, этапа истории [Карху1979, с. 51]. Пергаментные листы некоторых рукописей, которые, как выяснилось позже, были духовного содержания, использовались как прочный переплетный материал для канцелярских документов, что и позволило им сохраниться для истории. Специалисты-филологи полностью реконструировали пергаментную книгу «*Missale Aboense*» (1488), изданную в Любеке специально для Финляндии по заказу епископа Конрада Битца [Häkkinen 2007, с. 24]. Это инкунабула содержит тексты месс ордена доминиканцев, а также молитвословия, закрепленные финской католической церковью, календарь местных усопших святых, с указанием в нем святого Хенрика.

² В 1554 г. король Швеции Густав Ваза назначил первым епископом Выборга Паавали Юстена. Это было сделано для сдерживания и ограничения власти епископа Туруской епархии Микаэля Агриколы. В 1563 г. по приказу короля Швеции Эрика XIV П. Юстен стал во главе епархии Турку после того, как брат Эрика XIV король Иоанн (Юхан) III был заточен в замке, а преемник Агриколы епископ Пиетари Фоллингиус был отстранен от занимаемой должности.

пользоваться вербальными средствами коммуникации, крайней обидчивостью и вспыльчивостью, что находило выход в спорадических, подчас немотивированных вспышках гнева и насилия, но также и в неумеренном употреблении алкоголя, в то время как в более обжитых прибрежных районах юго-запада страны эти черты были менее выражены: лесная глушь и насилие были неразрывно связаны друг с другом»¹. Юстен активно призывал священников не предаваться унынию, столкнувшись с мрачными условиями действительности, а собственным примером стать достойным образцом поведения. Каким бы нелицеприятным и угнетающим не был бы психологический облик финнов, нарисованный епископом Юстеном, он представляет собой ценный источник информации.

Жизнеописание финляндских священников под названием «Хроника епископов финляндских» («Chronicon et ordinaria successio episcoporum Finlandensium») – «самое важное произведение» священника Паавали Юстена, позволившее впоследствии назвать его «первым историком Финляндии» [Heininen 1988, с. 13]. «Хроника» оказала огромное влияние на дальнейшее развитие финской культуры и инициировала дальнейшее развитие историографической науки² в Финляндии.

Произведение Юстена было впервые опубликовано только в 1728 г. Через 56 лет великий финский просветитель Г. Портан осуществил переиздание «Хроники» (1784–1800), снабдив его критическими комментариями. К «Хронике» Юстена ученые неоднократно обращали свое внимание, желая досконально изучить историю христианства в Финляндии. История страны представлена с учетом политических событий и процессов, происходивших за пределами территории Финляндии [Heininen 1988, с. 22]. Ценность «Хроники» усиливалась ее источниковой базой: сведения об епископах и их деятельности черпались из рукописи под названием «Черная книга», составленной в 1470-е гг. и сохранившей записи событий в епархии Турку [Heininen 1988, с. 23–24].

¹ После посещения восточной части Финляндии в 1556 г. Густав Ваза, завещая своему сыну Юхану в наследство Финляндское княжество, предостерегал последнего от контактов с местным населением, которое шведский король называл «грубым, неотесанным и необузданным» [цит. по: Макаров 2007].

² Ее «отцом» считается историк, профессор риторики Генрих Габриэль Портан (Henrik Gabriel Porthan, 1739–1804) [Вихавайнен 2004, с. 471, 477].

Епископ также использовал исторические сочинения братьев-католиков Юханнуса и Олаус Магнусов¹ [Heininen 1988, с. 21].

Подтверждая достоверность сведений в «Хронике», Юстен писал: «Я собрал имена и биографии епископов Финляндии в том виде, в коем наши предшественники их записали и оставили [Juusten 1988, с. 38]. Сюжеты о каждом епископе, которым составитель труда присваивает порядковые номера, разновелики по объему. Это связано именно с возможностью или отсутствием таковой опираться на достоверные источники информации, подтверждающие историческую реальность конкретного исторического деятеля. Жизнеописания первых десяти епископов Финляндии являются предельно краткими: они содержат лишь скупые указания на места их рождения и захоронения. В качестве примера приведем сюжеты по двум католическим епископам – Фольквинуса и Рагвальда II.

Фольквинус в Жизнеописаниях представлен как третий епископ города Турку: «Господин Фольквинус, урожденный швед, ранее был каноником в Упсале. У нас нет сведений о том, как долго пустовал епископский престол после мученической смерти святого Хенрика, а также как долго эти двое его преемников служили епископами. Поэтому мы вынуждены обойти молчанием их времена, кроме того,

¹ Братья Магнусы являются значимыми фигурами в культурном пространстве Скандинавии и Европы. В 1523 г. король Швеции Густав Ваза назначил Юханнуса Магнуса архиепископом Упсалы, но по ряду причин Папа Римский не поддержал этого назначения. Братья являлись ревностными католиками и выступали за сохранение католицизма в Швеции. По политическим мотивам оба были вынуждены покинуть Швецию и скитаться по Европе, проживая в Польше, Нидерландах, Германии и Италии. Братья стали заниматься наукой, оставив духовную карьеру. Юханнус остался в истории европейской культуры как автор авторитетной книги «История готы и свеэв», Олаус – как составитель книги «История северных народов» (*Historia de Gentibus Septentrionalibus*), впервые изданной в 1555 г. в Риме. Книга является бесценным источником информации о традициях народов Севера – шведов, норвежцев, лопарей (саамов) и финнов. (Братья Магнусы и их Швеция. Старые карты. URL: old-maps.livejournal.com/2295.html). Олаус составил одну из самых ранних и наиболее достоверных карт Северной Европы, известную как «Морская карта и изображение северных земель» (*Carta marina et descriptio septemtrionalium terrarum*), которая была опубликована в Венеции в 1539 г. [Савельева 1983].

что около 1198 г. русские спалили Выборг. Это случилось на Троицу» [Juusten 1988, с. 40–41].

Как видим, в разделе отсутствует документальная информация. Сюжет предельно лаконичен. В нем не представлены конкретные итоги деятельности епископа. Скорее всего, раздел о деяниях господина Фольквинуса нужен только для соблюдения последовательной нумерации епископов и поступательного изложения событий истории.

Таким же кратким выглядит жизнеописание Рагвальда, десятого епископа Турку: «Господин Рагвальд, родом с Аландских островов, был сначала каноником в Турку. Рукоположен в сан епископа в Стокгольме. В 1317 г. во времена епископа Рагвальда был построен замок в Куусисто. В том же году шведский король Биргер коварно заманил и заточил в подземелье своих братьев-герцогов, где они были умерщвлены вечером в день святого Дамасия (11 декабря)¹. Следующим годом русские сожгли город Турку² и разграбили кафедральный собор. Господин Рагвальд упокоился в лето Господне 1321. Следующим годом войско русских под предводительством великого князя Юрия окружило Выборгскую крепость» [там же, с. 42].

Представляя жития епископов, Юстен показывает, «как церковь возрастала, при каком епископе и при каких обстоятельствах совершались важные перемены в положении духовенства, обновлялось учение, изменялись церковные обряды, а также какие события происходили в тот или иной период» [там же, с. 38]. Юстен не критикует католический период, не противопоставляет его новому, лютеранскому. Он соблюдает метод великого сподвижника Реформации Филиппа Меланхтона (Melanchton, 1497–1560)³, выражавшегося в стремлении сохранить единство христиан. Описывая конкретные дела церковных сподвижников, Юстен демонстрирует достижения финской церкви.

¹ Дамасий I – епископ Рима. Первый из римских епископов стал называть себя Папой. Дамасий привел в порядок христианские катакомбы, заменил в литургии греческий язык латынью, поручил св. Иерониму Стридонскому перевод Библии, который впоследствии стал известен как Вульгата. После смерти 11 декабря 384 г. был причислен к лику святых (wikipedia.org/wiki).

² Турку – шведское название Або; в русских летописях упоминается как город Людерев Сумьского князя и епископа [Стриттер 1801, с. 225].

³ Меланхтон является преемником Лютера, систематизатором лютеранской теологии. Свою позицию по отношению к истории Церкви, ее подвижникам он выразил в сочинении «О Церкви и об авторитете Слова Божиего» (1539) (www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/.../MELANHTON_FILIPP.html).

Через биографии своих предшественников, в том числе последнего католического, двадцать четвертого, епископа Мартина (Мартти) Шютте (Skytte, 1480–1550, который «славился выдающимся благочестием, умеренностью, скромностью и целомудрием» [Juusten 1988, с. 56], первого лютеранского епископа Микаэля Агриколы (Agricola, 1510–1557), Юстен рассказал о переменах в жизни страны и церкви, о стремлении подчинить церковь государству, выразившемся в самоличном королевском утверждении прелатов кафедральных соборов Швеции на епископское место¹. Впредь этот пост стал именоваться «ординарием», т. е. «назначенцем» [там же, с. 60]; в разделе Финляндии королем Густавом Вазой на две епархии с центрами в Турку и Выборге²; о приоритете государственной власти над церковной, что выражалось в епископских обязанностях «не нарушать общественное спокойствие и порядок, выказывать послушание, преданность и уважение в отношении законной власти, усердно исполнять свои обязанности, призывать остальных к тому же, и иметь бдительность, ища во всем славы Божией и заботясь о спасении других» [там же, с. 60].

Из жизнеописания Агриколы следует, что финляндский епископ «с превеликим усердием и любовью наставлял молодежь», «работал на благо остальной христианской общины». В бытность ректором кафедральной школы он издал часослов, т. е. молитвенник, на финском языке, который «отныне ежедневно каждый финн берет в руки» [там же, с. 59]. Агрикола выполнил перевод на финский язык Нового Завета, напечатал Псалтирь, который, как педантично отмечает епископ Юстен, «был полностью переведен в кафедральной школе Турку в бытность в ней ректором Паавали Юстена³. Последний велел учащимся ради упражнений в стиле заниматься время от времени переводом псалмов, как это делал присноблаженный доктор Лютер. Он [Юстен] слушал и правил переводы на финский язык в те часы, когда предписывалось принимать и проверять письменные работы учеников;

¹ Ранее подобные утверждения производил Папа Римский, для чего прелатам приходилось непосредственно «обращаться в римскую курию».

² Эта мера вызвала недовольство некоторых, в том числе М. Агриколы, священников [Juusten 1988, с. 60].

³ По указанию короля Густава Вазы, который был недоволен слишком большой независимостью Агриколы, ректорское место было отдано Паавали Юстену, за Агриколой было оставлено звание капитульного каноника с соответствующим уменьшением доходов [цит. по: Макаров 2007].

зачастую он занимался этим также у себя в комнате в послеобеденное время. Однако не всё ли равно, под чьим именем издан труд, потому как он был сотворен ради блага народа Финляндии» [Juusten 1988, с. 60]. В последних строках чувствуется горькая обида автора «Хроники» о том, что его имя как исполнителя столь ответственной миссии нигде не упоминается, однако он старается заглушить личную обиду и превознести благое дело. Документ заканчивается жизнеописанием преемника великого Реформатора епископа Паавали Юстена¹.

Манускрипт Юстена можно в определенной мере отнести к риторическому тексту, который имеет «информирующую, убеждающую и протокольно-этикетную направленность» [Голышкина 2014, с. 47].

Инвентивный этап создания текста заключался в информировании последующих поколений о прожитых финским обществом и церковью периодах истории, при этом автор осмысляет содержание прошлых столетий. Автор декларирует на примере жизнеописания конкретных епископов позитивный опыт церкви.

Незыблемость евангелической церкви в Финляндии раскрывается через описание конкретных эпизодов, новшеств и фактов: учреждение должностей каноников, настоятеля кафедральной церкви, формирование церковных обрядов, введение митра и жезла как элементов одеяния финляндских епископов, приобретение теологической литературы [Juusten 1988, с. 43], возведение монастыря в Наантали, постройка капеллы Святого Георгия в кафедральном соборе Турку, алтарей, введение пребенды, создание приходов [там же, с. 45, 46].

Можно смело утверждать, что рассматриваемый исторический документ имел прагматическую цель – пропаганду христианства, не принимая при этом значения и роли монарха. Как иначе можно объяснить лишь беглое замечание по поводу удручающих результатов политики подчинения церкви государству – ее оскудению, потери интереса к ней простого населения. Автор жизнеописаний говорит обиняком о существовавшей бедности в церкви, в частности о «богослужении,

¹ В жизни двух знаменитых епископов произошли любопытные совпадения. Обоим в разное время пришлось по приказу короля отправиться в Россию в составе дипломатической миссии. В 1557 г. Агрикола отправился в Москву, чтобы «усмирить волнение, вызванное войной» [Juusten 1988, с. 61]. Поездка была удачной, посольство добилось заключения мира с русским царем, но на обратном пути епископа Агриколу «одолела внезапная хворь» и он «упокоился в Господе в деревне Кюрённимию прихода Уусикиркко» [там же, с. 61].

которое совершается без великой пышности и блеска былых времен, когда оно прямо-таки ослепляло и ошеломяло пришедших в храм» [Juusten 1988, с. 57]. В фрагменте о земном пути «двадцать четвертого епископа Финляндского достопочтимого господина Мартти (Мартина) Шютте» есть следующий комментарий: «Но как при других епископах положение и авторитет духовенства возросли и достигли процветания, так, начиная с епископства господина Мартина, они начали изменяться, убывать и приходить в упадок, пока, наконец, пока не приняли совсем иное обличие» [там же, с. 57]. В данных отрывках ощутимо затаенное сожаление об утраченной экономической мощи и внешнем благолепии церкви.

Юстен решает своей «Хроникой» триединую задачу: во-первых, информирует общество о делах в церкви; во-вторых, выявляет задачи, которые стоят перед церковью (повышение уровня образования, совершенствование морального облика священника) и перед светской властью (поддержка, в том числе финансовая, деятельности церкви) и, в-третьих, соблюдает протокольно-этикетные требования, обусловленные этикой взаимоотношений в системе взаимоотношений высшего сана и подчиненного. Описывая жизнь священников, автор старался представить кодекс христианского священника, в котором приоритетны такие качества, как высокая нравственность, добросовестность, благотворительность, заботливость, мудрость и организаторские способности. Данные качества не являются прихотью или выдумкой составителя «Хроники». Некоторые финляндские священники могли служить канонм идеального священника, в частности, семнадцатый епископ Турку Магнус II Таваст (1412–1450), факты жизни которого Юстен благоговейно и почтительно сообщает.

Текст жизнеописаний несколько напоминает панегирическую литературу, которая создавалась, в том числе, в связи с потребностью в покровительстве сильных и знатных людей. В структуре текста появляются речевые акты благодарности за внимание «светлейшего и благочестивейшего господина Густава, короля свеев, готов и вендов, отца Шведского королевства». Юстен славословит короля, восхваляя его мудрость и обращаясь к нему с глубоким почтением, называя его «славным и милостивым государем Густавом», «Его Величеством» [Juusten 1988, с. 60]. Восторженное и благоговейное отношение к монарху было, скорее всего, связано с ощутимой зависимостью церкви от милостей двора. Поступки монарха нарочито превозносятся, почти

героизируются, хотя сам монарх не являлся ревностным сторонником и защитником церкви, рассматривая ее как неотъемлемую часть механизма власти¹. Король предстает как деятельный человек. Наглядный образ энергичного человека, полного жизненной силы, создается с помощью глаголов активного действия. К ним относятся глаголы, направленные на внешний объект, который видоизменяется при воздействии на него, например: «господин король построил», «достопочтенный король перенес», «достославный король подавил восстание», «глубоко почитаемый монарх утвердил», «Его Величество был недоволен». Подобные конкретные глаголы позволяют кратко обозначить действие. Объектом, а также продуктом труда активного действия, в случае описания деятельности монарха, является общество, государство, церковь. Образ активного монарха получает представительскую функцию, формирует политический и социально-экономический имидж государства.

Верноподданнические чувства составителя «Хроники» позволяют ему представить свою модель идеального церковно-государственного устройства, в котором все институты власти находятся в полной гармонии, что отсутствовало в реальных условиях жизни страны. Возвеличивание деяний короля делается в назидание последующим правителям, которым надо одушевить свою деятельность любовью к церкви и заботой о ней. В конкретном случае с Юстеном таилась немая просьба к сыновьям Вазы обратить внимание и на него.

Произведения Юстена большей частью написаны на латыни², лишь часть из сохранившегося литературного наследия епископа

¹ Например, Юстен пишет о том, что Густав Ваза издал распоряжение, согласно которому епархиальные власти были обязаны поставлять определенное количество выпускников и учащихся кафедральных школ для работы писарями в государственных органах. Распоряжение исполнялось неукоснительно и довольно бесцеремонно «прямо посреди занятий», «не считаясь с желанием» и «не принимая во внимание, пригодны ли [юноши] более к королевской службе или к гуманитарным наукам» [Juusten 1988, с. 79]. Король пожелал полностью подчинить церковь своему контролю, лишив ее материальной собственности и сократив ее автономию.

² В XVI в. латынь продолжала считаться основой всех наук, являясь универсальным языком, на котором писали книги, преподавали и слагали стихи. Латынь служила своего рода отличительным «маркером» образованного человека и отличала его от простолюдина.

оформлена на финском языке. В этом отношении Юстен уступает М. Агриколе, предпочитающему латыни национальный язык¹. Преемник Великого реформатора в работе над текстом выбирал язык в зависимости от читательской аудитории. «Хроника епископов финляндских» предназначалась просвещенной части общества, «верхушке населения» – монарху, его свите и, безусловно, духовным лицам, поэтому она написана на латыни, что придало ей особую торжественность и пафосность.

К общей характеристике латиноязычной литературы в Финляндии тех лет стоит добавить, что некоторые из текстов изящно оформлялись в форме сакрально значимых символов религии – купола или креста. В них гармонично и пропорционально располагались слова в соответствующем контуру символа порядке. Текст и изображение взаимодействовали друг с другом и воспринимались как один гигантский символ.

В середине 1570-х гг. был одобрен финский² служебник, составленный епископом Турку Паавали Юстеном «Святая Месса, надлежащим образом в финском городе Турку на финском языке составленная по обычаю не папскому, но евангельскому и христианской общиной / одобренному/» (*Se Pyhä Messu Somen kielen ei Pauin Mutta pyhän*

¹ Основным направлением деятельности М. Агриколы после того, как он освободил должность ректора кафедральной школы (1540-е гг.), было, в том числе, создание корпуса вероучительных и богослужебных книг на финском языке.

² В XVI–XVII вв. Турку и Стокгольм были тесно связаны. Эти связи были обусловлены контактами между церковными деятелями, проживавшими в Турку, и членами финской диаспоры в Стокгольме, что обуславливало обмен идеями и мнениями о переменах, происходивших в монаршем дворе и епархии. В Стокгольме в середине XVI в. проживала финская диаспора, которая имела свой церковный приход. В приходе проводились богослужения на финском языке. Считается, что первым священником в ней был Мартин (Мартти) Олаи, известный как Мартти Олавинпоика (ум. в 1580-х гг.). Он был переписчиком документов Густава Вазы и его преемника, сына Юхана, в дальнейшем короля Юхана III. Мартти Олаи перевел на финский язык Свод законов [Pajula 1955, с. 38]. Необходимо подчеркнуть низкий статус финского языка, что подтверждает корпус текстов, написанных главным образом на латыни, шведском или немецком языках [Häkkinen 2007, с. 26]. Письменный финский язык характеризовался большим количеством калек и заимствований из латыни и шведского.

Euangeliumin ia Christilisen Seuracunnan tauan iälken visusta Somen Turus coottu, 1575). Миссал П. Юстена был вторым произведением такого рода¹.

Переведенная религиозная литература являла собой, в том числе, авторское размышление по поводу учений известных европейских реформаторов. Это объяснялось тем, что переводчиками выступали местные церковные служащие, знавшие нужды епархий Турку и Выборга. П. Юстен, например, уважая традиции финского народа, указал в церковном календаре «Служебника» день самого почитаемого в восточной части страны святого Лаврентия (фин. *pyhä Lauri*)².

В «Мессу» Юстен включил перекопы³, воспроизведенные из Нового Завета, переведенного Агриколой, тексты евангелий, которые опирались на шведские издания 1567 и 1572 гг. и апостольские послания. Сведя тексты в единый свод, турусский епископ упростил богослужение. Месса велась на финском языке, что свидетельствовало о повышении статуса последнего⁴.

Литературное наследие Паавали Юстена раскрыло не только суть переходной эпохи от католицизма к лютеранству финляндского общества. Немногочисленные биографические данные прекрасно дополнены письменными трудами епископа, раскрывающими его усердие, терпение, внутреннее благородство, дипломатическую тонкость и любовь к стране и народу и Церкви. Юстен представлял восточное направление как в языке, так и в освоении христианства. Он оформлял свои труды как на латыни, так и на финском языке, способствуя совершенствованию и обогащению национального языка лексическими и грамматическими средствами восточной группы диалектов. В ходе Реформации национальная литература

¹ Первый требник «*Rucouskirja*» был составлен М. Агриколой в 1544 г. «Молитвенник» включал переведенные на финский язык религиозные тексты, месяцеслов с перечислением праздников.

² Святой Лаврентий был покровителем муниципалитета Финляндии Лаппеэн (Южная Карелия), а также изображен на гербе города Лаппеэнранты. День памяти Святого Лаврентия приходится на день его смерти 10 августа. Святой Лаврентий почитается Католической и Православной Церковью и считается покровителем книг и библиотек.

³ Перекопа – это фрагменты текста, объединенные одним смыслом, сюжетом или богословской идеей. Термин в основном используется в библеистике.

⁴ Хотя некоторые части литургии продолжали читаться на латыни.

стала пополняться переводными произведениями религиозного содержания: богослужебные книги и литургические тексты. Вклад Юстена в литературную сокровищницу Финляндии значителен. Достаточно указать на «Хронику епископов Финляндских», описывающую историю христианизации страны. В своих литературных работах епископ Паавали Юстен поддерживал королевскую власть, видя в ней оплот и финансовый источник существования и развития церкви Финляндии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Братья Магнусы и их Швеция. Старые карты. URL: old-maps.livejournal.com/2295.html
- Вихавайнен Т.* Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки : Общество Финской Литературы, 2004. 814 с.
- Голышкина Л. А.* Риторический текст как инструмент преодоления конфликта // *Lingua mobilis*. 2014. № 2 (48). С. 46–54.
- Карху Э. Г.* История литературы Финляндии. Л. : Наука, 1979. 510 с.
- Коваленко Г. М.* Шведское посольство в Московию 1569–1572 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 32–35.
- Макаров И. В.* Очерки истории Реформации в Финляндии (1520–1620): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской Реформации. СПб. : Реноме, 2007. 560 с.
- Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л. : Наука, 1983. 136 с.
- Струттер И. М.* История Российского государства. СПб. : тип. Брункова, 1801. 527 с.
- Юстен П.* Посольство в Московию. 1569–1572 гг. / сост. Г. Коваленко ; пер. с финского Л. Э. Николаева. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 2000. 215 с.
- Heininen S.* Paavali Juusten. Suomen piispainkronikka. Helsinki : SKS, SKST 476, 1988. 78 с.
- Häkkinen K.* Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia. Turku, Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 78, 2008. 246 с.
- Melander T.* Suomalaista Tilapäärinoutta Ruotsin wallan ajalta. Julkaissut ja johdannolla warustanut Toini Melander. Helsinki : SKS, SKST 176, 1928. 259 с.

Pajula P. Ensimmäinen lainsuomennos. Lisiä suomalaisen lakikielen varhais-historiaan. Helsinki, SKS, 1955. 408 s.

Tarkianen V. ja Tarkiainen K. Mikael Agricola, Suomen uskonpuhdistaja. Helsinki : Otava, 1985. 352 с.

УДК 821.111.0

В. Н. Ганин

доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета;
e-mail: vladgan99@yandex.ru

МАЛЬТИЙСКИЙ КУПЕЦ И ВЕНЕЦИАНСКИЙ РОСТОВЩИК (образ еврея в пьесах К. Марло и У. Шекспира)

Данная статья посвящена анализу образа еврея в пьесах К. Марло «Мальтийский еврей» и У. Шекспира «Венецианский купец». Оба драматурга не имели личного опыта общения с представителями еврейской общины, так как в Лондоне в те времена их проживало не более сотни. К тому же большая часть из них приняла христианство. И Марло, и Шекспир при создании своих пьес вынуждены были опираться на предрассудки, которые сложились у западноевропейских обывателей в отношении евреев. Однако Варавва, герой трагедии Марло, в большей степени соответствует этим стереотипам, чем Шейлок из комедии Шекспира. Шейлок обладает более сложным и многогранным характером.

Ключевые слова: драматургия Марло; драматургия Шекспира; образ еврея в английской литературе; Варавва, Шейлок.

V. N. Ganin

PhD, Full Professor, Professor at the Department of World Literature, Moscow Pedagogical State University; e-mail: vladgan99@yandex.ru

THE MALTESE MERCHANT AND THE VENETIAN USURER (the image of the Jew in the plays of Chr. Marlowe and W. Shakespeare)

This article analyzes the image of the Jew in the plays "The Jew of Malta" by Chr. Marlowe and "The Merchant of Venice" by W. Shakespeare. It is very probable that both playwrights did not have real experience of communication with representatives of Jewish community. There was only about hundred Jews in London at that time and most of them had been converted to Christianity. Marlowe and Shakespeare had to rely on prejudices of West European philistines against Jews when they were working on their plays. Character from Marlowe's tragedy Barabas is in keeping with these stereotypes to a greater extent. Shylock is a more complicated and multi-faceted character.

Key words: the plays of Marlowe; the plays of Shakespeare; the image of the Jew in the English literature; Barabas; Shylock.

Однажды, разговорившись с английским преподавателем литературы о «Венецианском купце» Шекспира, я спросил его: можно ли считать эту пьесу антисемитской. Мой собеседник запротестовал

и заявил, что эта комедия не может быть антисемитской, так как Шекспир не был антисемитом, а Шекспир не был антисемитом потому, что в Англии с конца XIII в. и до середины XVII в. не было евреев.

Действительно, в 1290 г. в Англии произошло первое в истории Европы изгнание евреев из страны, через 16 лет этому примеру последовала Франция, а два столетия спустя – Испания. Однако и до изгнания жизнь евреев в Англии была омрачена рядом кровавых событий. Так, в 1189 г. в честь коронации Ричарда Львиное Сердце его поданные устроили массовую резню иудеев. Через год бойня повторилась, но ее уже спровоцировали должники, не желавшие возвращать деньги еврейским ростовщикам. Положение евреев осложнялось еще и тем, что каждый новый английский монарх старался пополнить королевскую казну за их счет и регулярно увеличивал взимаемые с них подати. Условия жизни были настолько тяжелыми, что по одной из версий еврейское население по собственной инициативе покинуло страну. Но существуют и другие гипотезы о подоплеке событий 1290 г.

Наиболее романтичный вариант принадлежит еврейскому историку Самюэлю Аскви (Usqui), который он предложил в сочинении «Утешение за бедствия Израиля» (1553) [цит. по: Adler 1939]. Автор рассказывает, как в XIII в. некий английский монах влюбился в прекрасную еврейку, но она лишь смеялась над его страстными признаниями. Неуступчивость красавицы еще сильнее распаляла монаха, и, в конце концов, он решил принять иудаизм. После этого ситуация изменилась, и его ухаживания были приняты более благосклонно. Так как семья девушки была очень бедной, а монах оказался человеком весьма состоятельным, то мать дала согласие на брак, но при условии, что пара сразу же покинет Англию, потому что здесь им угрожала серьезная опасность. Когда всё открылось, монахи из монастыря, откуда бежал новообращенный иудей, почувствовали себя оскорбленными, и настаивали, что их брат принял иудаизм под воздействием дьявольских чар. Они начали кампанию против евреев, к ним присоединилось духовенство, затем последовали обращения к королю Эдуарду I с требованием наказать иудеев, и король вынужден был уступить мощному давлению.

Среди популярных причин изгнания называют также адресованные английскому двору призывы Папы Римского освободить страну от евреев, антисемитизм королевы Элеоноры. Существует и экономическая теория: итальянские банкиры давно мечтали прибрать к рукам

британский рынок, но им мешали развернуться еврейские ростовщики. Итальянцы, используя свое влияние на Эдуарда I, сумели добиться устранения конкурентов.

В любом случае, какими бы ни были истинные основания случившегося, действительно во времена Марло и Шекспира евреев в Англии почти не было. Историки полагают, что в Лондоне в этот период было около сотни евреев, и все они приняли христианство. То есть весьма вероятно, что опыта непосредственного общения с представителями этой этнической группы ни у Марло, ни у Шекспира не было. И это обстоятельство благоприятствовало мифологизации образа еврея в их произведениях. В своих пьесах они опираются на предрассудки и стереотипы в отношении евреев, которые сформировались у западноевропейского обывателя. Какие же пороки приписывали евреям современники Марло и Шекспира. Почти все они вытекали из конфессионального противостояния христианству, т. е. иудеи были на стороне дьявола, и союз с дьяволом порождал в них жестокость: они были способны на массовые убийства (например, отравив воду в колодце), пили христианскую кровь при проведении религиозных ритуалов. Кроме того, отказ от истинной веры обуславливал их склонность к предательству, коварство, скупость, чрезмерную практичность и даже отталкивающий внешний облик.

Также оба драматурга использовали традиции средневекового моралите, где популярным персонажем был Иуда Искарот. Обычно он предстал перед публикой в рыжем парике, с рыжей бородой и длинным носом. В таком облики еврей нередко появлялся и на елизаветинской сцене, что позволяло зрителю сразу узнать его. В средневековом театре Иуда был фигурой комической. У Марло и Шекспира этот комизм ослаблен, но все же он присутствует и в образе Варава, и в образе Шейлока.

Вероятно, наделяя своих героев перечисленными чертами, оба драматурга исходили не из личной неприязни к евреям, а из коммерческих соображений. Аудитория именно так представляла еврея, и авторы ответили на ее ожидания. К такому выводу приходит Дж. Л. Кардозо в своей работе «Современный еврей в елизаветинской драме». Начиная с XIX в., ряд исследователей [Lee 1880; Lee 1887–1892] стали высказывать предположение, что на работу Шекспира над пьесой «Венецианский купец» оказал влияние процесс над медиком королевы евреем Родриго Лопесом. Он был обвинен в попытке отравления Елизаветы.

Неизвестно, была ли такая попытка предпринята в реальности. Даже если Лопес и покушался на жизнь монархини, то не потому, что был евреем (к этому моменту он давно уже был христианином), а по наущению католиков, мечтавших покончить с англиканской церковью и возродить былое господство католицизма на острове. По крайней мере, королева поначалу не хотела давать этому делу ход, но ее фаворит граф Эссекс решил, что данное событие заслуживает широкой пропагандистской кампании. Суд над Родригесом и его казнь в 1594 г. спровоцировали подъем антисемитских настроений среди англичан. Именно по этой причине трагедия Марло «Мальтийский еврей», созданная в 1589 г. или 1590 г. [Bawcutt 1978, с. 1], вновь обрела популярность и собирала большое количество зрителей.

Всё происходящее с героями у Марло и Шекспира станет понятнее, если вспомнить, что в эпоху Возрождения «еврейство» связывалось не с генами или кровью, а сознательным и последовательным отрицанием «истинной веры». Авигея (дочь Вараввы), осознав антигуманную природу веры отца и приняв христианство, перестает быть еврейкой. Подобная метаморфоза происходит и с Джессикой в комедии Шекспира. Слуга Шейлока Ланчелот опасается, что если он дольше пробудет в доме ростовщика, то сам превратится в еврея: «... for I am a Jew if I serve the Jew any longer». Когда Шейлока после проигранного иска принуждают к переходу в христианство, зрители елизаветинской эпохи видели в этом благоприятный исход для ростовщика, ведь он получил возможность спасти свою душу. Легкость, с которой Шейлок отказывается от веры отцов, очень возмутила Гарольда Блума, он пишет об этом в книге «Современные критические интерпретации: Венецианский купец» [Bloom 2010]. Известный исследователь считает, что в данном случае драматург допустил ошибку: заставил героя действовать вопреки логике своего характера. По мнению Блума, персонаж с таким темпераментом должен был предпочесть смерть обращению в христианство. Однако Шекспир писал комедию, и ему нужен был счастливый финал, и то, что случилось с ростовщиком, вполне укладывалось в параметры *happy end*.

Подтверждением такому взгляду на переход из язычества в христианство может служить средневековый роман «Флуар и Бланшефлор», где рассказывается, как после многочисленных испытаний сарацинский принц Флуар и юная христианка Бланшефлор возвращаются в земли Флуара, он становится правителем страны и женится на

Бланшефлор. Конечно, новый король принимает христианство, а также и подданных приобщает к новой вере. Вот как описывается этот процесс в самом романе:

Неделя минула, покуда
Крещение простого люда
Свершилось: кто искал предлога
Крещенья избежать и в Бога
Не верил, тех Флуар рассечь
Велел, снять кожу с них иль сжечь

[Флуар и Бланшефлор 1985, с. 126].

(Пер. А. Д. Михайлова)

Средневековый читатель именно так и представлял счастливое завершение романтических приключений героев, один из которых являлся язычником. Шекспир в какой-то степени наследует эту традицию.

Обращение исследователей к одному из персонажей из упомянутых пьес Марло и Шекспира обычно заставляет вспомнить и о втором. При сравнении Варавва обычно уступает первенство Шейлоку. Он кажется более карикатурным, одномерным и примитивным вариантом сценического еврея елизаветинской эпохи. Да и сам Варавва во II акте, похваляясь перед купленным рабом Итамором, перечисляет свои «подвиги», которые как раз и апеллируют к представлениям аудитории о подобном типе героя:

As for myself, I walk abroad o' nights
And kill sick people groaning under walls:
Sometimes I go about and poison wells;
And now and then, to cherish Christian thieves,
I am content to lose some of my crowns,
That I may, walking in my gallery,
See 'em go pinioned along by my door.
Being young, I studied physic, and began
To practise first upon the Italian;
There I enriched the priests with burials,
And always kept the sextons' arms in use
With digging graves and ringing dead men's knells:
And after that was I an engineer,
And in the wars 'twixt France and Germany,

Under pretence of helping Charles the Fifth,
Slew friend and enemy with my stratagems.
Then after that was I an usurer,
And with extorting, cozening, forfeiting,
And tricks belonging unto brokery,
I filled the jails with bankrupts in a year,
And with young orphans planted hospitals,
And every moon made some or other mad,
And now and then one hang himself for grief,
Pinning upon his breast a long great scroll
How I with interest tormented him.
But mark how I am blest for plaguing them

[Marlowe 2010, с. 633].

Некоторые из комментаторов полагают, что за этим перечислением злодеяний ничего не стоит, и что всё это – пустая похвальба [Logan, с. XV], так как Варавва, по их мнению, всегда идет на преступления только ради каких-то материальных выгод. Это не совсем верно: он отравил обительниц женского монастыря без всякого материального расчета, а лишь движимый стремлением отомстить дочери, которая предала его христианство.

В Варавве есть черты, которые роднят его с героями других пьес Марло. Так Тамерлана и Фауста нередко относят к типу *overreacher character*, т. е. это герой, который рвется за границы отведенного ему судьбой места и стремится к беспредельному [Levin 1952]. У Тамерлана – беспредельность ассоциируется с властью, а у Фауста – со знанием. Поэтому никакие завоевания не способны утолить жажду власти у Тамерлана, а Фауст быстро разочаровывается в Мефистофеле, так как обнаруживается, что он не способен дать ему беспредельное знание. По пути к намеченной цели оба теряют близких им людей. Тамерлан приказывает казнить сыновей, обвинив их в трусости, Фауст невольно становится виновником гибели своей семьи.

В характере Вараввы также присутствует стремление к беспредельному, но оно уже связано с богатством. Оно становится для него главной ценностью мира:

This is the ware wherein consists my wealth;
And thus methinks should men of judgment frame
Their means of traffic from the vulgar trade,

And as their wealth increaseth, so inclose
Infinite riches in a little room

[Marlowe 2010, с. 527].

Здесь особо следует выделить строку *Infinite riches in a little room*. Пространственный парадокс: *бесконечность в небольшом пространстве*. Похожий образ встречается в стихотворении Джона Донна «С добрым утром» (*The Good Morrow*): *And makes one little roome an every where*. Маленькая комната замещает всю Вселенную. У Донна эта трансформация происходит под влиянием любви героев друг к другу, у Вараввы – его любви к золоту. Именно золото становится *primum mobile*, главной движущей силой его мироздания.

Когда Авигея, дочь Вараввы, передает ему мешки с золотом, которые были припрятаны в доме, превращенном теперь по приказу властей в монастырь, он испытывает восторг, в котором даже проглядывает что-то сексуальное:

O my girl,
My gold, my fortune, my felicity!
... O girl! O gold! O beauty! O my bliss!

[Marlowe 2010, с. 566].

А чуть позже его монолог, адресованный золоту, обретает возвышенно-романтический характер. Он напоминает альбу, куртуазный жанр, в котором воспевалась красота дамы, расстающейся с возлюбленным на утренней заре:

Now Phœbus ope the eyelids of the day,
And for the raven wake the morning lark,
That I may hover with her in the air;
Singing o'er these, as she does o'er her young.
Hermoso placer de los dineros¹

[Marlowe 2010, с. 566–67].

Ближе к финалу благодаря предательству Варавва получает пост губернатора Мальты, но хорошо осознавая, что политика – не его сфера, пытается продать должность бывшему правителю острова.

То обстоятельство, что богатство приоткрывает герою доступ к бесконечности, приподнимает его над остальными людьми, изолирует от

¹ Hermoso placer de los dineros (*исп.*) – приятная красота денег.

них, усиливает его эгоцентричность. Он не только противопоставляет себя христианам, но и не чувствует близости с представителями еврейской общины. Его жизненное кредо сформулировано в латинском выражении: *Ego mihi met sum semper proximus* – Я сам себе всех ближе.

Единственным человеком, к которому он испытывал привязанность, была его дочь Авигея:

But one sole daughter, whom I hold as dear
As Agamemnon did his Iphigen:
And all I have is hers

[Marlowe 2010, с. 533].

Однако возникающая здесь античная параллель вызывает чувство настороженности. Мы помним, что Агамемнон принес свою дочь в жертву, чтобы умиловать богов, лишивших греческие корабли попутного ветра. Действительно, позже Варавва без особых душевных терзаний обрекает Авигею на смерть за то, что она стала христианкой.

Именно противостояние христианству приносит напряжение в жизнь мальтийского купца и разрушает почти идиллические отношения с богатством. На вражду с христианством указывает его имя – Варавва. Так звали разбойника, которому отдали предпочтение перед Иисусом евреи, когда Пилат предложил им выбрать для помилования одного из осужденных на смертную казнь. Вор и убийца оказался дороже евреям, чем проповедник новой веры.

Варавва уже в самом начале пьесы признается в своем неприятии христианства:

Rather had I a Jew be hated thus,
Than pitied in a Christian poverty:
For I can see no fruits in all their faith,
But malice, falsehood, and excessive pride,
Which methinks fits not their profession

[Marlowe 2010, с. 533–34].

Во второй сцене первого акта он клянется именем дьявола, тем самым указывая на партию, к которой он принадлежит. Он убеждает дочь в том, что обман христиан не является грехом, так как их система нравственных ценностей построена на лжи. Чтобы отомстить мальтийцам, Варавва вступает в союз с турками-мусульманами и помогает им захватить остров.

Очевидно, что по ходу пьесы индивидуальность характера Вараввы всё больше ослабевает, и он начинает напоминать аллегорический образ Порока из средневекового моралите, к которому действительно восходит его сценическая родословная. А в самой пьесе явно начинают просматриваться фарсовые элементы. Вторая половина содержания так заметно отличается от первой, что Уна Элис-Фермор даже высказала предположение: Марло написал только два первых акта, а остальной текст был дописан каким-то другим автором [Elis-Fermor 1927, с. 95].

Т. С. Элиот, ориентируясь главным образом на вторую часть содержания, определил жанр пьесы как фарс, который проникнут «необычайно серьезным даже диким юмором» (*the terribly serious, even savage comic humour*) [Eliot 1932, с. 123]. Такая разновидность юмора исчезает, по его мнению, из английской литературы к началу XIX в., но отголоски его еще можно уловить в творчестве Диккенса. А с Шейлоком происходит противоположное изменение: его индивидуальность усиливается с каждым актом.

В своей оценке христиан, по крайней мере тех, с кем он имеет дело, Варавва вполне объективен. Фарнезе, правитель Мальты, когда турки требуют заплатить большую дань, предпочитает решить эту финансовую проблему за счет еврейской общины. Стоило Варавве указать на несправедливость такого решения, как Фарнезе лишает его всего имущества, а дом торговца приказывает отдать под монастырь. Разгневанный Варавва предлагает, раз его лишили всех богатств, пусть лишат и жизни. В ответ правитель лицемерно заявляет:

No, Barabas, to stain our hands with blood
Is far from us and our profession

[Marlowe 2010, с. 548].

Не лучше выглядят и два монаха, представляющие в пьесе духовенство. Брат Бернардин, на руках у которого после исповеди умирает Авигея, выражает лишь сожаление, что она умерла девственницей. Он намеревается использовать тайну исповеди для шантажа Вараввы и готов вступить в драку с братом Джакомо в споре о том, какому монастырю достанутся богатства еврея после его перехода в христианство.

Не уступает Варавве в жадности и куртизанка Белламира, пытающаяся разбогатеть за его счет, т. е. зрителю нелегко определиться

с симпатиями в этой пьесе. Либо коварный и жадный иудей, либо лицемерные и столь же жадные до золота христиане-католики. Выбор небольшой.

Обращение к «Мальтийскому еврею» почти всегда заставляет исследователей литературы вспомнить о «Венецианском купце» Шекспира. Сопоставление двух пьес обычно заканчивается тем, что образ Шейлока признается более сложным и убедительным, чем образ Вараввы. В последние годы всё чаще в работах, посвященных английской драме эпохи Возрождения, можно встретить предположения о вероятном личном знакомстве У.Шекспира и К.Марло. Так, С. Уэллс считает, что «с большой долей вероятности» они были «близкими друзьями», а, по мнению Дж.Дьюзинберр, – «хорошими знакомыми» [Wells 2006, с. 77; Dusiinberte 2006, с. 81]. В недавно изданном Оксфордском справочнике по проблемам авторства сочинений Шекспира утверждается, что трилогия «Генрих VI» была написана двумя драматургами [Burrows, Craig 2017]. Однако большинство литературоведов уверены, что знакомство было заочным, а их отношения правильнее будет определить как соперничество. Причем Шекспир оказывался в положении «догоняющего». Марло новой пьесой задавал какую-то тему, а Шекспир чуть позже пытался дать ей более интересную и оригинальную интерпретацию. Харольд Блум объяснил подобные отношения с помощью своей теории «страха влияния» [Bloom 1997]. То есть, если следовать изложенным выше теориям, то «Венецианский купец» стал ответом Шекспира на «Мальтийского еврея» Марло.

Отличия Шейлока от Вараввы во многом определяются тем, что в «Венецианском купце» автор выстраивает более сложное смысловое пространство. Один из исследователей назвал мир этой комедии «зачарованным» (enchanted), поэтому он не поддается рациональному анализу, основанному на здравом смысле [Janick 2003]. Однако большего внимания заслуживает другой вариант пространственной структуры пьесы. Здесь параллельно существуют два непохожих друг на друга мира: Венеция Шейлока и Бельмон Порции. Венеция – это мир коммерции, денег и расчета, Бельмон – сказочный мир поэзии, красоты и легенд. Сам рассказ о сватовстве Бассанио к Порции похож на сказку: завещание отца, испытание с тремя ларцами, три претендента (само число три является традиционным элементом сказочного

сюжета), необходимость сделать правильный выбор. Бельмон словно залит лунным светом и заполнен чудесной музыкой. Люди здесь умеют ценить красоту и радоваться жизни.

Венеция же пронизана расчетом, разговорами о прибыли, процентах, займах, векселях. Даже Бассанио здесь, рассказывая Антонио о намерении посвататься к Порции, касается в первую очередь коммерческого аспекта. Он объясняет, что брак с богатой наследницей поможет ему расплатиться с долгами. В Бельмоне деньги не имеют такого значения, с ними расстаются легко. Порция, узнав, что Антонио в беде, призывает мужа не колеблясь заплатить за вексель вдвое или втрое больше.

Казалось бы, Шейлок целиком принадлежит прагматической коммерческой ипостаси Венеции, и побег дочери он в первую очередь связывает с материальными потерями, которые он понес:

A diamond gone cost me two thousand ducats in Frankfurt! The curse never fell upon our nation till now, I never felt it till now. Two thousand ducats in that, and other precious, precious jewels! I would my daughter were dead at my foot, and the jewels in her ear: would she were hearsed at my foot, and the ducats in her coffin [Shakespeare 2006, c. 123].

И всё же Шекспир, создавая своих злодеев, никогда не ограничивается плоской, «картонной», версией отрицательного персонажа, а всегда добавляет им некоторую объемность. Так и у Шейлока сквозь мертвящие причитания об убытках прорывается живое чувство. Он узнает, что Джессика променяла украденное кольцо на обезьянку, и реагирует очень бурно:

Out upon her! Thou torturest me, Tubal: it was my turquoise, I had it of Leah when I was a bachelor. I would not have given it for a wilderness of monkeys [Shakespeare 2006, c. 124].

Шейлок не называет здесь цены кольца – оно дорого ему по иным причинам, когда-то это кольцо подарила ему будущая жена. И ростовщик признается, что не расстался бы с ним за «уйму обезьян» (*a wilderness of monkeys*). Весьма вероятно, что упоминание об обезьяне возникает здесь в связи с тем, что в елизаветинскую эпоху она часто символизировала похоть и сластолюбие.

Осложняет отношения Шейлока с миром Венеции и то обстоятельство, что он иудей. Он объясняет, почему ненавидит Антонио:

I hate him for he is a Christian;
But more, for that in low simplicity
He lends out money gratis, and brings down
The rate of usance here with us in Venice

[Shakespeare 2006, с. 84].

Причины две: Антонио – христианин, и он наносит серьезный ущерб профессиональной деятельности ростовщика, так как дает деньги в долг без процентов. Впрочем, вторая причина вытекает из первой. В Средние века и во времена Шекспира грехом считалось и брать, и давать деньги под проценты. Данте в «Божественной комедии» помещает ростовщиков в седьмой круг ада. Антонио как истинный христианин отказывается брать проценты со своих должников:

Shylock, albeit I neither lend nor borrow
By taking nor by giving of excess...

[Shakespeare 2006, с. 85].

Только ради дружбы с Бассанио он готов поступиться этим принципом и взять у Шейлока три тысячи дукатов под проценты. Для Шейлока Антонио олицетворяет все те унижения и оскорбления, которые ему пришлось принять от христиан. Сам Антонио называл его собакой, плевал в него, гнал пинками. Для самого венецианского купца подобное поведение кажется вполне естественным. Именно так должен поступать истинный христианин при встрече с неверным. Друг Антонио – Лоренцо увел из дома дочь ростовщика, а заодно украл его деньги и драгоценности, забыв о всех христианских заповедях. А другой приятель – Грациано при каждом удобном случае глумится над Шейлоком почти с садистским наслаждением. Странно, что после всего этого на суде от него ожидают снисхождения и милосердия. У Шейлока предостаточно причин, чтобы ненавидеть христиан, и это роднит его с Варавай.

Таким образом, Шейлок оказывается в промежуточном состоянии между Венецией и Бельмонтом. Бельмонт отвергает его, так ростовщик лишен поэтического начала. Лоренцо относит Шейлока к той группе ущербных людей, у которых «нет музыки в душе»:

The man that hath no music in himself,
Nor is not moved with concord of sweet sounds,
Is fit for treasons, stratagems, and spoils;

The motions of his spirit are as dull as night,
And his affections dark as Erebus.
Let no such man be trusted

[Shakespeare 2006, с. 170].

Венеция же сопротивляется его присутствию в своих пределах, так как он нехристианин. И хотя своей профессиональной деятельностью он близок коммерческому духу города, вероисповедание становится серьезным препятствием. Шейлока отождествляют с дьяволом, а дом его называют адом.

В результате сложность и многомерность пространства проявляет и несколько ипостасей в образе Шейлока: он иногда комичен, как в эпизоде, когда жалуется на прожорливость своего слуги, иногда выглядит зловещим, как в сцене суда, когда он точит нож, чтобы вырезать у Антонио фунт мяса, а иногда предстает фигурой трагической, как это происходит в известном монологе:

I am a Jew. Hath not a Jew eyes? Hath not a Jew hands, organs, dimensions, senses, affections, passions? Fed with the same food, hurt with the same weapons, subject to the same diseases, healed by the same means, warmed and cooled by the same winter and summer as a Christian is? If you prick us, do we not bleed? If you tickle us, do we not laugh? If you poison us, do we not die? [Shakespeare 2006, с. 122].

Слова Шейлока позволяют если не понять, то почувствовать: через какие унижения и страдания довелось ему пройти, и поверить, что именно они так ожесточили его. В любом случае, сложная организация пространства пьесы Шекспира провоцирует у Шейлока и более широкую гамму эмоциональных реакций и душевных движений, за счет чего складывается более объемный образ героя, чем в пьесе Марло. Эта объемность характера позволяет современным театральным режиссерам и кинорежиссерам представлять Шейлока более трагичным и человеческим образ Шейлока в своих работах. С Вараввой из пьесы «Мальтийский еврей» подобную «перестройку» осуществить гораздо сложнее, так как это требует более значительной трансформации образа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Флуар и Бланшефлор. М.: Наука, 1985. 174 с.
- Adler M.* Jews of Medieval England. L.: Edward Goldston Limited., 1939. 384 p.
- Bawcutt N.W.* Introduction to “The Jew of Malta” // Marlowe Chr. The Jew of Malta / Ed. by N.W.Bawcutt. Manchester: University Press, 1978. P. I–XVII.
- Bloom H.* The Anxiety of Influence: A Theory of Poetry. N. Y.: Oxford University Press, 1997. 208 p.
- Bloom H.* Modern Critical Interpretations: The Merchant of Venice. N. Y.: Infobase Publishing, 2010. 205 p.
- Burrows J., Craig H.* The Joker in the Pack?: Marlowe, Kyd and the Co-authorship of Henry VI // The New Oxford Shakespeare: Authorship Companion. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 194–217.
- Cardozo J.L.* The Contemporary Jew in the Elizabethan Drama. Amsterdam: H.J. Paris, 1925. 335 p.
- Dusinberre J.* Introduction // Shakespeare W. As You Like It. L.: Arden, 2006. P. 1–142.
- Eliot T.S.* Christopher Marlowe // Marlowe T. S. Selected Essays. N. Y.: Harcourt, 1932. P. 118–125.
- Ellis-Fermor U.* Christopher Marlowe. L.: Methuen, 1927. 172 p.
- Janik V.K.* The Merchant of Venice: A Guide to the Play. Westport: Greenwood Press, 2003. 245 p.
- Lee S.* The Original of Shylock // The Gentleman’s Magazine. 1880. № 248. P. 185–200.
- Lee S.* Elizabethan England and the Jews // Transactions of New Shakespeare Society. 1887–1892. Series 1. Part 2. P. 143–166.
- Levin H.* The Overreacher: A Study of Christopher Marlow. Cambridge: Harvard University Press, 1952. 204 p.
- Logan R. A.* Introduction // The Jew of Malta. A Critical Reader / Ed. by R. A. Logan. L.: Bloomsbury Publishing. P. I–XXI. 254 p.
- Marlowe Chr.* The Life and Complete Works. L.: Red Herring, 210. 1463 p.
- Shakespeare W.* The Merchant of Venice. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 202 p.
- Wells S.* Shakespeare and Co. N. Y.: Pantheon Books, 2006. 285 p.

УДК 82.091

С. П. Толкачев

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы МГЛУ;
e-mail: stolkachov@yandex.ru

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА «ПОГРАНИЧЬЯ» И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ РОМАН

В статье рассматриваются проблемы так называемой кросскультурной, или мультикультурной, литературы, возникновение которой обусловлено важнейшими историческими реалиями XX века – распадом колониальной системы и образованием постколониального пространства. Феномен «реактивной колонизации» – заселение бывшей метрополии гражданами бывшей империи – привело к возникновению особого слоя культуры и литературы, в частности, которая и получила название мультикультурной. Предпринимаются попытки дать разносторонний анализ британской кросскультурной литературы, обобщить и вывести закономерности, которые лежат в основе «гибридного мировидения» писателей неанглийского происхождения, пишущих на английском языке.

Ключевые слова: мультикультурализм; гетерогlossия; гибридность; гибридизация; кросскультурная литература; писатели-мигранты; «пограничная» проза; поговорность; метисация; межпространственность; диаспора.

S. P. Tolkachev

Advanced Doctor (Philology), Professor, Department of Literature, MSLU; e-mail: stolkachov@yandex.ru

ENGLISH LITERATURE OF THE "BORDERLINE" AND POSTCOLONIAL NOVEL

The article touches upon the problems of the so-called cross-cultural or multicultural literature. The reason of this phenomenon is the collapse of the colonial system and the creation of the postcolonial space which became one of the most important events of the XX century. The phenomenon of «reactive colonization» – the inhabiting of the former metropolis by the citizens of the former Empire – leads to the birth of some particular kind of culture and literature, which is now called multicultural. We try to give a wide analysis of the British cross-cultural literature, to generalize and find the features which make the hybrid outlook of authors with non-British roots who write in English.

Key words: multiculturalism; heteroglossy; hybridity; hybridization; cross-cultural literature; migrant authors; borderline prose; liminality; miscegenation; "in-between" space; diaspora.

В свете постколониальной теории, получившей распространение на Западе в последние десятилетия XX в., главным драматическим сюжетом в период после получения колониями (в нашем случае – британскими) независимости становится разъятость культурного сознания бывших покоренных народов и колонизаторов. Креолизация создавала условия для маскировки в целях выживания, для появления «мимикрирующей личности» [Brathwaite 1995, с. 202–205]. По мнению известного американского исследователя Х. Бхабы, связь между нацией и империей по сей день проявляется в виде некоего темпорального «разъятия», являющегося, по его мнению, олицетворением самой современности как конфликтной эпохи. Исследователь интерпретирует темпоральное как «амбивалентную и антагонистическую конструкцию гражданского общества, государства, современности, понятия нации, понятия гражданина, которая формировалась одновременно с созданием колоний, колониальных субъектов, расистских дисциплинарных структур, способов осуществления правительственной политики дискриминации и предрассудков» [Bhabha 1993, с. 1].

Процессы, происходившие в мире примерно с 60-х гг. XX в., – разрушение великих европейских империй, их замена мировой экономической гегемонией Соединенных Штатов, постоянное стирание национальных государств и традиционных геополитических границ наряду с массовой глобальной миграцией и созданием многонациональных сообществ, усиление эксплуатации на Западе и в «периферийных» сообществах, концентрация власти в руках новых транснациональных корпораций, – вошли в круг интересов представителей «постколониальной теории» [Ahmad 1992; Bhabha 1990; Bhabha 1994; Said 1993; Said 1979; Spivak 1987; Young 1990], получившей развитие, в первую очередь, в университетах вузах США и Великобритании. Параллельно с названными процессами происходила революция в представлениях человека об истории пространства и пространстве истории, о власти, языке, идентичности.

При решении вопросов, связанных с постколониальным бытием мирового сообщества, в центре внимания, несомненно, находится культура – в широком смысле этого слова. Подобно тому, как господство средств массовой информации привело к переосмыслению классических образов в контексте современных западных «культурных исследований», так и «мультикультурализм» как политический и культурологический концепт, который родился в рамках того же самого исторического периода, заставляет пересматривать многие

устоявшиеся понятия, в том числе и то, как Запад воспринимал свою идентичность и реализовывал ее в классических произведениях искусства.

Оба направления – «культурные исследования» и «постколониальная теория» – делают решительный шаг за пределы теоретического метода, который на наиболее ранней стадии развития теории мультикультурной литературы постколониального пространства имел достаточно противоречивый характер.

Один из главных вопросов, который выносит на повестку дня миграция как главнейший фактор, формирующий мультикультурность художественного мира современных английских писателей, – идея нации, чувство национальной принадлежности. Хотя миграция и была издревле неотъемлемой частью человеческой истории, сегодня особенно актуальной становится интернациональная, межэтническая миграция. «...Национальное самосознание и изгнание – это как господин и слуга из гегелевского сравнения, эра взаимопроникающих, взаимообусловленных диалектических противоположностей» [Саид 2003, с. 255]. Измерить и оценить миграцию можно и нужно не только в терминах преодоленного в процессе географического перемещения, но, что значительно важнее, – через призму психологических и культурных аспектов, лежащих в основе миграции. Мигранты образуют новые идентичности в общественной и личной жизни, реформируя свою идеологию в процессе освоения чужеземного пространства. Миграция, как главная тема произведения, оказывается в центре внимания многих современных романистов: Сэмюэля Селвона (1923–1994) – «Одинокие лондонцы» (1956); Джорджа Ламминга (род. 1927) – «Эмигранты» (1954); Видиа Найпола (род. 1932) – «Загадка прибытия» (1987) [Lamming 1954; Naipaul 1987; Selvon 1956].

Место, которое писатели-мигранты занимают в жизни и в литературе, лучше всего проанализировать, прибегнув к понятию «промежуточное пространство» (interstitial space) [Bhabha 1994, с. 2; Brathwaite 1995, с. 224]. Х. Бхаба говорит о нем, как о состоянии, которое позволяет накладываться и перемещаться территориям различия таким образом, что писатель-мигрант обнаруживает черты принадлежности к обоим мирам и в то же время не вписывается ни в один из них. Создавая прозу «в пределах» и «изнутри» таких пограничных зон, писатели-мигранты подвергают анализу и сомнению неравные взаимоотношения между людьми, расами и языками.

Принадлежность мигранта «расщеплена» между опытом «домашнего очага» и «беспределом улицы», и картография перехода из одного состояния в другое – одна из главных задач английских писателей-мигрантов. Стимул к совершенствованию при этом кроется не только в страсти к «археологии», к «раскапыванию» корней. Писатели, рождающиеся на Британских островах от родителей-мигрантов, признают свою гибридность как новую данность, иницирующую силу и власть, исследуют пути превращения своего сообщества в культурно значимый слой общества. Эти поиски неотделимы от процесса превращения в «английское», который идет параллельно с процессом зарождения нового – «гибридного».

Важную роль в утверждении реальностей нового, мультикультурного, мира играют писатели-мигранты как люди, по тем или иным причинам резко меняющие свое культурное окружение, вынужденные в новых условиях переживать и пропускать через свое творческое сознание симптомы происходящего часто очень болезненного процесса аккультурации в новой среде, в результате чего возникают произведения с некими специфическими признаками, которые можно объединить под общим названием «кросскультурная литература». В основном, это литераторы, прибывающие из бывших колоний в метрополию, в центр, к которому они приспособляются не всегда легко, постоянно рефлексируя по поводу оставленной родины. Колебание, метафизическое, эмоциональное, между центром и периферией – распространенная метафора в творчестве писателей-мигрантов, которые, кроме всего прочего, переезжая в другую страну, вынуждены творить на новом, неродном для себя языке. Экскурс из «третьего мира» в «первый» сопровождается не только преодолением особенных устоявшихся понятий происхождения людей, но и превращается в процесс переговоров, которые ведутся в обстановке преодоления жестких политических, традиционных культурных установок, управляющих законами национальной идентичности. Герой кросскультурной литературы, обладающий переходной, двойственной, гибридизированной идентичностью, как расположенной «где-то между», «над схваткой», в состоянии транзитности отражает диалектику бинарной оппозиции «общности / необщности», «принадлежности / непринадлежности» к той или иной нации.

Сам термин «мультикультурализм» получил в последнее десятилетие достаточно обширное и в то же время обстоятельное толкование

в работах многих исследователей [Goldberg 1994; Gordon 1996; Taylor 1994], и в настоящее время используется в следующих значениях – «мультикультурализм»: 1) как результат исторического процесса, создавший в той или иной стране уникальное многонациональное общество (страны Карибского бассейна, «вест-индские сообщества», как их до сих пор называют по-английски); 2) как специфическая внутренняя политика тех или иных стран, которые, испытывая влияние так называемого реактивного империализма, когда эти страны, оказавшиеся перенаселенными выходцами из бывших колоний, вынуждены изыскивать новые законы внутреннего общежития, связанные, в первую очередь, с кодексом политкорректности и стремлением совместить культурные и этические потребности огромного числа народностей (США, Великобритания, многие европейские государства); 3) как полиэтнический контекст жизни той или иной страны (мы будем говорить, главным образом, о мультикультурном контексте литературных явлений); 4) как феномен внутрисемейных отношений людей, связанных брачными родственными отношениями, но принадлежащих к различным национальностям.

Свое толкование понятию «мультикультурализм» дает междисциплинарная область исследований культуры под названием «культурные исследования», связанная с английской интеллектуальной традицией и подчиненная вопросам национальной, расовой, этнической, культурной идентичности: «Культурные исследования» основываются на представлении о том, что современный мир – это тотальная множественность: классовая, расовая, этническая, культурная (принцип «мультикультурализма» – «multiculturalism»). Это направление исследований вовлекло в свою орбиту множество ранее не изучавшихся маргинальных объектов и феноменов, например телевизионные новости, этнические меньшинства, поп-музыка, различные типы сексуального поведения и идентичности, семиотика современных торговых центров, комиксы о Супермене, фильмы ужасов, реклама, урбанистическая утопия Диснейленда, «феномен Барби» и т. д.» [Усманова 2001, с. 395]. В отечественных исследованиях проблема мультикультурализма пока не получила достаточно детального анализа, за исключением отдельных публикаций и основательного труда М. Тлостановой «Проблема мультикультурализма и литература США» [Тлостанова 2000]. Проблема мультикультурного контекста современной английской литературы во всем многообразии привносимых

извне тенденций постколониальной культуры, процессов миграции в европейском и мировом масштабе и взаимоотношений возникающих диаспор до сих пор не рассматривалась вообще.

Мультикультурный контекст литературы предполагает, главным образом, гетерогенную репрезентацию культурной идентичности. Это означает, что формы познания, возникающие на полях доминирующей культуры, могут использоваться для «переосмысления сложных, множественных, мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие, лежащее в основе опыта людей, часто считающих невозможным определить свою идентичность через культурные и политические коды, характеризующие доминирующую культуру» [Глостанова 2000, с. 32]. Мультицентристский взгляд позволяет расширить горизонты видения человеческого бытия в отчасти гипотетических условиях свободы и может использоваться для интерпретации и моделирования своего «Я» и его места в мире с тем, чтобы противостоять унижающим человеческое достоинство или, наоборот, неправомерно возвышающим стереотипам «другого», что происходит в пространстве пересечения и наложения знания и власти.

Широкое применение при анализе мультикультурной литературы получили аналитические термины постколониальной теории, в частности: 1) межкультурный конфликт; 2) отрыв от корней (перемещение); 3) синкретичность; 4) этнографическая деталь; 5) интертекстуальность; 6) аутентичность; 7) культурная гетерогенность; 8) лингвистическая вариативность. Но, как показывает практика, существующие модели литературоведческого анализа, применяемые в постколониальной теории, не всегда годятся для исследования новых форм мультикультурализма, которые находятся в процессе становления. Необходимы теоретические рамки, которые выходят за пределы формулировок культурного влияния одной нации на другую и упрощенной бинарности этого влияния. В контексте современной глобализации экономики и социальной сферы понятия диаспорного сообщества и связанных с ним диаспорного пространства и диаспорного мировидения становятся особенно полезными. Значение словесного творчества мультикультурных авторов «диаспорных сообществ» [Bromley 2000, с. 10] состоит в том, что из-под их пера выходят тексты, написанные с точки зрения «эмоционального опыта социальной маргинальности», «с позиции края» (т.е. экстремальной ситуации мигрантского положения). Тексты, принадлежащие перу писателей-

мигрантов, представляют иное мировидение и мышление, тем самым, учитывают нарративы «плюрализма, текучести и революционного становления» [Bromley 2000, с. 5]. Литература писателей-мигрантов, творящих в «зонах пограничья», дает пространство для критического дистанцирования, необходимого для понимания новой эпохи после крушения биполярного мира.

Особая роль в формировании понятия мультикультурного контекста английской литературы принадлежит символике, связанной с мифологемой «английской книги» как источником сюжетов и фундаментом системы образов, которая «обрисовывает идеологические соответствия западного знака – эмпиризм, идеализм, склонность к мимикрии, монокультурализм и продолжает традицию английского «культурного правления» [Bhabha 1994, с. 105]. По мнению Х. Бхабы, английская книга указывает на монолитность, фиксированность колониальной власти с ее дискурсивной способностью «рассказывать» и, следовательно, «размножать» европейское культурное наследие. Это своего рода фетишизированный знак, который посредством культуры прославляет эпистемологическую центральность и постоянство европейского господства. Парадоксальным образом английская книга становится и эмблемой «колониальной амбивалентности», которая подразумевает слабость колониального дискурса, его чувствительную восприимчивость к «миметическому» ниспровержению. Через провозглашение «английскости» и атаку на неизведанные пространства земли, через акт повтора, – именно так колониальный текст и проявляется неопределенно, но последовательно. Колониальное присутствие всегда амбивалентно, расщеплено между своей видимостью как оригинальным и властным и его озвучиванием как повторением и различием, что во многом перекликается с положениями Ж. Лакана и Ж. Деррида о «повторении с различием». Отчасти выкладки Х. Бхабы – миметическое перечитывание европейского постструктурализма. Иными словами, аргументы исследователя строятся на принципах гибридной мимикрии или повторении уже существующих «английских (или, в данном случае, французских. – С. Т.) книг».

Известные классические образы английской литературы приобретают у мультикультурных писателей масштабы философских категорий. Например, Калибан у Джорджа Ламминга – «изгой, который навечно прикован к месту и действует ниже порога возможностей», он – «случай, состояние бытия, которое может быть приспособлено

и подвергнуто эксплуатации в соответствии с целями развития другой личности» [Lamming 1984, с. 107]. Иными словами, мультикультурный писатель переосмысливает образ Калибана как существо, имеющее свою историю, нажитую в результате собственных физических усилий. Таким образом, Дж. Ламминг осуществляет высказанное им же самим намерение о необходимости «взорвать старый миф Просперо» новой «христианизацией языка».

Становится очевидной связь колониального аспекта истории английской литературы с современностью, с постколониальной теорией и мультикультурализмом, как важным феноменом синкретизации различных исторических, культурных и литературных факторов многослойной жизни современного Запада при существенном влиянии на него восточной культуры. Анализ современной английской литературы через призму мультикультурного контекста предоставляет возможность достаточно нового, более диалектического взгляда на феномены, связанные, главным образом, с гетерогенной репрезентацией культурной идентичности. Мультикультурное мировидение и соответствующий ему художественный язык, специфика жанровой природы произведений писателей-мигрантов становится одной из важных форм познания, возникающих на полях доминирующей культуры, что может использоваться для переосмысления сложных и множественных мультикультурных реалий, которые составляют этнокультурное различие, лежащее в основе опыта людей, часто считающих невозможным определить свою идентичность через культурные и политические коды, характеризующие доминирующую культуру.

Почему именно жанр романа стал объектом творческих усилий и эстетических устремлений многих англоязычных авторов, как граждан Великобритании, так и жителей бывших колоний. Этот феномен до некоторой степени свидетельствует о всеобщем сдвиге, произошедшем во второй половине XX в.: от поэтического универсализма в переосмыслении времени к повествовательным формам, с помощью которых писатели стремятся к более проницательному постижению глубинных форм жизни. Связь главного феномена постколониального пространства – миграции – с отрывом от корней подметил еще Д. Лукач в своей «Теории романа», в которой он проводил мысль о том, что роман – единственный литературный жанр, способный выразить «трансцендентальную бездомность» [Lukacs 1920].

Можно отметить три главных фактора, которые способствовали распространению романной формы в постколониальном

мультикультурном пространстве: 1) репрезентативная природа романа; 2) гетероглоссная (многоязычная) структурная сущность романа; 3) универсальность функции хронотопа в романе.

Способность романа озвучивать голоса людей в поддержку их собственной идентичности и истории, т. е. репрезентативность этого жанра понимается как форма коллективного и открытого миропонимания. Роман больше доступен широкому восприятию, в отличие от поэзии, которая часто рассматривается как достаточно специфический вид словесного творчества. Многоярусное романное повествование способно создавать собственную модель мира и отражать действительность, из которой роман и произрастает. В мультикультурном аспекте интерес для исследования представляют следующие вопросы:

1) тематика мультикультурного романа (споры исследователей при этом разворачиваются вокруг вопроса о том, какой опыт и реальность он отражает – метрополии или сугубо национальную картину мира);

2) жанровая природа романа:

а) воспроизведение действительности реалистическими способами по модели миметического, линейного нарратива, представляющей «прямой» взгляд на идентичность и историю;

б) по модели постмодернистской, которая воспроизводит мультикультурное пространство в состоянии раздробленном и изломанном, гетерогенном и гибридном. Воплощением первой модели представляется творчество В. Найпола, склонного к ровному повествованию, имитирующему классический реалистический стиль. Характеры его проходят все стадии развития, известные по классическому жанру «романа воспитания чувств» XIX в. Вторую модель можно проиллюстрировать, к примеру, романом С. Рушди «Дети полуночи» (1981), герой которого Салим Синай обладает фрагментарным сознанием, проистекающим из ненадежной памяти, которая построена на противоречивой диалектике характеров и обстоятельств;

3) язык произведения, который испытывает влияние культурно-исторического опыта «иного», связанного с культурно-историческим опытом художника.

Роман, таким образом, можно рассматривать как объединяющую, квазиэнциклопедическую культурную форму. В него «упакованы»

и высоко регулируемый механизм сюжетообразования, и вся система социальной референции, которая зависит от существующих институтов общества, их авторитета и власти. Герои романа, как правило, демонстрируют витальность и энергетические характеристики, имманентные природе класса предпринимателей, открывателей, и им дозволены авантюры в той степени, в какой их опыт устанавливает пределы устремлений.

Природа мультикультурного романа, таящаяся в глубинных архетипических моделях текста, отражает способы, с помощью которых общаются вновь сформировавшиеся нации. Одна из главных особенностей такого текста – его гетероглоссная природа. Понятие «гетероглоссия» как сущность, лежащая в основе мультикультурного романа, всего точнее передает сложность и многогранность жанра. М.М. Бахтин предложил теоретические формулировки и философские обоснования для полифоничного (гетероглоссного) понимания художественной действительности, что оказалось сопряжено с сущностью мультикультурных писателей, и эти очень сильные тенденции становятся приметой литературы, появляющейся уже после приевшихся интертекстуальных игр постмодернизма.

При прочтении мультикультурного произведения особый интерес представляет учет множественности голосов, присутствующих в романе, а также полифонического эффекта от созвучия различных этнокультурных тональностей. Иногда даже неразличимость этих голосов выполняет функцию расширения их диапазона, который, возможно, не был услышан в традиционном литературоведении, и в более широком смысле – углубления гетерогенной природы романа о нации.

Специфика хронотопа в мультикультурном романе заключается в том, что нарратив строится на пространственно-временных связях, но эти связи не предшествуют повествованию. Они рождаются в процессе «сплетения» сюжета. Любой нарратив самораскрывается и создает условия для собственного существования. Стремление автора при этом передать ощущение пространства и времени «постколониального» и «мультикультурного» и становится абсолютной ценностью в процессе формирования и развития нации. Как и роман, нация «саморассказывается», самоидентифицируется методом установления сложных связей между индикаторами пространства (часто очень свободно заданным территориальными границами) и индикаторами времени (сюжетами, событиями, эпизодами, мгновениями). Прочтение мультикультурного нарратива – процесс изучения такой

«прививки», «сращивания» пространства и времени – отчасти символически воплощает модель национального строительства.

Главной темой произведений писателей-мультикультуралистов, как уже отмечалось, в числе прочего становится повествование об ощущениях мигранта, вынужденного покидать свою родину, «интеллектуала-кочевника» в постколониальном мире. Примером плодотворной разработки этой темы, а также изображения особенностей собственного опыта аутсайдерства – индийца в Вест-Индии, вест-индца в Англии, – является творчество В. Найпола.

Роман В. Найпола «Загадка прибытия» оценивался критикой как произведение, изображающее «важный постколониальный импульс-ответ, который претендует на понимание», попытка углубления в «личное», смакование душевных страданий, хотя в «Загадке...», в первую очередь, и видится образчик жанра прозаической автобиографии, предоставляющий в этом плане большую свободу, чем вымышленная проза [Cudjoe 1988]. Придуманная, фиктивная, биография (или псевдобиография) как вариант мультикультурного нарратива строится у В. Найпола в «Загадке прибытия» в виде преднамеренной имитации подлинного на основе сочетания нескольких бинарных оппозиций, которые разворачиваются по мере описания жизни в Англии и предшествующих событий. Хотя повествователь ни разу не называет свое имя (и таким образом заставляет читателя задуматься над вопросом различия между автором и рассказчиком), на самом деле он берет за основу повествования множество событий явно автобиографического характера. По В. Найполу, человек способен на «чистый опыт», не смягчаемый «линзами» литературы и других форм культуры. В то же время писатель, по его собственному замечанию, играет роль переводчика, ссылающегося на другие работы и использующего язык для объяснения этого опыта. Парадоксы В. Найпола иллюстрируют усилия по объединению человеческой и творческой сторон личности с тем, чтобы достичь концентрации неотфильтрованного опыта и творческой силы «дарованного», «предоставленного» значения. Этот процесс завершается приходом к своему собственному опыту как постколониальной личности, живущей в бывшем имперском центре, Англии.

Уединение В. Найпола в «сердце Англии» – попытка востребовать свое право (во многом – спорное) быть одним из «племени переводчиков» (интерпретаторов) нации [Bhabha 1990, с. 293]. Задачу

«переводчика» В. Найпол воспринимает как необходимость и искусство: а) быть посредником между природой и внутренним миром человека; б) строить обновленное чувство сакрального через обобщение человеческого опыта.

Примером прямо противоположной разновидности мультикультурного романа является «Прощальный вздох мавра» С. Рушди, в поле зрения которого включены многочисленные «взаимопереплетенные» нарративы, что становится свидетельством гибридности жанровой природы произведения. Текст романа содержит элементы волшебной сказки, легенды, мифа, фантазии, аллегорий исторического, литературного и автобиографического порядка. С. Рушди создает «сеть» из всевозможных литературных аллюзий, стараясь ввести в роман как можно больше литературных и культурных эпистем в трансформированном виде. Авторская попытка сродни раскопкам и взращиванию своего рода глубинного, разветвленного «корневища», которому трудно дать классификацию по какому-либо принципу, поскольку, согласно авторскому комментарию, всё становится смешанным со всем.

В рамках повествовательной структуры романа «Прощальный вздох мавра» можно выделить следующие элементы:

- 1) волшебные сказки;
- 2) семейные легенды;
- 3) индуистская и другие религиозные мифологии;
- 4) карикатуры на поп-культуру;
- 5) сюрреализм и фантастика;
- 6) элементы «фэнтези»;
- 7) аллюзии на индийскую историю в контексте европейской и современной истории;
- 8) сюжеты «Лузиады» и «Реконкисты», а также сказки мавров и евреев Испании;
- 9) мотивы Ксанаду – сновидческих способностей художника;
- 10) религиозные фундаменталистские идеологии и автобиографические элементы.

В романах С. Рушди «Дети полуночи» и «Сатанинские стихи» на бинарную оппозицию между индийской и английской идентичностью накладывается магический реализм. В «Детях полуночи» рассказывается о группе детей с волшебными способностями, которые родились в переходный исторический момент получения Индией своей независимости от Британии. Сам факт существования таких детей

«вплетен» в историю становления страны на пути от колониальной зависимости к свободе. В «Сатанинских стихах» магические метаморфозы используются для того, чтобы поставить вопрос о трудностях ассимиляции, с которыми два индийских иммигранта сталкиваются в Англии.

«Расширенной, незападной, формой реализма» называет свой метод и другой современный английский писатель нигерийского происхождения Б. Окри. Писатель и объясняет при этом, что хотел в своих произведениях воссоздать точку зрения на окружающее, которую люди считали бы за реальность. Б. Окри утверждает, что сверхъестественные элементы в его прозе – попросту реалистические репрезентации нигерийского национального опыта. Художественное мировидение Б. Окри кажется фантастическим и в силу специфики нигерийского национального восприятия мира, которое, по его мнению, в корне отличается от европейского. Б. Окри смотрит на мир в своем романе «Голодная дорога» с позиций африканского мировидения, но без кодифицирования этого мира как такового. Центральный образ в романе «Голодная дорога», который иллюстрирует проблему «духовного реализма» Б. Окри, – образ мальчика Азаро как «абику» – представителя особого племени детей, обладающих мистическим видением духовных измерений жизни. Образ Азаро иллюстрирует прием, к которому прибегает Б. Окри, изображая мир с «длительностью между реалистической и мистической империями опыта», поскольку именно промежуточное положение Азаро между этим миром и другим дает Б. Окри возможность представить мифический взгляд как взгляд реалистический. Писатель невольно поднимает вопрос о том, могут ли вообще западные читатели испытывать эту «длительность» между реальным и духовным, или они настолько секуляризованы, что представление о художественном мире Б. Окри у них строится только в формах магического реализма.

В произведениях писателей-мультикультуралистов часто заново пересоздаются миф и история, приобретая новый неомифологический контекст. Индия и Восток С. Рушди – в неменьшей степени плод воображения, нежели Восток более ранних ориенталистов. В романе «Прощальный вздох мавра» Восток по-новому интерпретируется и переосмысливается в соответствии с теми историческими тенденциями, которые по-разному их документируют. С. Рушди пытается посредством сюжетов дать Востоку, а затем и Западу, другую

возможную виртуальную историю и идентичность. Писатель пересматривает миропорядок с помощью инверсии, и сила воображения занимает в рамках этого процесса важное место. Перетолковывая историю и постигая новые возможности настоящего и будущего, воображение приобретает герменевтические и профетические возможности. В этом преисполненном иронии произведении герой сталкивается с искаженным в его мультикультурном сознании понятием «ноши белого человека» и связанными с ним разочарованием и ощущением абсурдности бытия.

Не менее важным для исследуемой проблемы представляется феномен превращения литературных текстов метрополии и ее колоний в «содержательные культурные документы», в которых исследователь как этнограф может найти свидетельство взаимовлияния метрополии и маргинальных сообществ [Said 1993, с. 20]. В этой связи особое место в произведениях писателей-мигрантов занимает хронотоп мегаполиса как символа мультикультурного пространства. Столица метрополии при этом становится для художника чем-то большим, нежели просто городом. Она наделяется характеристиками места (топоса), где сходятся различные группы и культуры, чтобы произвести на свет нечто качественно новое. Город создается как текст, где в интертекстуальной стихии сходятся и «сплавляются» многочисленные реальные факты и литературные аллюзии, в результате чего получается гибридный полуфантастический образ мегаполиса – модель универсума, вместилище всех и вся, «мультикультурный котел», в котором смещаются границы времени и пространства, сходятся и народы из самых удаленных точек земного шара, и различные эпохи, и исторические веяния.

Картография глобальной мультинациональной сети, опирающаяся на мегаполисы как узловые структуры, также имеет тенденцию не обретать качества неустойчивости, амбивалентности. В определенный момент современный человек сталкивается с неспособностью своего сознания «зафиксировать на карте огромную глобальную мультинациональную и децентрализованную коммуникационную сеть» [Jameson 1991; Sanga 2001]. Исследователь Ф. Джеймисон полагает, что «несинхронная темпоральность глобальной и национальной культур приоткрывает «третье культурное пространство», – где переговоры о несоизмеримых различиях создают напряжение, свойственное пограничному существованию» (здесь Джеймисон использует игру английских слов *order* – *порядок* и *border* – *граница*).

В произведениях современных английских писателей небританского происхождения Лондон как город, мегаполис, метрополис – центр бывшей Британской империи – не только полноправный персонаж, способный влиять на события, но и сложный семиотический механизм, по Ю. М. Лотману, «генератор культуры, ведь он не что иное, как собрание текстов, кодов, интерпретаций и мыслей. Причем этот механизм находится в состоянии постоянного изменения, преобразования. Он заново «рождает» свое прошлое, которое сопоставляется с настоящим. В этом случае город, как и культура, – механизмы, способные противостоять времени» [Нестерова 2000, с. 153–154].

Таким образом, перспективой дальнейшего исследования проблемы мультикультурного контекста современной английской литературы может стать широкое включение в обиход отечественного литературного процесса широкого круга новых авторов, создателей мультикультурных произведений, и не только на английском языке. При этом теоретические выкладки, сделанные в настоящем исследовании, помогут в процессе более четкого переосмысления как новейшей литературы, так и нового прочтения традиционной, классической, литературы, что откроет новые горизонты в освоении и развитии литературной традиции.

В то же время анализ современной западной, в нашем случае – английской литературы через призму ее мультикультурной составляющей будет способствовать воссозданию полигенетической картины художественного творчества писателей-мигрантов, наследников великих неанглийских культур Запада и Востока. Нам представляется возможным высказать гипотезу о том, что в обозримом будущем число представителей мультикультурной литературы, видимо, будет расти в связи с интенсивными миграционными процессами, притоком в Европу мигрантов из разных стран, особенно с Ближнего и Дальнего Востока и из Африки. Естественно, объем мультикультурных текстов также будет расширяться. Активизация процессов культурной диффузии, в том числе и в области литературы и искусства, может отчасти затронуть фундаментальные понятия о литературной традиции, даст возможность литературоведческой науке предпринять некоторые шаги по пересмотру понятий «общечеловеческое» и «национальное», их взаимодействия и взаимообогащения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Нестерова Н. В.* Лондон и проблема памяти города (на материале романа П. Акройда «Английская музыка») // Литература Великобритании в европейском культурном контексте: материалы X Междунар. науч. конф. Российской ассоциации преподавателей английской литературы. Н. Новгород, 2000. С. 153–154.
- Саид Э.* Мысли об изгнании // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 250–260.
- Тлостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США. М.: Наследие, 2000. 400 с.
- Усманова А. Р.* «Культурные исследования» // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. С. 394–400.
- Ahmad A.* In Theory: Classes, Nations, Literatures. L., 1992. 350 p.
- Bhabha H.* Interview // Stanford Humanities Review. 3:1 (Winter 1993). 10 p.
- Bhabha H.* Nation and Narration. London and New York, 1990. 430 p.
- Bhabha H.* The Location of Culture. L., 1994. 320 p.
- Brathwaite E. K.* «Creolization in Africa» / Ashcroft B., et al. The Postcolonial Studies Reader. L., 1995. 20 p.
- Brathwaite E. K.* Creolization in Jamaica // The Post-Colonial Reader, B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin, eds. New York, 1995. 46 p.
- Bromley R.* Narratives for a New Belonging : Diasporic Cultural Fictions. Edinburgh, 2000. 380 p.
- Cudjoe S. R. V. S.* Naipaul: A materialist reading. Amherst, 1988. 240 p.
- Derrida J.* Positions. 1972. Quoted in «The Ear of the Other», Christie McDonald (ed.). Lincoln, 1985. 80 p.
- Dirlík A.* The Postcolonial Aura: Third World Criticism in the Age of Global Capitalism // Critical Inquiry 20(2), Winter, 1994. 120 p.
- Goldberg D. T.* Multiculturalism: A Critical Reader. Oxford UK and Cambridge USA, 1994. 250 p.
- Gordon F., Newfield C.* Mapping Multiculturalism. Minneapolis and London, 1996. 570 p.
- Jameson F.* Postmodernism Or, The Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, 1991. 350.
- Lamming G.* The Emigrants. L., 1954. 180 p.
- Lamming G.* The Pleasures of Exile. L., 1984. 256 p.
- Lukacs G.* Die Theorie des Romans: Ein geschichts-philosophischer Versuch ueber die Formen der grossen Epik. Berlin, 1920. 320 p.
- Naipaul V. S.* The Enigma of Arrival. L., 1987. 340 p.
- Said E. W.* Culture and Imperialism. L., 1993. 330 p.
- Said E. W.* Orientalism. New York, 1979. 368 p.
- Sanga J. C.* Salman Rushdie's Postcolonial Metaphors. L., 2001. 63 p.

Selvon S. The Lonely Londoners. L., 1956. 146 p.

Spivak G. C. In Other Worlds. New York and London, 1987. 152 c.

Taylor C. Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition. Princeton, New Jersey. 1994. 670 p.

Young R. White Mythologies. L., 1990. 146 p.

УДК 336.1

А. Т. Каюмов, А. В. Маслова

Каюмов А.Т., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских наук МГЛУ; e-mail: atkayum@gmail.com

Маслова А.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук МГЛУ; e-mail: an_maslova@inbox.ru

ЧЕРТЫ РУССКОЙ МЫСЛИ. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Статья посвящена истории русской мысли в своем становлении и развитии. Задача статьи состоит в обзоре всей ее истории на примере работ ключевых мыслителей, начиная с представителей славяно-греко-латинских академий до современных М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорского. Ставится проблема периодизации и локализации русской философии и ее единства. В работе предпринимается попытка показать оригинальность и аутентичность русских мыслителей на протяжении трех с половиной веков, когда русская философия начала оформляться как самостоятельный культурный и мировоззренческий феномен.

Ключевые слова: русская философия; история философии; способ мышления; София; религиозная философия; свобода мышления.

Kayumov A. T.

Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Philosophical Sciences, MSLU; e-mail: atkayum@gmail.com

Maslova A. V.

PhD, Associate Professor, Department of Philosophical Sciences, MSLU;
e-mail: an_maslova@inbox.ru

FEATURES OF RUSSIAN THOUGHT. ON THE HISTORY OF PHILOSOPHY IN RUSSIA

The article is dedicated to the history of Russian thought in its formation and development. The goal of the article is to review the whole of the history of Russian philosophy as exemplified by works of its key thinkers starting with members of the Slavik-Greek-Latin Academies up to contemporary M.K.Mamardashvili and A.M.Pyatigorsky. The authors raise the problems of periodization, localization and

unity of Russian philosophy. An attempt is made to show originality and authenticity of Russian thinkers during the past three and a half centuries, when Russian philosophy began to take shape as an individual, cultural and worldview phenomenon.

Key words: Russian philosophy; history of philosophy; way of thinking; Sofia; religious philosophy; free thinking.

Введение

Географическая локализация философской рефлексии налагает определенные ограничения на метаанализ по выявлению специфики способа мышления, характеризующий русскую философию. Однако мы постараемся в ретроспективе выявить ее черты и путь, по которому она развивалась.

Специфика топоса страны во многом определила судьбу философствования в России. Периодизация «размывается» из-за того, что часто на иной способ философствования налагаются свойства философии, открытой древними греками, и они мешают говорить о русской философии в западноевропейском смысле. Философия в России играла важную роль в социальном бытии, порой даже слишком.

Периодизация русской философии проблематична, так как до Владимира Соловьева не было создано ни одной философской системы, за исключением, пожалуй, Григория Сковороды, который считается русским Сократом, религиозным философом, «опрокинувшим» греческое философское наследие на христианскую почву.

Проблема возникает также еще и с тем, как понимать саму философию, пытаясь описать историю русской мысли. Скорее, мы имеем дело с определенного рода рефлексией над миром реального и миром социального, не имеющей аналогов ни в одной другой культуре. Поэтому нет инварианта для определения начала русской философии. Мы можем начать отсчет с афористических сборников и древних литературных памятников «Пчела», «Изборник», «Повесть временных лет» и т. д., но они не содержат в себе ни метод, ни, тем более, мировоззрение в смысле наиболее полного представления о мире и человеке, о взаимосвязи между ними.

Как правило, формирование русской мысли считают с периода, когда Петр I начал реализацию российского «проекта просвещения». Стоит сначала сказать об основных работах по истории русской философии, на которые ориентируется современная русская историсофия.

В первую очередь это «История Русской философии» В. В. Зеньковского, а также с одноименным названием труд Н. О. Лосского, кроме того «Пути русского богословия» Флоровского. Они были оригинальными философами, о взглядах которых речь пойдет дальше. Критерии, которые мы будем применять в определении русской философии, основываются на специфике русского философствования как поиска собственной идентичности на мировой арене развития философии и в социальном пространстве. Однако русская мысль отличается от социальной философии как анализа феномена социального. На примерах конкретных выдающихся философов мы постараемся показать особый характер развития русской мысли, который, несомненно, обогащает и дополняет европейский тип философствования, но неидентичен ей.

Генезис русской философии

Становление русской философии принято отсчитывать с XVII в., когда философию начали преподавать в Славяно-греко-латинских академиях.

Русская мысль данного периода носит исключительно религиозный характер, однако уже тогда начинается выделяться такое направление мысли, как учение о Софии Премудрости, и оно будет развито в системе Владимира Соловьева в XX в., определяя нравственно-гносеологическую интенцию русской философии в целом. Идеи греко-латинских академий носили религиозный и нравственно-этический характер и занимались вопросами грамматики русского языка. Нельзя сказать, что это был «пустой» период в развитии светского философствования, «ученое монашество» занималось вполне спекулятивными философскими вопросами, решение которых спровоцировало создание Феофилактом Лопатинским труд под названием «Диалектика», где разъясняется 141 философский термин.

Время петровских реформ озаряет гений М. В. Ломоносова (1711–1765), которого мы скорее относим к ученым, нежели к философам. Учителем Ломоносова был Христиан Вольф, и это, несомненно, повлияло на русского ученого, чьи взгляды основывались на «корпускулярной философии», что позволило предвидеть строение вещества. Этим сегодня занимается современная химия. Кроме выдающихся достижений в области естественно-научного знания, Ломоносов разработал грамматику русского языка и внес весомый вклад в языкознание.

Непосредственный вклад в развитие русской мысли внес один из выдающихся деятелей XVIII в. философ Григорий Сковорода (1722–1794), которого называли «Сократом на Руси». Он был образцом философа-мистика, подобно Плотину в Александрии. Как пишет о нем В. Ф. Эрн, «в лице Сковороды происходит рождение философского разума в России» [Эрн 1912, с. 333].

Он считал, что философия не результат и не средство для решения мировоззренческих вопросов, но Путь, подобно Дао, который для себя однажды избирает человек, принимая философский образ жизни. Писал он преимущественно диалоги, что отражало отношение к философии как к особого рода игре, в которой «переплетаются» сократовская майевтика и христианские мотивы из Библии. Его творчество представляет собой своеобразный ответ на схоластический спор о соотношении веры и разума (поиск решения данной дилеммы станет одной из стихий русской философии рубежа XIX и XX вв.). Г. Сковорода – эрудит и знаток древних языков, он писал на латинском и на украинском языках, внес в философию оригинальную идею о трех мирах, которая в некотором смысле резонирует идее К. Поппера о трех мирах (мир феноменов, мир содержания индивидуального сознания ученого, его чувств, мыслей и гипотез, а также мир теорий, знаний), при этом русский философ исходил из онтологической религиозной установки.

Наследие «Русского Диогена» (еще одно символическое имя мыслителя) представляет собой оригинальное учение о человеке, где благодаря философии можно уловить связь «трех миров» и «двух природ», а также понять суть Софии-Премудрости Божией, которая одновременно присуща каждому народу по-своему, но едина сама по себе и есть ни что иное как Благо. Также философ разрабатывает конкретную этику индивидуального поступка, возвращая ее в реальную человеческую жизнь, где только и возможна реализация живого этического знания.

С момента создания в 1755 г. Московского университета начался новый этап развития русской мысли уже в светском ракурсе. Во многом это были оригинальные попытки переработки и синтеза европейской философии. Также в этот период возникает феномен радикальной мысли, одним из апологетов которой является А. Н. Радищев.

Самым ярким периодом в истории Русской мысли является рубеж XIX и XX вв. и весь XX в. В этот период формируется истинно русская литература, которая может в полной мере называться аутентичной

от начала и до конца, где мысль Толстого, Достоевского не просто «вплетаются» в европейский контекст, а образует автономное единство и одновременно богатое национальное наследие.

Создается уникальное синтетическое направление «Русский космизм», основанное на научном методе – междисциплинарной попытке объяснения метафизических вопросов. Основателем и духовным отцом космизма является Н. Ф. Федоров (1829–1903), мысли которого порой поражают смелостью и радикальностью. В философии общего дела он с помощью рациональной аргументации отстаивает идею о преодолении смертоносных сил природы, достижения сверхнравственности, когда люди начнут жить «с каждым для каждого». Это был проект осуществления царства Божьего в этом мире.

Плеяда русских космистов состояла не только из религиозно мыслящих философов, большая их часть была учеными. В. И. Вернадский (1863–1945) подобрал идеи француза Терьяра де Шардена и создал оригинальное учение о ноосфере, которая стала результатом его исследований в области естествознания. Он пытался найти единство в земных естественных процессах и связать их с социальной природой.

Такую работу провел А. Л. Чижевский (1897–1964), который смог обосновать влияние солнечной активности на историю человечества. Человек для космистов не автономная живая единица бытия, а связанная с космосом и биосферой реагирующая и зависимая от мегамира часть универсума.

Космизм как уникальное течение сегодня обрело масштаб стихии, которая охватывает не только образ мысли, но и поэзию, художественное творчество, исходящие из представления о единстве космоса и человека, единичного и всеобъемлющей стихии природы.

Теперь мы перейдем к описанию периода расцвета русской философии в литературе. В России уникальным образом литература становится спутницей философии, где в образах героев романа отражаются идеологические и философские убеждения автора.

В литературных образах Достоевского (1821–1881) выражена христианская антропология и экзистенциальная философия с попыткой ответа на вопрос «что делать?». Однако жизненный путь писателя указал ему на ошибочность революционного стремления преобразовать действующую социальную систему. После пережитой им метанойи, когда в последний момент был отменен приговор о смертной казни, весь творческий путь приобрел трагический экзистенциальный окрас,

через призму этой «пограничной ситуации» видел писатель и тщетность политической борьбы. Ибо зло неискоренимо. «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится глубже, чем предполагают обычно» [Достоевский 2010, с. 636].

Поиск истины, глубинной основы человеческой индивидуальной жизни интересовал Достоевского на протяжении всего его творческого пути. Каждый роман содержит философское мировоззрение автора, кредо которого – разгадать «темноту души человеческой». И это у него получается с гениальностью проницательного психолога в каждом романе. Диалогичность произведений русского мыслителя реализует идейный посыл и призывает к самостоятельному поиску истины.

В последнем и наиболее сложном романе «Братья Карамазовы» полифонически звучат идеи о теодицее, о ценности личности, об этическом идеале, о смысле жизни, о проблеме отцов и детей и поиске единства, братства во имя искоренения вражды, которая сеет зло и губит человечество. В романах Достоевского мы можем увидеть многообразие всех способов существования и то, как они решают вопросы, поставленные перед самим собой автором. Это всегда диалог героев, автора с героями и читателя с автором. «Всё в романах Достоевского сходится к диалогу, к диалогическому противостоянию, как к своему центру» [Бахтин 1994а, с. 161]. В такой диалог неизбежно погружается читатель Достоевского.

Что касается политических взглядов, то после пережитого им в начале блистательного литературного пути он был склонен к «почвенничеству», согласно которому необходимо объединить усилия славянофилов и западников во имя единого пути, истоки которого в идеалах братства и любви. По-новому зазвучит идея соборности, отражающая стремление русской души к единению, но не простой общности индивидуальностей, а «во имя Христа». Не мыслил он принятие ни католичества, ни протестантизма, но только в православии видел истоки и спасение русской культуры, высказывая мысль о «все-человечности» русской души, которая не вступает в противоречие с Западом. Достоевский так и не встретился с Ницше, хотя и оказал влияние на немецкого идеолога переоценки западноевропейских ценностей. Свобода в преодолении самого себя и выход к Богочеловеку, по Достоевскому, к Сверхчеловеку, по Ницше. Обличение настоящего положения дел приводит писателя к переосмыслению внутреннего

мира человека, где содержится сокровенное ядро личности, благодаря которому и возможна «любовь к дальнему».

Тема любви и русской самоидентичности занимала также Л. Н. Толстого (1828–1910), графа и человека, любившего жизнь. Его наследие можно разделить на дневники, литературные произведения и теоретические трактаты. Творчество Толстого является экзистенциальным *par excellence*, оно «соткано» из его личных кризисов, преодоление которых провоцировало его к созданию нового Евангелия, что не могло не оказать влияния, сотрясающего устои православной морали.

Напряженный поиск смысла собственной жизни породил произведения, которые стали классикой мировой литературы. Роман «Анна Каренина» поражает своей точностью описания психологических типов, причем гениальность Толстого как писателя состояла в том, что он мог в одном романе описать различные способы существования и предвидеть поступки каждого, как если бы он одновременно с написанием романа создал универсальную теорию типов личностей.

Философия Толстого, как и Достоевского, выражена в мировоззрении и этических работах. Так, концепция о непротивлении злу насилием оформила этическую позицию мыслителя. Принцип ненасилия распространяется на всех вплоть до государства, ибо люди равны перед Богом, по крайней мере, перед тем, что они считают Богом, а именно – воплощенной бесконечностью.

Ненасилие вытекает из представления об истине любви, для Л. Н. Толстого христианская этика открыла любовь в ее тотальной стихии как основополагающий принцип, следование которому подразумевает отказ от любого вида насилия. По мнению Толстого, насилие – «делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие» [Толстой 1957, с. 190]. Основу напряженной мысли Толстого занимала идея поиска единого этического основания всех культур и цивилизаций, которое бы могло дать ключ к пониманию достойной, наполненной смыслом жизни.

Максима Толстого, его этическая парадигма подобно багровому заходящему августовскому солнцу в своем великолепии, но предвещающая сильные ветры. Это время, когда европейская и вместе с ней русская мысль вступает в период декаданса.

Л. И. Шестова (1866–1938) называют «русским Ницше», так как по стилю его изложения он походит на свободолюбивый полет мысли немецкого философа, являя собой философию абсурда и декаданса.

Это философия, стоящая особняком от всей религиозной традиции философствования.

Название его работы «Афины и Иерусалим» вошло в современный дискурс как метафора классическому противостоянию разума и веры (продолжая тем самым давнюю мысль Тертуллиана). Философия свободы от традиции, сковывающей мысль, однако абсурдность состоит в том, что раз помыслив, невозможно вырваться из оков собственного сознания.

Заметное влияние идеи Шестова оказали на французский экзистенциализм, особенно на молодого А. Камю. Свобода от мировоззрения, от любого устоявшегося типа философствования, подобно льву, который разрывает верблюда, нагруженного старинными ценностями, открывая возможность родиться новой философии. Философия, по Шестову, – это неуспокоенность сознания, постоянный выход из окончательных решений и догматических ответов. Выход за пределы традиции мысли, но не выход за пределы русской мысли, как ни парадоксально, но несмотря на отмежевание от религиозной тенденции философствования в России Шестов поразительно резонирует свободе духа, которая была положена в литературе XIX в. Именно в русской литературе черпали вдохновение европейские экзистенциалисты, что проницательно обнаружил уже Шестов.

Поразителен выбор изучения конкретных философов разных времен, казалось бы, не связанных между собой, разбросанных в веках, и что именно эта часть философского разума стала определяющей для мыслителей рубежа XIX и XX вв. Будто действительно это работа философской интуиции, что заставляет философа концентрировать свое внимание на нескольких великих философских учениях. Точечность выбора отражает характер и способ существования философа, который своим вопрошанием и притяжением обнаруживает самого себя. Концентрация на учении Платона захватывает Шестова, а также Гегеля и Хайдеггера. Устояние на границе эпох в искусстве есть проявление маньеризма, в философии же это провозвестник декаданса, но не в деструктивном смысле, а позитивном, как всепоглощающее стремление переосмыслить основания человека в мире.

И всё-таки остается вопрос: «Где искать сущности вещей, о чем думать: об уходящих брызгах или вечной радуге?» [Шестов 2007, с. 79]. Владимир Соловьев (1853–1900) – мыслитель иного порядка, он создал систему, софиологию и своей жизнью являл образ

религиозного философа *par excellence*. Вдохновенное, мистическое, пронизанное глубокой верой в «утопическую теократию», как называет его идею Зеньковский, учение было далеко от «сухих» спекуляций и комментирования текстов зарубежных философов.

Оригинальность философии Соловьева заключается в ее стремлении к симфонии разума и веры в свете этического преимущества христианства. Однако его не удовлетворяла ни одна из существующих религий, и его метания в сторону католичества ни что иное, как выход за пределы ограниченности православия в стремлении создания «религии Святого Духа», как он сам называл свое видение. Образ Софии наиболее четко просматривается в философии Соловьева наряду с оформленной идеей всеединства. Эволюция идей мыслителя содержала смену взглядов, но он был верен образу жизни, ищущему образ Софии до конца жизни.

Основные идеи философии Соловьева – это интуиция Софии и положительное всеединство. Взгляд на человечество как единое живое существо, наряду с этическим образом Софии, создает единую систему, однако сами эти идеи по отдельности имели разные корни, как сказал Флоровский, Соловьев «пытался строить церковный синтез из нецерковного опыта» [Флоровский 1983, с. 309]. Человек, по Соловьеву, является единичным всеобщим в стремлении к Богочеловечеству как синтетическому «единосущию» человечества в целом.

В его творчестве сочетались философия и поэзия, его стихи выражают глубокие мировоззренческие прозрения точнее, чем прозаические тексты трактатов. Действие философии состоит, по Соловьеву, в том, чтобы возвести человека к практике возведения собственной души к Абсолюту, но не в спекулятивно гегелевском смысле, но духовно нравственном, религиозном. Философия становится *ancilla theologia*, но не в унижительном смысле обслуги теологических проблем, а как продуктивная способность ума созерцать запредельное. «...Соловьев постоянно стремится показать торжество или близость того, что открывается религиозной вере через откровение, с тем, к чему приходит наш ум, опирающийся на «идеальную интуицию» [Зеньковский 2001, с. 468].

Философия – это арена мучительного выбора между истинами разума и истинами Откровения, но арена эта находилась в самой душе философа. Эту драму Соловьев вынес за пределы своей жизни,

воплотив свое учение в целую традицию религиозной философии в России, фигура В. Соловьева имела такое значение, что любой начинающий философ должен был как-то относиться к системе мыслителя, подобно тому, как отношение к философии Гегеля определило пути как Фейрбаха, так и Кьеркегора.

На наш взгляд, по своему влиянию и стремлению масштабна фигура Н. О. Лосского (1870–1965), как философа, создавшего метафизическую систему. Он пытался сделать поистине невозможное, соединить две противоположные формы метафизики – это всеединство и манадологический плюрализм Лейбница. Целостность метафизической системы позволила русскому философу вести переписку с Эйнштейном, которая была обнаружена совсем недавно, что подтверждает истинное стремление Лосского к созданию философии как науки. Как известно, онтология лежит в основе эпистемологии, и из их синтеза рождается этика, так происходит и в системе Лосского. В каждой работе слышится его онтология, без которой идея интуитивизма было бы автономной, подобно двум параллельным Евклида.

Интуитивизм был популярным направлением в философии и математике, однако в работе «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция» разработан иной тип интуитивизма, отличный как от Бергсона, так и от Брауэра, что его: «...интуитивизм – интегральный: все виды знания суть разные виды непосредственного созерцания субъектом разных видов бытия» [Сердюкова 2017, с. 84].

Свое учение философ называет персонализмом, когда «...вся природа насковзь полна жизни, и человек обладает не склонностью все ошибочно одушевлять, а способностью действительно видеть всюду разлитую жизнь» [Лосский 1998, с. 155]. Мир представляет собой органичное целое: «Всё имманентно всему». При этом нельзя думать, что Лосский был склонен к мистике, напротив, его система противостоит соловьевскому духу спиритизма. Интуитивизм необходим здесь как закономерно установленный способ познания мира, иерархия которого построена по принципу равноправия, отличаясь лишь степенью сознания, а Бог ни что иное, как творец субстанциальных деятелей, находящихся в пространственно-временном континууме.

Исключительность учения Лосского состоит в том, что он один из немногих, кто без отказа от рационализма создал метафизическую систему, основа которой составляет интуиция. Эйнштейн в своем

ответном письме философу высказывает мысль о свободе выбора наших предпосылок для создания онтологии, и действительность как переживание может быть сведена не только к психическому...

Творение философии как науки, с опорой на естествознание было популярным философским ремеслом на протяжении XX в., пока Европа не осознала, что столкнулась лицом к лицу с кризисом рационального разума, той его части, на которую и ставили большинство апологетов научного прогресса. В России же происходил несколько иной процесс, ибо мысль «питалась» не соком рации, но взращивала себя из постоянного трагического напряжения поиска самовыражения. Сочетание позитивного мышления вместе с метафизическими и религиозными вопросами пробуждали к всеохватывающему осмыслению исторического процесса, человека в нем как сознательная часть этого абсолютного бытийственного потока.

П. А. Флоренский (1882–1937), как он себя называл «строитель мостов между миром горним и дольным» был мыслителем естественно-научного склада ума, но в середине жизни обращенный в православное священство. Ученый, философ, богослов, написавший около 150 статей в «Технической энциклопедии», руководил лабораторией испытания материалов. Остро чувствующий кризис «классического рационализма» он искал пути его преодоления в общем для религиозных мыслителей терме всеединства, в синтезе науки и религии, решая вечный вопрос о соизмеримости веры и разума. Конкретность номинализма оказалась сильнее абстрактности духа, “вещизм” партикулярного, ибо “Бог мыслит вещами”» [Флоренский 1914, с. 326].

Энциклопедический ум философа охватил также проблему смысла истории, которая стала общим местом русской философии XX в. Путь истории подобен пути Судьбы, творящей индивидуальную жизнь личности. Разгадать ее можно только поняв смысл свободы, загадка которой овладела умами всего XX в. и не перестает быть предметом бурных дискуссий сегодня. Для Флоренского свобода онтологична в смысле своего пред- и надисторического статуса условия возможности самой истории как индивидуальной, так и общечеловеческой, так и отдельной культуры.

«Мир Флоренского, у которого всё внешнее просвечивает общим и одновременно не может быть с ним отождествлено, насквозь символичен, он есть кодирование феномена в ноумене, внутреннем зраке вещи» [Неретина 1999, с. 208]. Флоренского можно сравнить

с Аристотелем своего времени, который с помощью аналитического ума пытался обнаружить суть вещей из них же самих, но предчувствуя какую-то высшую реальность, наделяющую каждую вещь заветной сущностью. С этого начинается поиск границы разума, которую русский мыслитель определяет верой, однако верой «вопреки».

Поиск смысла истории, в которой «сплетены» воедино два мира горний и дольний, «царство Духа и царство Кесаря», занимает ум Н. А. Бердяева (1874–1948), который выстраивает свою философию вокруг концепта свободы, обозначая его центральной категорией как бытия, так и личности, которая в это бытие заброшена.

Экзистенциальный «привкус мышления» философа выражается в выборе круга тем – это проблема творчества, становления личности и персонализм. О персонализме стоит сказать отдельно в связи популярностью этого направления в религиозной мысли в России. Идея Богочеловечества понималась им как воплощение божественного духа в личности человека, его творческом акте, подобно божественному *creatio ex nihilo*. «В творческой свободе есть неизъяснимая и таинственная мощь созидать из ничего, недетерминированно, прибавляя энергию к мировому круговороту энергии» [Бердяев 2007, с. 152].

В этой связи нельзя не упомянуть крупного философа М. М. Бахтина (1895–1975), исследование творчества которого уже составляет отдельную «индустрию», как скажет об этом Г. Морсон [Morson 1986, с. 81–9].

В своих блестящих работах, посвященных литературе, а также оригинальной концепции поступка Бахтин, наряду с Кьеркегором и Хайдеггером, может считаться философом экзистенциалистом, поддерживая отечественную традицию глубокого анализа человеческой жизни и поиска ценностных ориентиров личности.

Творческое наследие Бахтина позволяет говорить о нем как о литературоведе, теоретике языка и текста, эстетике и философском антропологе и, конечно же, о философе культуры. Русский философ вводит новые понятия, которые вошли в лексикон философствования и отражают ядро его концепции «события-бытия», воплощенной в поступке. Это такие понятия, как *хронотоп*, *долженствование*, *не-алиби в бытии*, *нудительность*, *идея карнавала в анализе романа*, *автор и герой эстетической деятельности*, *внезаходимость*, *диалог* (этому понятию философ дал новое звучание и придал глубокий смысл, выходящий за пределы понятий спора, беседы, полемики). Без апелляции

к религии Бахтин говорит о событии как о гиперответственном акте жизни, приравнивая к нему не только действия и решения человека, но даже мысль становится поступком со всей глубиной ответственности события-бытия. «Каждая мысль моя с ее содержанием есть мой индивидуально-ответственный поступок, один из поступков, из которых складывается вся моя единственная жизнь как сплошное поступление, ибо вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок...» [Бахтин 1994б, с. 12].

В философии Бахтина творчески представлена также проблема диалога, особенно его поэтики. «Диалог у Бахтина – это ни что иное, как разномерность события, из которого Бахтин исходит как из первичного фундаментального феномена и пытается осмыслить с самых разных точек зрения и самых разных тематических перспективах» [Щитцова 2002, с. 24]. В этом генетическом ядре кроится нравственный посыл, который характерен для русской мысли в ее становлении и эволюции.

XX в. в России открыл широкое поле для западных исследований и породил интерес к Востоку. Причем этот интерес обусловлен не столько любопытством ради знания, сколько внутренней потребностью русской мысли углубить и расширить свой творческий потенциал. С. С. Аверинцев (1937–2004) выражает своим творчеством секулярный интерес к истокам христианства, особенно византийской традиции православия. Это было второе дыхание в истории русской философии. После периода «воинственного атеизма» настало время для «нового христианского гуманизма». Мы решили поместить фигуру данного ученого в связи с его значимостью в эпоху перехода к гуманизации самой истории и литературы, что связывает его творчество с эволюцией русской мысли как единой линии судьбы.

Начинает пробуждаться поиск кросскультурных смыслов, которые кочуют из одной культуры в другую либо остаются неизменными, в этом предстоит разобраться мыслителям, если угодно, новой волны русской мысли. Теперь история берется как воплощенный способ мышления и существования эпохи, который необходимо расшифровать через анализ поэтического и лингвистического знания. Необходимо распознать язык, на котором говорит бытие в каждой отдельной культуре. Для Аверинцева это ранняя Византия, для А. Я. Гуревича – Средневековье. Формируется оригинальный стиль и принципы философии культуры.

М. К. Мамардашвили (1930–1990) продолжает плеяду оригинальных мыслителей эпохи XX в. Главный вопрос его философии – понять, как можно помыслить то, чем мыслишь. Его меткие обозначения мыслительного процесса как «котел – *cogito*», «я мыслю, следовательно, я свободен» направлены на прояснение эпистемологических проблем, и в этом проявился гносеологический поворот в истории русской мысли. Это философ философии, который мог занять метапозицию по отношению к истории философии, будучи при этом «встроенным» в нее, но в собственной искренней свободе мысли высказать свое суждение о ней.

История европейского разума понимается «грузинским Сократом» (как его как-то назвали) как жизнь сознания в своих исторических манифестациях, реализация свободы философии. Особое место в творчестве русского мыслителя занимает анализ Декарта и Канта, в которых он видел воплощение традиции европейской мысли и разработчиков идеи *cogito* как основополагающего условия любого свободного акта действия, в первую очередь, акта мысли.

Становление и развитие европейской рациональности является объектом исследования М. Мамардашвили. Приведем одно из его оригинальных высказываний: «Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [Мамардашвили 1990, с. 14]. Философия – это жизнь, живая плоть мышления в своей свободе.

В контексте проблемы диалога культуры и непонимания народов, философия остается наднациональным целым, что отстаивал М. Мамардашвили в своих многочисленных лекциях и книгах, большая часть которых была опубликована посмертно и составила основной компендиум его трудов. Как скажет философ в одном из интервью: «По-моему, невозможны национальные философы» [Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили 1994, с. 61].

Хотелось бы вспомнить и о выдающемся философе, востоковеде, буддологе А. М. Пятигорском (1929–2009). Отметим, что М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский рассматриваются вместе по двум причинам: диктат хронологии и совместный труд – книга «Символи сознание. Метафизические размышления о сознании, символике и языке» – это тот редкий случай, когда перед нами разворачивается картина гармонии двух философствующих сознаний.

А. М. Пятигорский и М. К. Мамардашвили – блестящие лекторы и собеседники, именно в устной речи раскрывается полнота их мысли, особенно это справедливо относительно Пятигорского. Философ языка, семиотик, знаток Древней Индии и буддизма, скорее, являл собой образ мудреца, призывающего к мышлению, нежели систематика. В творчестве Пятигорского было сильное стремление понять мышление другой культуры, ее инаковость и одновременно цельность, независимую от дискурса о культуре и контексте.

В одном из опубликованных интервью в «Независимой газете» от 1.04.1993 он скажет: «Запада и Востока нет, нет России и Запада, нет России и Востока ... есть непрерывные градации, которые мы сводим к каким-то чрезвычайно искусственным, вкусовым, а не эпистемологическим разграничениям» [Пятигорский 1996, с. 300]. Поиск оснований прасознания, досознания, которое и есть то самое сознание, о котором мы ничего не можем сказать, а только расшифровывать древние памятники, запечатленные в текстах. Это уже метакультурный анализ, который отражает мысль философа о самом себе, что он «... человек никакой культуры» [там же, с. 307].

В заключение отметим, что данный очерк по истории русской мысли является лишь каплей для прояснения истории философии в России. Мы попытались показать становление и эволюцию русской мысли на примере некоторых ярких ее представителей, в философии которых отражена напряженность на острие ума в решении фундаментальных вопросов бытия и мышления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев : NEXT, 1994а. 509 с.
Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев : NEXT, 1994б. 384 с.
Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 668 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
Зеньковский В. История русской философии. М. : Академический Проект, Раритет. 2001. 880 с.
Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М. : Прогресс–Культура, 1994. 240 с.
Лосский Н. О. Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. М. : Прогресс-Традиция : Традиция, 1998. 416 с.

- Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
- Неретина С.С.* Тропы и концепты. М. : ИФ РАН. 1999. 208 с.
- Пятигорский А.М.* Избранные труды. М. : Школа «Языки русской культуры». 1996. 590 с.
- Сердюкова Е.В.* Материалы из архивов Г.О. Лосского и А. Эйнштейна : Дискуссия о пространстве и времени // Вопросы философии. 2017. № 1. 81–91 с.
- Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 28. М. : Изд-во художественной литературы. 1957. 382 с.
- Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914. 326 с.
- Флоровский* Пути русского богословия. М. : ИМКА-Пресс. 1983. 608 с.
- Шестов Л.* Potestas clvium (Власть ключей). М. : АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 348 с.
- Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. М. : И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
- Эрих В.Ф.* Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. 342 с.
- Morson G.S.* The Baakhtin Industry // Slavic and East European Studies. Tempe. 1986. Vol. 30. # 1. P. 81–90.

**«ДИАЛЕКТИКА МИФА» ПРОФЕССОРА А. Ф. ЛОСЕВА
КАК НАИБОЛЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ УЧЕНИЕ
О МИФОЛОГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ**

Вот уже более ста лет миф и мифологическое сознание являются объектом изысканий и споров. Многие науки – история, этнография, социальная антропология, культурология и языкознание – внесли весомый вклад в определение этих понятий. Большинство определений и дефиниций мифологического сознания напрямую связывают его с определенным историческим этапом в развитии человеческого общества, а именно – с поздним палеолитом, в котором видят также начало развития мышления, языка и первичной социализации человека. Другой краеугольный камень существующих теорий мифологического сознания – физиология человека, а именно – функционирование правого и левого полушарий головного мозга, первое из которых отвечает за интуитивное и наглядно-образное мышление, второе – за логическое мышление, внимание, анализ, язык. Однако большинство теорий не выдерживают критики и не могут ответить на многие сложные вопросы, связанные с мифологическим сознанием. Наиболее последовательный взгляд на формирование и сущность мифологического мышления выдвинул профессор А.Ф.Лосев в своем труде «Диалектика мифа». А. Ф. Лосев трактует миф предельно широко. По Лосеву, миф – это трансцендентально-необходимая категория мысли, а абсолютная мифология – это теория перспективности бытия и рельефности, выразительности жизни. В статье излагаются основные положения теории мифологического сознания, выдвинутые профессором А.Ф.Лосевым. Отмечается, что теория мифологического сознания профессора Лосева до сих пор не получила должного признания.

Ключевые слова: мифологическое сознание; миф; мифология; социальная антропология; философия; примитивные общества.

**«DIALECTICS OF THE MYTH» OF PROFESSOR A. F. LOSEV AS
THE MOST CONSECUTIVE DOCTRINE ABOUT MYTHOLOGICAL
CONSCIOUSNESS**

Already more than hundred years the myth and mythological consciousness are subject to researches and disputes. Many sciences – the history, ethnography, social anthropology, cultural science and linguistics – made a powerful contribution to definition of these concepts. The most part of definitions of mythological consciousness

directly connects it with a certain historical stage in development of human society, namely, with a late paleolith, the beginning of development of thinking, language and primary socialization of the person. Other cornerstone of the existing theories of mythological consciousness – human physiology, namely, functioning of the right and left cerebral hemispheres, first of which is responsible for intuitive and evident and figurative thinking, the second one – for logical thinking, attention, the analysis, language. However the majority of theories do not maintain criticism and cannot answer many difficult questions connected with mythological consciousness. The most consecutive view of formation and essence of mythological thinking was put forward by professor A. F. Losev in his work “Dialectics of the Myth”. A. F. Losev treats the myth extremely widely. Across Losev, the myth is a transcendental and necessary category of a thought, and the absolute mythology is a theory of prospects of life and relief, expressiveness of life. In article the basic provisions of the theory of mythological consciousness which are put forward by professor A. F. Losev are stated. It is noted that the theory of mythological consciousness of professor Losev still did not gain due recognition.

Key words: mythological consciousness; myth; mythology; social anthropology; primitive societies.

Вот уже более ста лет миф и мифологическое сознание являются объектом изысканий и споров. Многие науки – история, этнография, социальная антропология, культурология и языкознание – внесли весомый вклад в определение этих понятий. Нельзя не вспомнить имена известных ученых, принявших участие в работе над этой сложной и неблагодарной темой, а именно – французского антрополога и этнолога, профессора Сорбонны Л. Леви-Брюля (1857–1939), создателя теории «дологического» сознания; британского религиоведа, этнолога и культуролога Джеймса Джорджа Фрэзера (1854–1941) с его фундаментальным трудом «Золотая ветвь»; французского этнолога, социолога и этнографа К. Леви-Стросса (1908–2009), создателя структурной антропологии и других. В результате работы целого поколения ученых были сформулированы и разработаны различные теории сущности и формирования мифологии и мифологического сознания, которые можно разделить на несколько больших групп, а именно:

- Рационалистические, или натуралистические, теории, считающие мифологию первобытным аналогом науки, пытавшейся осознать природные явления и процессы и объективизировать их в понятных образах.
- Анимистические теории, сводящие суть мифологического мышления к одушевлению всего мира и его явлений.

- Биологические теории, развивающие теорию З. Фрейда и ищущие сущность мифов в переосмыслении подавленных подсознательных половых влечений.
- Социологические теории, понимающие мифологию как рефлексивное освоение мира, выражение связи первобытного коллектива с внешним миром.

Перечисленные теории выработали различные определения мифологического сознания, некоторые из которых следует привести. Итак, *мифологическое сознание* – это:

- инстинктивное некритическое отношение к достоверности окружающего мира в сознании человека;
- иллюзорное представление о мире, принимаемое за истину;
- упрощение сложного мира для облегчения познания и использования в своих целях;
- мироощущение, осмысливаемое в мифологических символах;
- самоутверждение осваивающего мир человеческого сознания;
- первая ценностная картина мира, позволяющая человеку осознать факт своего существования;
- иррациональный способ духовного самоопределения социальной группы в ходе освоения мира;
- способ аксиологической интерпретации мира.

Мифологическое сознание характеризуется:

- принципиальной неразличимостью истинного и кажущегося;
- тождеством логического и алогического;
- чувственным познанием, неспособным отделить существенное от несущественного, закономерное от случайного;
- принятием навязчивых идей за реальную опасность;
- консерватизмом и устойчивостью традиции;
- многомерностью, многозначностью, плохой транслируемостью;
- незначительной степенью вербализации;
- символизмом;
- оперированием не понятиями, а диффузными комплексами, аксиологическими смыслами.

Большинство перечисленных теорий связывает мифологическое сознание с определенным периодом развития человеческого общества, а именно – с поздним палеолитом. Это время первичной социализации человека, начало формирования мышления, воли и языка.

Другим краеугольным камнем мифологических теорий является физиология человека: функционирование правого и левого полушарий головного мозга. Как известно, правое полушарие отвечает за интуитивное и наглядно-образное мышление, воображение, вообще творчество, а левое – за логическое мышление, внимание, анализ, язык. Соответственно, мифологическое сознание связывают с развитием правого полушария. По мере развития праворучной деятельности левое полушарие начинает развиваться быстрее, правое же замедляется, что приводит к преимуществу функций левого полушария над правым и логического мышления над интуитивным. Соответственно развитие языка как знаковой системы также коррелируется с развитием логического мышления.

Вот в общих чертах фундамент теорий мифологического сознания в том виде, в котором они сложились к концу прошлого века. Конечно, здесь очень много ненадежного и недоказуемого с научной точки зрения. Прежде всего, что мы знаем о первобытном человеке и обществе? Доподлинно очень мало. Большинство утверждений здесь базируется на данных этнографии и изучении примитивных обществ, жизнь которых еще можно было наблюдать в конце XIX – начале XX вв., сейчас же таких вовсе не тронутых цивилизацией обществ практически не осталось. То есть аргументы мы вынуждены использовать метод экстраполяции¹, который далеко не всегда приводит к корректным выводам.

Не подвергая сомнению известные факты функционирования полушарий головного мозга, следует отметить, что применительно к мифологическим теориям здесь также остается много белых пятен. Например, как объяснить факт наличия богатейшей космогонической и героической мифологии у древних греков и почти полное отсутствие ее у римлян? Два индоевропейских народа, близкие по происхождению, географическому положению и времени появления на исторической арене, но совершенно разные по менталитету. Что не так было с правым полушарием римлян?

¹ Экстраполяция – это логико-методологическая процедура переноса выводов, сделанных относительно какой-либо части объектов или явлений на всю совокупность данных объектов или явлений; распространение выводов, сделанных на основе настоящих или прошлых состояний явления или процесса на их будущее состояние.

Или развитие праворучной деятельности происходило у них намного быстрее, чем у греков, что привело к атрофии правого полушария и, соответственно, к отсутствию мифологического сознания? Ответов на эти вопросы нет. Итак, следует признать, что аксиоматически принимаемые установки многих ныне существующих мифологических теорий базируются на более или менее правдоподобных гипотезах. Иными словами, мы имеем дело с гипотезами, построенными на гипотезах.

На наш взгляд, разгадку мифологического мышления надо искать не только, и возможно, не столько в прошлом человеческого общества. Разве мифологическое сознание полностью отсутствует у современного человека? Напротив, мы легко верим в недоказанные или вообще недоказуемые научные теории. А что это как не синдром мифологического мышления? Изменились исторические реалии и «внешняя упаковка», а сущность осталась прежней. В связи с этим наиболее последовательной представляется теория мифологического сознания, выдвинутая в труде профессора А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» (1930) и других его сочинениях. Об авторе следует сказать особо.

Алексей Федорович Лосев (1893–1988) – легенда российского антиковедения. В 1915 г. окончил отделение философии и классической филологии в Московском университете. Будучи в командировке в Берлине, сблизился с русскими религиозными философами – Семеном Франком, Николаем Бердяевым, Валентином Асмусом. Был учеником известного русского философа и богослова Павла Флоренского. С 1919 г. занимал должность профессора классической филологии Нижегородского университета и профессора эстетики Московской консерватории. В 1929 г. тайно постригся в монахи. В 1930 г. после выхода уже упомянутой книги «Диалектика мифа» был арестован и приговорен к десяти годам работ на Беломорско-Балтийском канале. В 1933 г. был освобожден по ходатайству жены М. Горького. Здоровье А. Ф. Лосева было значительно подорвано годами заключения, он практически лишился зрения. После освобождения работал в МГУ и пединституте, внес огромный вклад в развитие отечественного антиковедения и философии.

Что же нового, по сравнению с прежними теориями мифологического мышления, содержится в сочинении «Диалектика мифа»? Прежде всего, А. Ф. Лосев понимает «миф» и «мифологическое сознание» очень широко, не ограничивает эти понятия рамками первобытного

или примитивного общества. Определение мифа по Лосеву звучит так: «Миф для мифического сознания есть наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола.

Миф – необходимейшая, трансцендентально-необходимая категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность. Он – не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенной структуры и есть логически, т.е. прежде всего диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [Лосев 1990, с. 1]. Лосев упрекает науки, изучающие мифологию и мифологическое сознание в недиалектичности.

В своем труде он сравнивает мифологию и мифологическое сознание с примитивно-научными построениями, к которым их сводят рационалистически-натуралистические школы, и категорически заявляет, что наука не рождается из мифа, хотя по сути она всегда мифологична [там же, с. 3].

Вот, например, блестящий пассаж А.Ф.Лосева относительно опровержения наукой оборотничества. «Когда “наука” разрушает “миф”, то это значит только то, что одна мифология борется с другой мифологией, – пишет А. Ф. Лосев. – Раньше верили в оборотничество, вернее, имели опыт оборотничества. Пришла «наука» и «разрушила» эту веру в оборотничество. Но как она ее разрушила? Она разрушила ее при помощи механистического мировоззрения и учения об однородном пространстве. Действительно, наша физика и механика не имеет таких категорий, которые могли бы объяснить оборотничество. Наша физика и механика оперирует с другим миром; и это есть мир однородного пространства, в котором находятся механизмы, механически же движущиеся. Поставивши вместо оборотничества такой механизм, «наука» с торжеством отпраздновала свою победу над оборотничеством.

В этом и заключается мифологизм европейского естествознания, – в исповедании одного излюбленного пространства; и от этого и казалось ему всегда, что оно «опровергло» оборотничество. Принцип относительности, говоря о неоднородных пространствах и строя формулы относительно перехода от одного пространства к другому,

снова делает мыслимым оборотничество и вообще чудо, а отказать в научности, по крайней мере, математической стороны этой теории может только неосведомленность в предмете и невежество в науке вообще» [Лосев 1990, с. 5].

Мифологическое сознание, по Лосеву, не нуждается в толкованиях и научно-исторических разгадываниях. Мифологическое мышление оперирует только с реальными объектами, с максимально конкретными и сущими явлениями. Правда, в мифической предметности можно констатировать наличие *разных степеней реальности*. «Миф не есть метафизическое построение, но есть реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в то же время отрешенной от обычного хода явлений и, стало быть, содержащая в себе разную степень иерархичности, разную степень отрешенности» [Лосев 1990, с. 8].

С точки зрения А. Ф. Лосева, миф – это, прежде всего, символ, содержащий в себе схематические и аллегорические слои, а мифическая отрешенность есть отрешенность от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни. Таким образом, миф совмещает в себе черты как поэтической, так и реальной действительности, и не является поэзией и аллегорией в чистом виде.

Мифическая отрешенность есть отрешенность от смысла вещей, причем от их смысла в повседневной и обыденной жизни. Вещи в мифе, оставаясь самими собой, приобретают иной особый смысл. Например, «ковер – обыкновенная вещь повседневной жизни. Ковер-самолет – мифический образ. Какая разница между ними? Вовсе не в факте, ибо по факту своему ковер как был ковром, так им и остался. Разница в том, что он получил совершенно другое значение, другую *идею*; на него стали смотреть совершенно иными глазами» [Лосев 1990, с. 17].

«При этом мифическая отрешенность предполагает чрезвычайно простую интуицию, является по сути примитивно-интуитивной реакцией на вещи, а стало быть, миф есть общее, простейшее, до-рефлексивное, интуитивное взаимоотношение человека с вещами.

«Мифическая отрешенность» есть просто отрешенность от чисто отвлеченного и дискретного существования. Она есть та специальная сфера, в которую погружаются отвлеченные понятия, чтобы превратиться в живые вещи живого восприятия» [Лосев 1990, с. 18].

Продвигаясь далее к конкретизации понятия мифа, А. Ф. Лосев заключает: «Миф есть диалектически необходимая категория сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъект-объектного, структурно выполненного взаимообщения, где отрешенная от изолированно-абстрактной вещности жизнь символически претворена в дорефлективно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергийный лик. Еще короче: миф есть интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна» [Лосев 1990, с. 18].

Далее профессор А. Ф. Лосев рассматривает взаимосвязь мифологии и религии и приходит к выводу, что миф и мифичность не являются принципиально религиозными, если исходить из того, что религия есть всегда то или иное самоутверждение личности в вечности [Лосев 1990, с. 25]. В доказательство своего положения он останавливается на таких важнейших вопросах, как соотношение веры и знания, субъекта и объекта, идеи и материи, сознания и бытия, и приходит к выводу о том, что определение мифа и мифологического сознания натывается на непреодолимое препятствие механистического мировоззрения, категорически разделяющее объект и субъект непроходимой пропастью. Однако это устаревшая точка зрения старой рационалистической метафизики, где субъект мыслится только как чистое мышление, а объект как механизм. Сам А. Ф. Лосев предлагает рассматривать указанный дуализм с диалектической точки зрения, которая знает объединение и синтез субъекта и объекта. И миф как раз устанавливает степень соответствия эмпирии личности с ее идеально-первозданным началом, он содержит диалектику первозданной, доисторической, не перешедшей в становление личности и – личности исторической, становящейся, эмпирически случайной, т. е. миф есть неделимый синтез этих обеих сфер. За личностью и вещью мифология видит заложенный в них от начала, исконный потенциал, который может реализоваться или не реализоваться в реальной истории, и рассказывает об этом в символических образах.

Так вкратце можно изложить учение профессора А. Ф. Лосева о мифе и мифологическом мышлении. Понятно, что критика материалистического подхода к решению вопросов мифа и мифологического сознания, господствовавшего в те годы, не могла не вызвать соответствующей реакции. В результате, хотя автор и был реабилитирован, его теория так и не получила должного освещения и признания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 429 с. URL: www.litmir.me/br/?b=61871&p=1
- Лосев А. Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
- Лосев А. Ф.* Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
- Пивоев В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.
- Тайлор Э. Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
- Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998. 800 с.
- Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 832 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Гуманитарные науки Выпуск 17 (815)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Humanitarian Sciences Issue 17 (815)
---	--

Ответственный редактор
доктор филологических наук, доцент Л. В. Моисеенко

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 28.12.2018 г.
Усл. печ. л. 17,7. Формат 60х90/16
Заказ № 153

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна